Т52(235=Мо) 9 54
М 792

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРДОВИИ

Т52(2Б5=Мо)я54
М792

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ
МОРДОВСКОЙ АССР

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРДОВИИ

Труды, вып. 71

САРАНСК
МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1982

63517

БИБЛИОТЕКА
МОРДОВСКОГО
Научно-исследовательского
института языка, литературы,
истории и экономики

Предлагаемый читателям сборник этнографических статей отличается от изданных ранее разнообразием содержания. Кроме статей традиционной этнографической тематики в него входят и, более того, составляют его основу статьи, посвященные показу этнокультурных процессов среди мордовского и отчасти среди русского населения Поволжья, главным образом—в пределах Мордовской АССР. Изучение этнокультурных, или этнических, процессов в последние десятилетия стало главной задачей советской этнографической науки. Для анализа таких процессов привлекаются различные методы исследования. Немаловажное место среди них занимает так называемый этносоциологический метод, предусматривающий проведение массового выборочного обследования этноса (или части его) по специально разработанной анкете с последующей обработкой полученных материалов на ЭВМ и увязкой отдельных компонентов этноса (языка, элементов материальной культуры и т. д.) в единую систему. Этот метод, позволяющий характеризовать этнокультурные изменения «мерой и весом», существенно повышает значимость этнографических исследований. Массовое этносоциологическое обследование в Мордовской АССР было проведено под руководством В. В. Пименова в 1973—1974 гг. и затем продолжено в последующие годы.

Доктор исторических наук **В. И. Козлов.**

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, лауреат Государственной премии СССР **В. И. Козлов** (ответственный редактор), **А. С. Лузгин, И. М. Петербургский, П. М. Мезин.**

Этнокультурные процессы в Мордовии. Науч.-иссл. ин-т языка, лит., истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР; Ред. кол.: докт. ист. наук **В. И. Козлов,** канд. ист. наук **А. С. Лузгин, И. М. Петербургский** и др.—Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1982.—172 с. (Труды. Вып. 71).

Э $\frac{10602—120}{М\ 130(03)—82}$ Без объявл. 82 0508000000

© Ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, 1982

П. М. МЕЗИН

АРХАИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ В ОБРЯДОВОЙ ПИЩЕ МОРДВЫ

Вопрос об архаической обрядовой пище в этнографической литературе не получил должного освещения. Однако значимость таких исследований несомненна, так как они помогают полнее и глубже определить этническое своеобразие, значительно расширяют понятие традиционной пищи и служат прекрасным материалом для характеристики истории культуры и быта этноса.

В данной статье сделана попытка обобщить и проанализировать ранее известный этнографический материал, кроме того, вводятся в научный оборот новые данные, собранные автором во время экспедиций 1974—1979 гг. на территории Мордовской АССР. При характеристике пищевых продуктов, а также отдельных ранних блюд привлечен археологический материал.

Сведения о пище в прошлом содержатся в письменных источниках XII—XVIII вв.—русских летописях, работах иностранных путешественников XIII—XVIII вв. (Рубрука, И. Барбаро, С. Герберштейна, И. Кильбургера, И. Кампанеза), трудах академических экспедиций конца XVIII века. Так, в работах Иосифа Барбаро, посетившего в 1436 году г. Казань, отмечается, что основными продуктами питания у мордвы были мясо и рыба (28, с. 289). В работе шведа Иоганна Кильбургера, прибывшего в 1677 году в Москву, указывается на широкое бытование среди мордовского народа разнообразного и лучшего по качеству светлого и бурого меда (9, с. 112). И. И. Лепехин в конце XVIII века отмечал, что у мордвы есть огороды, «в которых садят всякий овощ, как-то: свеклу, морковь, капусту, огур-

цы, а о другой зелени, например, пустырнике, петрушке и про
и понятия не имеют» (20, с. 157).

И. П. Фальк, дополняя И. И. Лепехина, указывал, что мор
ва сеет также чеснок «пенгис», репу «репикс», редьку «ксаг
ман» и разводит хмель. Картофель же сажают мало (21, с. 428
Однако в середине XIX в. он прочно входит в состав пищевы
продуктов во многих селах Симбирской губернии и становит
необходимой принадлежностью крестьянского стола (10, с. 428

Из работ советских этнографов, связанных с изучением тр
диционной пищи мордвы, следует отметить специальную стать
Е. И. Динес «Традиционная пища и домашняя утварь мордвы
Она написана на основе полевых материалов, собранных авт
ром в 1957—1959 гг. В ней выделены специальные подраздел
по обрядовой пище мордвы, характеризуются отдельно и свадеб
ные блюда (5, с. 120—123). Описывая обрядовую роль пшенно
каши, автор указывает на архаичность блюда и видит ее исток
в дохристианских верованиях мордвы, в частности в моляне «ба
бань каша» (15, с. 211).

Вопрос о дохристианских религиозных воззрениях мордв
разработан В. Н. Майновым (12), М. Т. Маркеловым (14), Н. Ф
Мокшиным (15). В книге Н. Ф. Мокшина «Религиозные верова
ния мордвы» особая глава посвящена дохристианским религиоз
ным праздникам. В ней выделяются три цикла молений: зимний
весенне-летний и осенний, упоминаются также две разновид
ности молений—общинные и семейные. Описывая моляны
все исследователи обращают внимание на сопровождающую и
обязательную пищу.

Издревле основным источником получения продуктов пита
ния было земледелие, животноводство, рыболовство и т. д. В це
лях охраны урожая и домашних животных в народе проводи
лись коллективные и семейные моленья «озксы». Эти моленья
сопровождались жертвоприношением и трапезой. Пища здес
выполняла условную роль посредника между людьми и божест
вами. Им преподносились самые лучшие блюда, в которых отра
жались этнические традиции, вкусы, своеобразие технологии
приготовления пищи.

Наиболее ранние сведения о продуктах питания дают нам
археологические материалы. Так, например, на городище Ош
Пандо в культурном слое VI—IX вв. обнаружены зерна куль
турных растений: ячменя, полбы, ржи , гороха, овса. Судя по ко
личеству зерен, первостепенное место занимал ячмень, затем
шли горох, рожь, полба (25, с. 164). В памятниках (X—XIII вв.)

найдены зерна чечевицы, что свидетельствует о возделывании этой культуры.

Необходимые мясные и молочные продукты давали животноводство и птицеводство. Остеологический материал, полученный при раскопках ряда мордовских городищ и могильников, позволяет заключить, что важное место в хозяйстве занимали лошади, свиньи, крупный и мелкий рогатый скот, а также птица (куры, утки, гуси). Так, среди кухонных отбросов Теньгушевского городища (I в. до н. э.—I в. н. э.) обнаружено более 1750 костей различных животных. Из них 714 принадлежало свиньям, 572—лошадям, 319—крупному рогатому скоту, 83—собакам, 13—овцам (3, с. 107). Наряду с костями домашних животных обнаружены и кости диких животных: медведя, кабана, бобра, зайца, лося (26, с. 23). Это свидетельствует о том, что дополнительные продукты питания давали птицеводство и охота. Относительно развития птицеводства у мордвы можно судить лишь по косвенным источникам. Археологические находки костей домашней птицы довольно редки, так как плохо сохраняются. Однако и по археологическим данным они имеются в культурном слое VII—XV вв. (4, 26). Особенно многочисленны археологические материалы, связанные с культом утки, лебедя. Об этом свидетельствуют украшения, найденные в женских погребениях (уточка, лебедь) Старобадиковского II могильника. Широко представлены здесь и многочисленные символы в форме лапок водоплавающих птиц (17).

Существенное место в хозяйстве мордвы в XIII—XVIII вв. занимало рыболовство. Все селенья древней мордвы располагались в основном в бассейнах рек Мокши, Оки, Суры, Цны и их притоков. В них водились те же виды рыб, что и в Волге. По данным Иосифа Барбаро (XV в.), рыба являлась одним из основных продуктов питания мордвы (12, с. 28).

Существенным подспорьем в хозяйстве было огородничество. Из овощей древняя мордва возделывала капусту, огурцы, репу, морковь, свеклу, брюкву и т. п. Овощи квасили, солили, сушили, а иногда просто замораживали. Из них готовили закуски, первые, вторые блюда, различные начинки к пирогам. По материалам этнографических экспедиций можно выделить два старинных способа засолки капусты. Капусту, предназначенную для засолки (мелко нарезанную), предварительно отваривали, а затем солили, дав ей немного скиснуть. Капуста получалась темноватой и употреблялась только для приготовления щей (19). Этот способ частично сохранился и в настоящее время в селах Атюрьевского и Темниковского районов. Существо-

вал и другой способ квашения капусты. Мелко нарубленную капусту складывали в бочку, где она кисла несколько дней, а затем в нее добавляли соль. В качестве приправы добавляли тертый или мелко нарезанный хрен, листья смородины или вишни. Характерную особенность старинного способа засолки огурцов отметил И. И. Лепехин. Он писал: «Кроме укропу кладут тертый хрен...» (20, с. 157).

В меню широко использовались дикорастущие травы, ягоды, грибы. Они шли для приготовления первых блюд (щавель «умбрав» (м, э), лебеда «марч» (м, э), грибы, листья крапивы «палакс лопат» (м, э) и др.), вторых блюд (листья лебеды, каша из калины «чивгонь ям (м), чевгень каша» (э), для добавления к муке (листья крапивы, лебеды, головки белого клевера, желуди), приготовления сладких блюд (земляника, малина, черника, брусника, ежевика), начинки к пирогам (грибы, ягоды, дикий лук), для добавления в начинку (калина, брусника, листья огуречника) и как отдельное блюдо (грибы, ягоды).

Весьма древним кушаньем мордвы является хлеб «кши» (м, э). В церковных поучениях X—XII вв. он упоминается как языческая обрядовая пища (8, с. 260). Материалы этнографических экспедиций, собранные автором, позволили выделить ряд древних способов выпечки хлеба (18). Так, ржаной хлеб «розькше» (э) пекли из кислого теста, которое замешивалось на закваске (в качестве закваски использовали старое тесто, оставшееся от прошлой выпечки). Тесто замешивалось с вечера, без соли. Утром вновь месили. Готовому тесту придавали форму круга, для чего использовали специальную форму, изготовленную из луба, бересты или соломы. После этого тесто клали на лопату, обильно посыпанную отрубями или мукой, и сажали на чисто выметенный под печи, а иногда просто на золу, предварительно подложив под тесто капустные или кленовые листья. Последний способ был описан в конце XVIII в. П. С. Палласом (16, с. 112).

Из полбяной муки пекли праздничный и обрядовый хлеб «сюкор», «цюкор» (м, э), «копшат» (м). Тесто ставили на закваске (приготовленной из хмелевого навара, муки и остатков теста от прошлой выпечки). Замешивали его в корыте «очко» (м, э), сдабривали молоком, сливочным маслом, яйцами и солили по вкусу. В дальнейшем тесто обрабатывали так же, как и ржаное. В качестве формы использовали сковороды[1].

[1] Глиняные сковороды обнаружены археологами на останках Теньгушевского городища (3).

К старинным хлебобулочным изделиям относятся и пироги. Их готовили с начинкой из каши, творога, капусты, ягод, мяса и других продуктов. Для сдобы в тесто добавляли толченое льняное или конопляное семя, а также молоко, яйца, сливочное масло. У мордвы-мокши широко бытовали ячменные пироги—«тюжень копшат». Способ их приготовления тот же, что и пшеничных хлебов. Пироги с овощными, фруктовыми, грибными и другими начинками были обязательной принадлежностью праздничного стола. При этом капустный фарш (из свежей, соленой или квашеной капусты) предварительно отваривался, а затем в него добавляли жареный лук и вареные яйца. Начинки из ягод, как правило, готовили в свежем виде. Некоторое исключение составлял лишь фарш из калины. Его варили как кашу, после чего запекали. Начинку из творога, наиболее распространенную среди эрзянского населения, готовили с добавлением муки и сырых яиц. Вся эта масса солилась по вкусу и тщательно перемешивалась. Отголоском древних охотничьих традиций являются пирожки с зайчатиной—«нумолонь пряkат», широко бытовавшие в конце XIX века. Готовили их из пресного теста, начинкой служила сваренная и мелко нарубленная зайчатина.

Любимым кушаньем считались пироги с пшенной кашей, сдобренные свиным салом. Они известны под названием «кельгомонят» (м). Готовили их из пресного теста. Подобные пироги выпекали и к поминкам, но в кашу, предназначенную для начинки, добавляли кровь жертвенных животных. Такие пироги носили название «вери пряйста». Они отмечены в этнографической литературе только В. Н. Майновым (11, с. 131).

С глубокой древности бытовали блины «пачат» (м), «пачалксеть» (э). Готовили их из пресного и опарного теста. Пекли блины к завтраку из ржаной, пшеничной, пшенной, гороховой муки. «Блины,—писал Н. Прозин,—любимое кушанье мордвина, ни один праздник у него не обходится без блинов. Мордва печет их из гороховой муки и очень большой толщины, каждый чуть ли не в палец. Они едят их с молоком и с маслом, приготовленным из кислой сметаны» (22). Пшенные блины у мордвы считались не только праздничным, но и обрядовым блюдом. Опару замешивали на основе пшенной муки «пача шонгарям». Интересен способ приготовления пшенной муки для блинов: пшено предварительно смачивали, а затем толкли в ступе и просеивали через сито. Из полученной муки вечером «ставили» тесто. Солили его только утром, когда вторично замешивали и добавляли воды. Пекли блины на двух, а иногда трех сковородах в печи, отодви-

нув дрова к задней стенке. Издавна бытовали и овсяные блины. Способ их приготовления несколько иной, чем пшенных. Овес также толкли в ступе, полученное толокно заливали водой, а затем процеживали через сито. Отстоявшуюся светлую часть жидкости сливали, а к осадку «овсяного молока» подмешивали муку и пекли блинчики «пинемонь блинцят».

В качестве первых блюд издревле бытовали щи, различные похлебки (из пшена, гороха, чечевицы). Широко была распространена жидкая каша «шонгарям» (м) и «вецаям» (э). Способ приготовления этого блюда весьма прост. В кипящую воду с мясом клали пшено и соль. Известен способ приготовления «шонгарям» как молочного супа.

К числу обрядовых первых мучных блюд относится и «салма». Она была обязательной во время общественного моляна «бука ознома». Салма сохраняется и до сих пор (с. Мордовское Давыдово) при угощении родных и близких в доме роженицы. Она готовилась из теста ржаной, полбяной, гороховой, гречневой муки на мясном бульоне. Тесто резали на кусочки и скатывали в шарики. Иногда шарики начиняли мясом. По утверждению некоторых этнографов, это кушанье заимствовано у татар (2, с. 320). Салма широко бытовала и в составе языческих кушаний у мордвы, других народов и вошла даже в родовые прозвища мордвы «Салмань Пете», «Салмань Поле» и т. д.

В период дозревания нового урожая варили «почам». Его можно считать кушаньем, связанным с первым снопом. Женщины шли в поле, жали два-три снопа, приносили домой, молотили их и мололи зерно. Для приготовления «почам» использовали и гороховую, чечевичную муку. В жидком состоянии кушанье употребляли как первое, а в густом — как второе блюдо. Просеянную муку сыпали в посуду с кипящей водой и, тщательно перемешивая, доводили до определенной консистенции. Затем ставили в печь и варили до готовности. Перед тем как подать на стол, сдабривали конопляным маслом (1, с. 39). Для приготовления первых блюд использовали также листья щавеля, лебеды, огурцов и свеклы. Мелко нарезанные листья лебеды варили в молоке, а перед подачей к столу (чтобы «баланда» была погуще) в нее добавляли вареные яйца (11, с. 130). «Холодный» суп готовили из листьев свежей свеклы и огурцов (11, с. 130). Он являлся как бы прообразом современной окрошки. Широко распространенным блюдом у древней мордвы была уха. Об этом свидетельствует терминология: «калонь лям» (м), «калонь ям» (э), «калведь» (м), «шурба» (м, э), «добрай шурьба», «кафтонь крда калонь лям» (м). Уха обыкновенно готовилась из свежей

рыбы. Мордва, по данным информаторов, добавляла в уху пшено, лук и репу. «Двойная» уха готовилась в два приема. Вначале варили мелкую рыбу (окунь, ерш, пескарь и др.), а затем на этом бульоне—крупную. Последнюю предварительно потрошили и чистили. Это блюдо сохраняется и в настоящее время среди мокши под названием «цебярь шурьба», но с несколько измененным рецептом приготовления. Уха считалась обрядовой пищей у мордвы-каратаев, проживавших в Казанской губернии.

Видное место среди обрядовой пищи занимала пшенная каша, что нашло широкое отражение в устном народном творчестве.

По археологическим данным, пшенную кашу в горшке клали в могилу покойника. Ей посвящены специальные моляны, например, «бабань каша». На поминках и похоронах выделяется момент «кашадо ярсамо чи» (5, с. 121; 6, с. 97). Варили ее на молоке, вкрутую и сдабривали топленым маслом.

В составе вторых блюд значительное место занимают кисели. Их готовили из овса, гороха, ржаной муки. Овсяный кисель упоминается уже в Лаврентьевской летописи 997 г. (8, с. 263). Его готовили следующим образом: толокно замешивали водой и давали отстояться, процеживали через сито, а затем варили с добавлением соли. Почти повсеместно овсяный кисель был поминальным блюдом. Его использовали также во время зимнего цикла молений, прося старика-мороза выкушать ложечку киселя, чтобы он не убивал овес, болота и луга (сенокосные угодья П. М.); (27, с. 104).

Гороховый кисель существенно отличался от овсяного по способу приготовления. Горох предварительно размачивали в воде, а затем варили. Чтобы он лучше разваривался, в него добавляли щепотку золы. Сваренную массу подсаливали и сдабривали растительным маслом. Ели гороховый кисель деревянными палочками «шавняса». Гороховые и ржаные кисели служили в основном в качестве повседневных кушаний, но у каратаев ржаной кисель считался поминальным блюдом.

В составе языческой обрядовой пищи известны мясные кушанья из конины, говядины, баранины, птицы. Так, Иосифом Барбаро описан обряд приношения в жертву лошади. Ее привязывали за шею и ноги к столбикам, вбитым в землю, затем все участники обряда выпускали в жертву стрелы, снимали с нее шкуру, варили и съедали мясо (12, с. 48). На наш взгляд, конина была архаичной формой обрядовой пищи, но с принятием христианства вышла из бытования и сохранилась лишь в отдель-

ных языческих молянах. К их числу можно отнести молян о лошади «алашань озкс», более характерный для эрзянского населения. В 1899 году Х. Паасонен записал текст моления «алашань озкс», адресованного верховному богу: «Вере паз, кормилец, дай нашим лошадям силу сердца, ноженькам их—здоровье при прохождении по селу, береги их от человека-ведуна, огороди от человека-колдуна, пусти на чистый корм, на зеленый луг...» (цит. по 14, с. 88).

Известен еще ряд молянов весенне-летнего цикла, связанных с приношением в жертву животных. Так, например, при моленье «веле озкс» приносили в жертву быка и телку, «бука озкс» (м, э)—быка, «лайме озкс» (э), «учань озкс» (м, э), «юртава озкс» (э)—овец (15, с. 87—91). Как правило, на всех общественных молянах на собранные деньги покупали жертвенных животных и резали их на месте моляна. Язык и филейную часть сжигали, а остальную часть мяса клали в котлы и варили для всех участников моляна (12, с. 567).

Приносили в жертву кур, гусей, уток. Считалось обязательным при выходе на пахоту обратиться с моленьями к кормилице «нороваве» и принести в жертву гуся. Моленье было семейным. Первоначально обращались к верховному богу, а затем к богине плодородия. По окончании моленья съедали мясо гуся, а голову, ноги и крылья зарывали в первую борозду (24, с. 238).

Перед началом сева устраивалось моленье «керть озкс» (м, э), в отдельных селах его называли «сабан озкс» (сабан—древний плуг). Этот молян совершался за селом. Каждая семья приносила петуха или селезня, которых резали и варили на месте моляна в котле. Проведя моленье, мясо и другие продукты съедали (14, с. 86).

После всходов посевов вновь обращались с моленьем к богине «нороваве», приносили в жертву кур «сараст». Отсюда и название моляна «сараз озкс» (м, э).В тексте моленья для богини плодородия упоминается «желтая красивая курица с рассыпающимися перьями» (15, с. 87). Ее же приносили в жертву и когда созревали хлеба.

Перед тем как начать сушку снопов в овине, считалось обязательным принести в жертву красного петуха, мясо которого съедали в овине, а кости разбрасывали под овин и просили «авинонь-аву» (покровительницу овина), чтобы она дала благополучно (т. е. без пожара) обмолотить хлеба (24, с. 234).

При проведении семейных молений, праздников и обрядов широко использовали не только мясо, но и субпродукты. Из свиных и говяжьих голов, ног и хвостов готовился холодец. Из пе-

чени, сердца, легких и почек варили селянку. Разнообразные блюда варили и из кишок. Их чистили, мыли, а затем отваривали. Кишки использовались и в качестве начинок к пирожкам. Для этих целей их рубили на мелкие части. Иногда кишки начиняли пшенной или гречневой кашей, обильно смешанной с жиром и жареным луком, и поджаривали на сковороде (5, с. 117).

Кровь в составе архаических кушаний почти не употреблялась. Это связано с тем, что языческие обряды обязывали при домашних молянах обмывать кровью камень, находящийся в центре двора («кардас сярко»), т. е. место покровительницы двора. Однако в этнографической литературе имеются сведения, что кровь использовали в составе напитка на поминках (11, с. 131).

К ранним способам хранения мясных продуктов относятся сушка, копчение и соление. Первый способ сохранился частично до настоящего времени в селах Темниковского и Атюрьевского районов. Здесь мясо предварительно отваривается, после чего оно сушится в печи и на солнце. Этим способом заготавливалась впрок говядина, баранина, свинина. Распространено было копчение и соление. На лето, как правило, старались закоптить мясо. Коптили обыкновенно в бане. Мясо небольшими кусками по 2—3 кг развешивали под самым потолком на жердочках. Дым для копчения получали из дубовых, ольховых и яблоневых дров. В зимний период широко бытовало замораживание тушки. Среди эрзянского населения был распространен способ свежезамораживания кусков мяса. Их предварительно замораживали, а затем складывали в ящик, пересыпая снегом (18). С наступлением оттепелей мясо солили, а затем коптили.

Важную роль в питании мордовского народа играло молоко. Из него готовили молочные продукты (кислое молоко, творог, сыр, масло, сметану, сливки), первые, вторые блюда, напитки. Оно шло и в качестве приправы.

Издревле мордовские женщины готовили кислое молоко, творог. Об этом свидетельствуют глиняные цедилки, обнаруженные археологами на городищах I века н. э. (3, с. 179). Они использовались для процеживания молока и сыворотки. Кислое молоко готовили из снятого прокипяченного или топленого молока, которое заквашивали специальной закваской либо старой простокващей или просто коркой ржаного хлеба. Для более быстрого заквашивания молоко держали в тепле, а после загустения выносили в погреб или подпол. Для длительного хранения с кислого молока отжимали сыворотку, слив его в холщовый мешок. Полученную сгущенную массу хранили и перед употребле-

нием разбавляли молоком. Аналогичным способом готовили и творог. Однако существовал и другой способ. Прокисшее молоко сливали в сито, которое ставили над корытом. Собранная в этом случае сыворотка использовалась для замеса теста.

Способы приготовления сыра описаны в работах И. И. Лепехина, П. С. Палласа, И. Г. Георги, В. Н. Майнова и других. (16, 11, с. 131). В них указано, что мордва приготовляла сыр двух сортов. Первый способ характерен для большинства народов Поволжья, в том числе и для мордвы. Готовили сыр крутым и жестким из заквашенного молока, слив его в холщовый рукав, на который клали гнет. После отжима сыворотки творожную массу дополнительно обрабатывали, подсаливали и перекладывали в специальную посуду «сырань форма» (э). По второму способу, описанному П. С. Палласом, готовился сыр по российскому обычаю. «Пахтают они (мордва.—**П. М.**) свежий сыр в крынках, а сверху заливают коровьим маслом, чтобы он был всегда мягким» (16, с. 114).

Своеобразным молочным продуктом наподобие сыра у мокши является «мичке». Кушанье готовили из коровьего молока первого надоя после отела. Варили его до получения желто-белой твердой массы, употребляли с хлебом. Подобное блюдо отмечается и у восточных марийцев (23, с. 214).

Сливочное масло приготовляли следующим образом: сметану подогревали в печи и, слив с нее воду, сбивали в деревянном подойнике или глиняном горшке, используя для этого ковш или маленький пест «томбамане», который вращали внутри сосуда вдоль его стенок.

Издревле масло пахтали в специальной утвари «пифтемпарь», представляющей собой цилиндрическую кадушку, изготовленную из ствола высотой 80—90 см, диаметром 20—25 см. В такой кадушке сбивали масло стержнем с кружком на конце. Сбитое масло не перетапливали, а лишь иногда для лучшей сохранности солили. Оставшуюся после отделения масла пахту использовали в качестве напитка, а изредка на ней ставили тесто.

Широко бытовало у мордовского населения и растительное масло. Его получали из семян льна, конопли. Предварительно их обмывали, сушили, а потом толкли в ступе. Полученную массу ставили в печь для подогрева, а затем перекладывали в специальный короб, в котором из нее отжимали масло.

К числу древних празднично-обрядовых блюд относится мед. Он считался обязательным блюдом на поминках, свадьбе и крестинах, а также входил в обрядовый напиток пуре.

Древний напиток «пуре» варился на основе пива и браги. Наиболее архаичным, на наш взгляд, является рецепт, предназначенный для молянов. Пуре готовилось из следующих компонентов: хмеля (30 г на 12 литров), пива (на фунт ячменя 4 фунта жидкого меда на каждое ведро напитка). Обычно вначале варили пиво из ячменя и меда, а затем добавляли в него при брожении хмелевой навар. Чтобы ускорить процесс брожения, наливали пуре в горшок, обмазывали тестом и ставили в теплую печь (11, с. 132).

Пуре варилось на основе пива с примесью хмеля. Интересен рецепт крестьянского «темного» пива с богатой примесью хмеля. Во время варки пива на полущтоф[1] пивной жижи добавляли около 0,5 литра сотового меда. Когда пуре было готово, его выливали в глиняные горшки и закапывали в землю.

Медовая брага готовилась на выдержанном меду. Хотя в брагу не клали хмеля, но давали ей побродить, и поэтому она становилась опьяняющим напитком.

«Поза» (брага) варилась из солода. Известен весенний обряд «авань поза» (м, э) (дословный перевод—женская брага).

Процессы приготовления браги и пива почти однотипны и включают в себя следующие этапы: производство солода или хлеба для браги, получение сусла, сбраживание сусла, фильтрация и разлив. Солод для браги готовился из ржи, а для пива — из ячменя. Его смешивали в определенных пропорциях с мукой, заливали холодной водой и ставили в печь на два-три дня, а качество его проверяли по сладости. Затем раствор сливали в кадушку с краном «спусконе» и в полужидкую массу солода добавляли рубленую солому или лузгу. Чтобы придать массе коричневый цвет, добавляли траву зверобой или стебли конопли. Полученную массу вторично ставили в печь, где обычно она затустевала и покрывалась бурой коркой. На этом этапе часть хлеба «позань кши» (м, э) сушили в печи и хранили до нужного времени. Из другой части готовили сусло в специальной кадушке «спусконе» (м), предназначенной для фильтрации. На дно ее клали решетку и всю внутреннюю часть обкладывали соломой. Для получения сусла хлеб «позань кши» заливали кипятком и размешивали. После остывания сусло сливали и добавляли закваску. Вторично сусло разбавляли кипяченой водой и разливали по сосудам. Через сутки брага была готова.

Пиво получали аналогичным способом, но ячменное сусло после фильтрации сбраживалось с добавлением пивных дрож-

[1] Штоф—русская мера жидкости, равная 1/10 ведра, или 1,534 литра.

жей или крепкого хмелевого отвара. Срок сбраживания составлял 20—30 дней, после чего пиво вновь фильтровалось и считалось готовым к употреблению.

Квас известен на территории Поволжья с глубокой древности. Как безалкогольный напиток, он широко бытовал в повседневной, праздничной и обрядовой сферах. Вероятно, он был заимствован у русских. Об этом свидетельствуют общность терминологии и способы приготовления. Квас готовили из ржаной муки, которая заваривалась в чугуне и выдерживалась определенное время в печи (парилась), а затем заквашивалась хлебной закваской. Несколько иной способ приготовления кваса описывает Н. Прозин. «Распустят муки в горячей воде, поставят кваситься, да и пьют затем, а такого обычая парить его, у мокши совсем нет» (22, с. 129).

Другие особенности приготовления кваса отмечены нами, по данным экспедиции 1976 г., в мокшанских селах Атюрьевского, Темниковского и других районов. Квас готовился аналогично первому способу, но во время заквашивания в него добавляли немного травы (листьев огуречника), отчего он приобретал вкус мяты.

Кроме перечисленных обрядовых напитков широко бытовали и повседневные—напиток «эран» (кислое молоко и вода), рассол (от капусты и огурцов), остатки мочений (яблок, брусники), пахта, березовый и кленовый соки.

Весенне-летний цикл мордовских молянов начинался с первого выгона скота на пастьбу. В качестве жертвоприношения (обожествленному образу огня «Тол аве») приносили яйца. Считалось обязательным угощение пастуха яичницей или яйцами. По поверьям считалось, что приношение в дар яиц способствует плодовитости животных. Яичница и яйца во время языческих общественных молянов были распространены довольно широко. Готовили их дома и непосредственно на местах моляна, как на сковородах, так и на больших железных заслонах. Называлась яичница «мирской». Ее жарили в форме глазуньи, а также с выпускными желтками (13, с. 459). Употребляли ее как повседневное, праздничное, «весьма важное обрядовое» блюдо, а также как угощение (11, с. 131). В языческих общественных молянах яичнице отводилось особое место. В отличие от хлеба, меда, мяса, которые раскладывались на земле, яичницу с противнями и сковородами вешали на ветвях священного дерева, а если там не хватало места, то дополнительно прикрепляли к ним жерди (13, с. 459).

Разнообразна свадебная пища. Она включала в себя лучшие кушанья народной кулинарии, связанные с поверьями народа и его хозяйственной деятельностью. Веками складывались традиции питания, связанные с земледельческим циклом и молянами о скоте. Эти традиции отразились во всех ритуалах, в том числе и в свадебном. Так, наличие хлеба «лукш» (м), «курник» (м, э), «той пряка» (э), пшенной каши свидетельствует о древнем земледелии у мордовского народа.

Обязательные свадебные хлеба воплотили в себе не только занятия и кулинарное мастерство народа, но и являлись символами плодородия, почитания божеств. Свадебные хлеба всех видов изготовлялись круглыми и больших размеров. Использовали для этого как пресное, так и кислое тесто. Так, например, «лукш», который пекла мать жениха, готовили из кислого теста, начинкой служила пшенная каша из двух слоев. На нижний слой каши клали целую жареную курицу и яйца в скорлупе и покрывали верхним слоем каши, все это закрывали тестом. Для украшения пирога готовилось пресное тесто. Из него делали различные фигурки и отдельно пекли две птичьих фигурки (голубей). Вечером в дом жениха приглашались родственники для украшения свадебного пирога. Пирог клали в решето и украшали, как правило, веткой дерева, разноцветными бумажными нитками (6, с. 122). С украшенным пирогом выезжали в дом невесты. Прежде чем невесту увезут в дом жениха, она обычно обязана была проститься с предками и хранительницей дома. Для этого стелили скатерть (во дворе или огороде) и раскладывали на ней кушанья (пуре, брагу, хлеб, блины, мясо и т. д.). Прощаясь и «угощая» предков, невеста просила благословить ее и оберегать в дальнейшей жизни. Такой же обряд происходил и в доме жениха, но здесь во время потчевания невеста приносила подарки покойникам. Угощением служило пуре «цвета серебра» и пиво, блины, мясо.

Во время свадьбы существовал ритуал знакомить невесту с покровительницами дома жениха, сарая, воды и т. д. Так, знакомясь с покровительницей воды «ведявой», молодая бросала в воду кольцо, а старуха (соблюдающая ритуал) — лепешку. При этом обязательным считалось устроить на берегу моленье и принести сюда ведро и ушат. Вся эта процедура сопровождалась трапезой.

Пища, приготавливаемая для поминок и обрядов, связанных с умершими, имеет свои истоки в дохристианских верованиях мордвы. Умерших, в зависимости от их социального положения

при жизни, наделяли сверхъестественными свойствами, которые характерны для загробного мира. Эта вера отразилась и в погребальном и поминальном обрядах. Существенную роль в этих обрядах играла вода, в которой умерший должен «омыть свою душу». В предназначенную для этого воду опускали монету, чтобы задобрить душу, а возле воды клали лепешку. Такой набор ритуальных вещей говорил о том, что душа умершего имеет повседневные потребности человека. Этим частично объясняется и приход родных в дом покойника с деньгами и различными кушаньями (хлебом и солью, пуре, мясом, яйцами и др. кушаньями). В гроб умершим клали инструмент, орудия труда, деньги, вино, горшок с кашей и другие продукты и предметы. Все эти детали говорят о том, что покойник якобы живет в загробном мире и в сознании людей. Об этом свидетельствуют и поминки. Они проводились как в семье, так и общиной на кладбище и в специальных местах. Для этого готовили пиво, брагу, пекли блины, варили каши и другие кушанья.

Таким образом, анализ материалов показывает, что кулинария мордовского народа издревле зиждилась на хозяйственной деятельности этноса. Тесные связи хозяйственной, общественной, индивидуально-семейной обрядовых сторон жизни способствовали формированию отдельной сферы в мордовской кухне— обрядовой. В основу архаичной обрядовой пищи положен синкретизм ритуала и дохристианских верований народа. Эта взаимная связь способствовала не только выбору и узакониванию отдельных обрядовых блюд, но и возвеличиванию их до уровня якобы «божественных» («пища богов»). Уже в X—XIII вв. обрядовое питание довольно широко было представлено мясной, молочной, растительной пищей, игравшей ведущую роль в питании народа.

С принятием христианства большая доля языческих обрядовых кушаний становится общехристианской. Однако до сих пор в этнографической литературе еще слабо разработан вопрос о влиянии христианизации на повседневную, праздничную и обрядовую пищу этноса.

* * *

1. **Балашов В. А.** Культура и быт мордовского колхозного села. Истор.-этногр. очерк по материалам Зубово-Полянского района Мордовской АССР. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1975, 163 с.

2. **Воробьев Н. И.** Казанские татары (этногр. исслед. материальной культуры дооктябрьского периода). Казань: Татгосиздат, 1953, 383 с.

3. **Горюнова Е. И.** Теньгушевское городище. — Записки Мордов. науч.-исслед. ин-та яз., литературы, истории. Саранск, 1947, № 9, с. 177—199.

4. **Голышенков П. П., Мачинский А. П., Шеянова Г. Я., Душин А. И., Сарычев Н. И.** О состоянии скотоводства, охоты и рыбной ловли у жителей Итяковского городища.—Тр. Науч.-исслед. ин-та яз., литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР. Саранск, 1970, вып. 39, с. 183—201.

5. **Динес Е. И.** Традиционная пища и домашняя утварь мордвы. — В кн.: Исследования по материальной культуре мордовского народа. Тр. Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1963, т. 86, с. 104—126.

6. **Евсевьев М. Е.** Мордва Татреспублики. Материалы по изучению Татарстана. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. 241 с.

7. Исследования по материальной культуре мордовского народа. — Тр. Ин-та этногр. им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.: Наука, 1963. 256 с.

8. История культуры древней Руси. М.—Л.: Изд-во Академии наук, 1949, ч. I. 484 с.

9. **Кильбургер И.** Краткие известия о русской торговле, каким образом оная проводилась через всю Россию в 1674 году: Пер. с нем. СПб., 1820. 212 с.

10. **Липинский А., Скрябин М.** (составители). Материалы по географии статистике России, составленные офицерами генерального штаба. СПб., 1868, с. 72—661.

11. **Майнов В. Н.** Один день среди мокши. — Древняя и новая Россия. 1878, № 10, с. 117—134.

12. **Майнов В. Н.** Остатки мордовской мифологии. Пер. с француз. Р. Ф. Мордов. науч.-исслед. ин-та яз., литературы, истории и экономики. Л—497.

13. **Мельников-Печерский П. И.** — Полн. собр. соч., изд. 2-е. СПб.,—М, 1883, т. 7.

14. **Маркелов М. Т.** История мордвы. Мокшэрзятнень эрямо пингест, М: Центральное изд-во народов СССР, 1929. 184 с.

15. **Мокшин Н. Ф.** Религиозные верования мордвы. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1968 160 с.

16. **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768—1769 гг.: Пер. с нем. С. И. Волкова, В. Г. Костыгова. СПб.. 1809. 773 с.

17. **Петербургский И. М.** Отчет об археологических раскопках Старобадиковских и II Журавкинского могильников в Зубово-Полянском р-не Мордовской АССР в 1975 г. Р. Ф. Мордов. науч.-исслед. ин-та яз., литературы, истории и экономики. И-892.

18. Полевые записи автора. 1975 г. Записано по рассказу В. И. Василькиной (МордовскаяАССР, Дубенский район, с. Поводимово).

19. Полевые записи автора 1976 г., с. Сабаево Кочкуровского р-на, с. Лесное Ардашево Темниковского р-на Мордовской АССР.

20. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук по предложению ее президента. Записки путешествия академика И. И. Лепехина. СПб., 1821, т. 3. 540 с.

21. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорской Академией наук по предложению ее президента. Записки академика И. П. Фалька, СПб, 1824, т. 6. 545 с.

22. **Прозин Н.** Картины мордовского быта. — Пензенские губернские ведомости, 1895, № 30—40.

23. **Сепеев Г.** Восточные марийцы. Ист.-этногр. исслед. материальной культуры (середина XIX—начало XX вв.). Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1975. 247 с.

63317

БИБЛИОТЕКА МОРДОВСКОГО Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики 17

24. **Смирнов И. Н.** Мордва (ист.-этногр. очерк). Казань, 1895. 291 с.
25. **Степанов П. Д.** К вопросу о земледелии древней мордвы.—Сов. этнография, 1950, № 3, с. 161—169.
26. **Степанов П. Д.** Ош Пандо. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1967. 212 с.
27. **Шахматов А. А.** (сост.). Мордовский этнографический сборник. СПб 1910. 848 с.
28. Этногенез мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во., 1965 439 с.

А. С. ЛУЗГИН

ОДЕЖДА РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВИИ

(середина XIX — начало XX в.)

Важное место в этнографических исследованиях занимает изучение традиционной одежды, которая стойко сохраняет этническое своеобразие и отражает характер межэтнических контактов.

Данная тема не являлась предметом специального исследования; имеются лишь отдельные высказывания общего характера (2, 4, 8, 10, 11, 12).

Материальная культура русского населения Мордовии и ее наиболее яркий этнический показатель—традиционная одежда—отличаются значительным своеобразием. Это связано, во-первых, с тем, что часть данной территории является историческим местом проживания восточной группы южнорусского населения, во-вторых, с тем, что исследуемая территория в XVII—XVIII вв. активно заселялась переселенцами из центральных и верхневолжских уездов, встречавшимися здесь с русскими Среднего Поволжья, и, наконец, с тем, что русские живут здесь в тесных контактах с этносами, образующими урало-поволжскую историко-этнографическую область. Контакты, в которые вступают русские с другими иноэтническими образованиями: мордвой (эрзей и мокшей) и татарами-мишарями,—наложили печать своеобразия в целом на материальную культуру русского населения Мордовии, и особенно на одежду.

Основным источником написания данной статьи яви материалы этнографических экспедиций, проведенных авто в 1973—1978 гг. Привлечены также материалы этносоциолог ской экспедиции, проведенной в 1973—1974 гг. Научно-иссл вательским институтом языка, литературы, истории и эконо ки при Совете Министров Мордовской АССР совместно с Ин тутом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. пользованы фонды Русского географического общества, Ц рального государственного архива Мордовской АССР, научн архива Мордовского НИИЯЛИЭ, Мордовского республикан го краеведческого и районных музеев.

Сбор полевых материалов в этнографических экспедиц проводился по специально составленной программе. В ходе боты с различной степенью подробности была обследов одежда жителей около 40% всех русских сельских поселе Мордовской АССР.

* * *

Основной частью мужской одежды русских крестьян бы широкая и длинная, до колен, рубаха и штаны с широким гом.

По покрою традиционная р у б а ш к а не отличалась от ру восточнославянских народов, а также народов Поволжья и пр ставляла собой туникообразную рубашку. Такие рубахи бы со вставленными клиньями по бокам. Праздничные же отли лись значительным разнообразием покроя и материала, мно цветностью вышивки и отделки (27). Молодежь носила кра ные рубашки из домотканины в красно-синюю клетку, по воро и подолу украшенные аппликациями из цветной ткани (26, 2 В русских селениях Темниковского, Инсарского уездов (31, 3 в качестве праздничной одежды распространились белые ко воротки со стоячим воротником и вышивкой: они были замет короче прежних рубах.

Большие изменения в мужской одежде сельских жител произошли в конце XIX—начале XX в. В этот период распро раняются косоворотки из ситца, коленкора, сатина, кашеми Холщовая рубаха стала использоваться в качестве нательн одежды, получив название «нижней», или «палатной» (31).

П о р т ы шили обычно из пестряди, узкими и коротки общерусского покроя с двумя трапециевидными вставками. К пились они на «гашнике». Позже для этого стали применять говицы на поясе. Зимой мужчины носили теплые шаровары домоткаиого сукна с широким шагом. В конце XIX — нача

X в. в быт крестьян стали входить штаны из фабричного материала (26).

Мужские головные уборы так же, как и другие элемен- одежды, имели сезонный характер. Наиболее распространен- им головным убором являлась высокая в форме усеченного ко- са и с небольшими полями валяная шляпа — «грешневик». раздничная шляпа изготовлялась из поярковой шерсти и ук- шалась цветами, лентами, ситцевыми лоскутами (23, с. 9) и же различными оловянными и медными пряжками и «пав- иньими перьями» (16, с. 39). Грешневик бытовал и у мордов- их крестьян, но в качестве свадебного головного убора (5, 98).

Повсеместно был распространен малахай—зимняя шапка черной или серой овчины с длинными ушами. Изготовлялась а местными кустарями. Праздничные малахаи обычно покры- ли сукном или плисом. Наряду с малахаем бытовала сукон- я шапка-ушанка с оторочкой из овчины. В Саранском уезде ыли широко распространены плисовые или шерстяные шапки овчинным околышем (21, с. 5; 22, с. 4). В русских селениях укояновского уезда во второй половине XIX в. носили высокую апку с овчинным, плисовым или суконным верхом четырех- ольной формы (16, с. 39). Подобный вид головного убора име- параллели с северными районами (Ярославская, Тверская, рхангельская губернии) и упоминается в источниках XVI— VII вв. (11, с. 239).

В Темниковском и Спасском уездах в качестве будничного ловного убора во второй половине XIX в. иногда использовал- «шлык» (из белого холста), который был характерен для усских крестьян западных губерний (11, с. 238).

С конца XIX в. под влиянием городского населения широко аспространяется картуз, отчасти заменивший валяную шляпу. олодые парни по праздникам надевали фуражки с лаковым зырьком.

* * *

Наиболее ценным источником для выявления этнической ецифики материальной культуры русских Мордовии является енская одежда.

Основу традиционной женской одежды составляла рубаха, дновременно выполнявшая роль нательного белья и верхнего латья. Преобладали составные рубашки. Названия их частей а большей территории Мордовии аналогичны верхневолжским севернорусским терминам—«рукава» и «стан», и лишь в селе-

ниях Спасского, Темниковского и Инсарского уездов верхн часть рубахи называлась станом, а нижняя—подставой. Ве рубахи шился из тонкого льняного полотна, а низ—из более гр бого, посконного (21, с. 6).

Во второй половине XIX в. был распространен покрой р бах с плечевыми вставками (поликами). С развитием произво ства для этих целей стали использовать фабричные ткани (к мач, красный сатин, набивной ситец). В русских селениях Те никовского, Спасского, Наровчатского и Инсарского уездов б товали рубахи с косыми поликами[1]. Носили также и бесполик вые рубахи. Они в основном были распространены в восточны уездах рассматриваемой территории (рис. 1). Рукава заканч вались «брызжами» из материала, аналогичного поликам. Д полнительно рукава украшались кружевной вышивкой. Подо ные элементы отмечались в женских костюмах Воронежско Тамбовской, Пензенской губерний (8, с. 176).

По обилию украшений выделялись праздничные рубахи западной части Мордовии. Они отделывались вышивкой из кра ных, синих, зеленых, желтых ниток по рукаву, аппликациями виде узких полос из цветных лент по швам, соединяющим вста ки с рукавами, а также по вороту. В узорах преобладали раст тельные мотивы.

В селениях Саранского, Лукояновского уездов рукава ш лись широкими и длинными со сборами у запястья. В восточн части Мордовии, например, в Карсунском уезде стан рубахи н пременно окрашивался в черный или синий цвет. На жатве на сенокосе молодые женщины и девушки носили только «р кава» со станом без сарафана. Стан непременно окрашивал в яркие цвета (7, с. 102—103).

В конце XIX—начале XX в. под влиянием городского кост ма стали распространяться домотканые рубахи, лиф которы был сшит из фабричной ткани.

В женской одежде наиболее ярко выявляются временные этнокультурные напластования. Так, в Темниковском и Спа

---

[1] К сожалению, в работе И. А. Поповой имеется досадная неточност населенные пункты Темниковского уезда Тамбовской губернии (откуда пользован вещевой материал) ошибочно показаны в Саранском уезде Пе зенской губернии (8, с. 117 ил. 65). По этой причине в статье не всегда во но определяется бытование комплексов одежды русского населения в пред лах территории современной Мордовской АССР.

Рис. 1. Женские рубахи (вторая половина XIX в.).

1—без поликов, 2—с косыми поликами, 3—с прямыми поликами, 4—с ложными поликами, 5—на кокетке; А—преобладающее, Б—бытующее, В—единичное явление; I—II—Спасский и Темниковский уезды Тамбовской губернии, III—VI—Краснослободский, Наровчатский, Инсарский, Саранский уезды Пензенской губернии, VII—VIII—Лукояновский, Сергачский уезды Нижегородской губернии, IX—XI—Алатырский, Ардатовский, Карсунский уезды Симбирской губернии. Уезды показаны в пределах современной территории Мордовской АССР.

Рис. 2. Комплексы женской одежды (вторая половина XIX в.).

1—с распашной поневой, 2—с глухой поневой, 3—с распашным косоклинным сарафаном, 4—с прямым сарафаном на лямках.

ском уездах во второй половине XIX в. отмечено широкое бытование поневного комплекса—характерной одежды южнорусских крестьянок. Здесь выделялись два типа понев—распашные и глухие (иначе—поневы с прошвой). Второй тип понев был более распространен в Спасском уезде (рис. 2). Бытование красной браной поневы (бранки) с геометрическим орнаментом ограничивалось пределами Темниковского уезда. Здесь были также распространены синие поневы. По характеру вышивок они близки к поневам Рязанщины (10, с. 68; 11, с. 214—215). Одновременно с поневой во второй половине XIX в. на территории большинства уездов бытовал косоклинный распашной сарафан. По всей длине края разреза шириной в «полвершка» он украшался позументом, шелковыми лентами, цветным гарусом, бронзовыми и оловянными пуговицами. Подол обшивался позументом из голубого шерстяного гаруса, зеленой «нанкой», розовым коленкором или ситцем. Сарафан «кумачник» отделывался по подолу голубой лентой; сарафан «китайка»—золотистой (24).

В Спасском и Темниковском уездах сарафаны, бытовавшие наряду с поневным комплексом, использовались в качестве культовой одежды. Позднее распашной сарафан видоизменился: полотнища стали сшиваться между собой, разрез утратил свое назначение, но по-прежнему он имитировался с помощью узких полос нашивок и ряда пуговиц. С широким распространением фабричных тканей входит в моду прямой сарафан на лямках—«московка» («москаль»), надевавшийся поверх ситцевых рукавов и стана. Одновременно с «московкой» распространяется сарафан с лифом. Он явился, на наш взгляд, переходной формой от сарафана к кофте с юбкой.

Разновидностью сарафанов были «сукманы» («сукни») из толстой суконной домотканины. В д. Подгорные Селищи они шились из перегнутого на плечах полотнища с чуть скошенными вставками по бокам. По нижнему краю подола нашивались полоски из синей китайки, позумента или гаруса. Бытование подобных сарафанов отмечается информаторами вплоть до конца XIX в. (29). Наши материалы позволяют говорить о распространении глухого сарафана «сукмана» в Темниковском, Инсарском, Краснослободском, Саранском и Карсунском уездах, т. е. несколько шире, чем было известно ранее (11, с. 204).

В Темниковском и Спасском уездах поверх рубахи, поневы или сарафана надевался туникообразный передник (фартук, нагрудник), а также передник без рукавов на лямках (запон). В селах Такушево, Березово, Веденяпино и ряде других были рас-

пространены также туникообразные навершники («сарафанчики»), являвшиеся частью поневного комплекса. Навершники шились из белого домотканого холста или пестрого ситца, украшались они аппликациями по вороту, краям рукавов и подолу (36). Девушки и молодые женщины носили более нарядные, яркие навершники. Готовя себе приданое, девушки непременно шили праздничные и будничные навершники для одевания в молодом, среднем и пожилом возрасте. Подобный вид одежды был распространен на Рязанщине (13, с. 116) и у соседнего мокшанского населения (2, с. 69—74).

В Темниковском уезде в комплекс праздничной одежды с сарафаном входили кружевные фартуки.

Под городским влиянием сарафаны чаще стали изготовляться из покупной бумажной пряжи, появляются новые виды одежды—юбки, кофты. В среде сельской интеллигенции стали распространяться платья и другая одежда городского покроя.

Традиционные женские головные уборы значительно варьировали в зависимости от возраста. Девичьи уборы обрамляли лоб, а реже и затылок, женские же—всегда покрывали и волосы. Девичьим праздничным головным убором являлась лента. В Темниковском, Спасском, Краснослободском уездах она представляла собой обруч из березовой коры с двумя довольно высокими (до 8 см) выступами—«рожками»—и обшивалась обычно позументом. Лента служила и в качестве свадебного головного убора. В этом случае она украшалась лентами, бумажными цветами (29, 33, 34). В Инсарском, Саранском уездах отмечено бытование девичьей ленты в виде неширокой (около 10 см) повязки из кумача или шелка на ситцевой подкладке (32, 35).

Повсеместно распространенным убором женщин была сорока[1]. По описанию корреспондента Географического общества из села Говорова Саранского уезда, сорока состояла из очелья высотой «вершка два» с околышем, вышитым золотистой мишурой, к которому пришивалась втулка (штофная или шелковая), охватывающая голову. Сзади, к низу втулки, пришивались «галуны, обшитые мишурой вершка полтора в длину, а в ширину—четверть аршина», к концам которых прикреплялись ленточки. За-

[1] Обряд надевания сорóки происходил сразу после венчания. Чаще это делалось в доме жениха, а в ряде русских селений Темниковского уезда (Веденяпино, Куликово, Такушево и др.) сороку обычно надевали прямо в церковной сторожке (36).

тылок женщины в этом уборе напоминал «птицу с подогнутыми крыльями на спине» (21, с. 6).

Интересно, что сороки по форме очелья и позатыльника имели локальные отличия. В с. Веденяпине бытовала сорока с наклонным трапециевидным очельем. В соседней Старой Качевке очелье имело вид прямоугольника. В Темниковском и Спасском уездах с сорокой надевался бисерный позатыльник, в Инсарском—кумачовый. Верхней частью бисерных позатылен служила полоса шелка (кумача) 45 х 10 см, отделывавшаяся цветной лентой, блестками, позументом и одним рядом цветных пуговичек. К центру полоски пришивалась бисерная часть, а по бокам устраивались височки в виде коротких параллельных низков бусинок и бисера. Низки оканчивались небольшими кисточками бахромы. Бисерная часть позатыльников у русских Мордовии была сравнительно небольшой по размерам (18 х 15 см)[1]; она состояла из трех параллельных низков бисера, каждый из которых составлен из парных бусинок черного, белого, желтого, синего цветов. К ним прикреплялась кайма, орнаментированная ромбиками, составленными из разноцветных бусинок. Многообразие расцветки, сложность бисерного орнамента в сочетании с оригинальностью височных украшений придавали позатыльникам особый колорит. Праздничный головной убор дополнялся белыми пушками в виде шариков диаметром 5—8 см и селезневыми кудрями (косицами) по две с каждой стороны, подтыкавшимися на висках под сороку.

В ряде селений бывшего Спасского уезда бытовал рогообразный женский головной убор, напоминающий южнорусскую кичку (34).

Довольно ограниченным было распространение кокошника, причем на данной территории зафиксирован только кокошник с закругленным верхом, относящийся к Владимиро-Суздальскому типу.

Весьма распространенным головным убором женщины пожилого возраста были повойники. Они представляли собой шапочку с невысоким очельем и плоским, овальной формы верхом. Повседневные повойники шились из ситца и кумача, праздничные, как правило, из шерсти и парчи.

---

[1] Бисерные сетки позатыльников, распространенных на территории современных Калужской, Орловской, Тульской областей, были больших размеров—30 х 25, а Брянской—40 х 35 см (17, с. 104).

Несомненный интерес представляет головной убор пожилых женщин «поушник», имеющий вид платка квадратной формы (60 х 60 см) из кумачовой материи. В передней части нашивалось очелье 20 х 10 см, вышитое мишурой, обшитое позументом и блестками; с боков, в области висков к нему приделывались кисточки из бахромы. При повязывании поушник полностью закрывал волосы. Поушник бытовал в Спасском и Темниковском уездах. С конца XIX в. повсеместно распространяются платки (рис. 3).

Верхняя наплечная одежда русского населения Мордовии весьма разнообразна по покрою и материалу. Это в основном двубортная одежда из овчины, шерсти, понитчины. Многие виды верхней одежды по покрою являлись общими как для мужчин, так и для женщин. Женская одежда была более богато украшена.

Следует отметить, что некоторые виды верхней одежды русских и их названия заимствованы окружающим мордовским населением (2, с. 32—35, 87—92).

Зимней одеждой служили нагольные шубы и полушубки. Шубы из недубленых овчин покрывались сверху темными тканями—крашениной, молескином, сукном. Молодежь носила «задубленные» полушубки. Поверх шубы или полушубка надевался чапан из самотканого черного сукна на холщовой подкладке. Он перехватывался кушаком. Комплект из полушубка и чапана иногда назывался «снежником» (20, с. 1). В селениях Инсарского, Спасского уездов бытовал пониток. По праздникам мужчины носили суконные кафтанчики или полукафтанчики, по покрою однотипные с зипунами, поддевками. Здесь отмечается также ношение нанковых халатов (16, с. 39), наиболее распространенных в мещанской среде (1, с. 170).

У женщин бытовала одежда, объединяющаяся термином «куртки» (крутки)—это коротышки, побежки, манарки, коротайки, куртайки. В Ардатовском, Карсунском и Саранском уездах бытовали «холодники», сшитые чаще из шелковых тканей и у зажиточных крестьян отделанные бархатом и парчой. Локальным вариантом верхней женской одежды была «шугайка»—короткая одежда из шелковой или парчовой ткани на подкладке со сборами сзади (27). Общим для этих видов одежды является то, что они генетически тяготеют к комплексу женской одежды верхневолжских и центральных районов России.

Под городским влиянием в конце XIX—начале XX в. в деревне распространяется верхняя одежда, изготовленная из фаб-

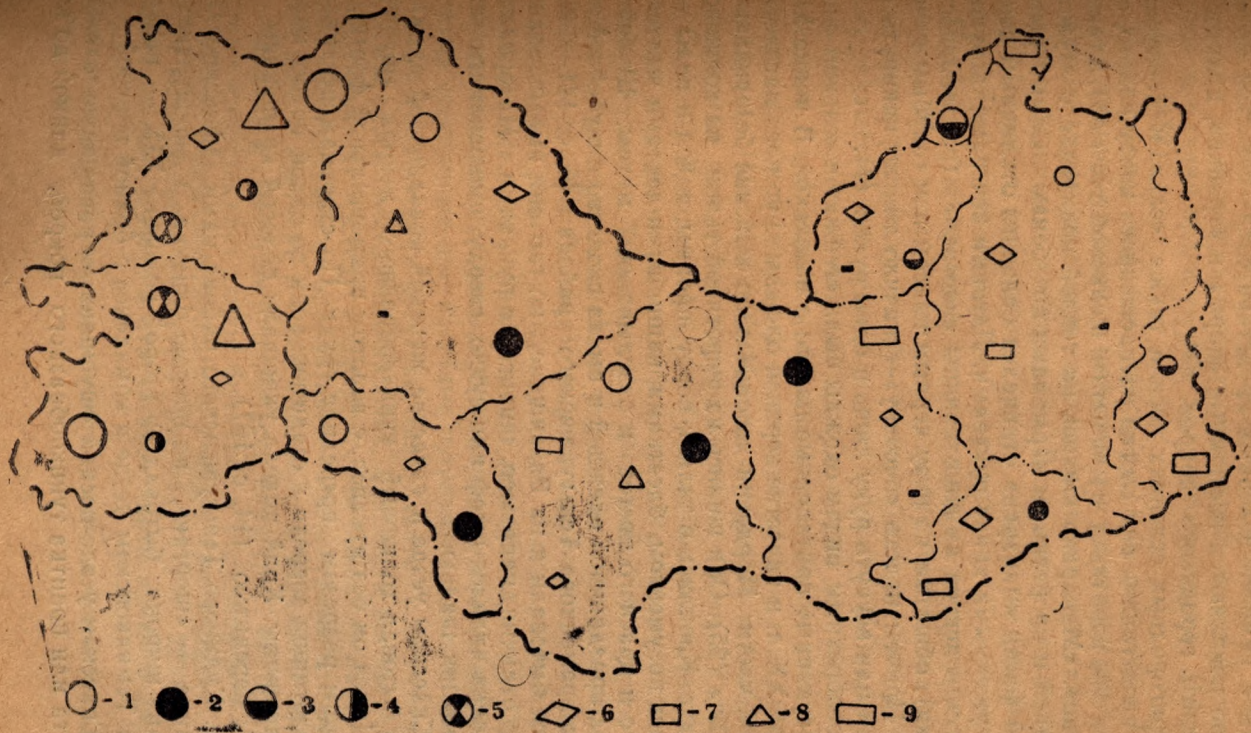

Рис. 3. Женские головные уборы и украшения (вторая половина XIX в.).

1—сорока, 2—сорока с кумачевым позатыльником, 3—кокошник, 4—кичка, кикуй, кика, 5—поушник, 6—повойник, 7—волосник, 8—пушки, селезневые кудри, 9—платок, употреблявшийся как самостоятельный головной убор.

ричных тканей,—пиджаки. В пригородных селениях у богатых крестьян и немногочисленных представителей сельской интеллигенции появляются костюмные «пары» и «тройки», пальто и полупальто городского покроя.

В пригородных селениях носили также «сак» и «полусак» («сак» представлял вид слегка расклешенного книзу пальто, отделанного по воротнику и манжетам шелковой тесьмой), а также «манарки». «Манарки» шились на теплой подкладке с зауженной талией и прорезными карманами по бокам. Самый щеголеватый фасон «манарки» отличался большим откладным воротом и суженными книзу рукавами. Летними вечерами девушки одевались в легкие из домотканины «носовки» (разновидность поддевки), обшитые по низу черным плисом или голубым кашемиром. Причем надеть «носовку»—значило только накинуть ее на плечи или всунуть руку лишь в один рукав (7).

Своеобразным видом одежды были «гейжи» и «еньжи»—короткие суконные приталенные пальто с вышивкой. В конце XIX —начале XX в. в качестве верхней одежды русское население западной части Мордовии использовало женские безрукавки—«шубейки» (25). Они шились из шерстяной ткани на холщовой подкладке. Кроились в талию; ворот, проймы, подол и полы украшались позументом, блестками, нашивными лентами желтого, зеленого и красного цветов и отделывались мехом. Шубейка служила праздничной одеждой и имела сходство с шубейкой эрзянок современного Теньгушевского района (6, с. 141—142). Шубейки бытовали и на Рязанщине, но там они имели значительные отличия, например, шились с рукавами. Материалом для пошива являлся штоф или сукно, сверху прикреплялся лисий воротник шалью.

В Спасском уезде в качестве женской праздничной одежды широко бытовал холщовый туникообразного покроя «шушунчик». Шился он без рукавов, с воротом прямоугольной формы и небольшим разрезом посредине груди. По сторонам центрального полотнища спереди и сзади вшивали по одной полосе красной крашенины. Край подола украшали полосой крашенины и цветной перевитью (14, с. 187).

В с. Куликово Теньгушевского района нами зафиксирована безрукавка — «шорган», по покрою близкая к «шушунчику». «Шорган» широко бытовал во второй половине XIX — начале XX в. в Темниковском уезде в комплексе с браной поневой.

В Спасском уезде носили «шушпан» — распашную одежду из холста или понитка туникообразного покроя, длиной до ко-

лен. Рукава шились длинными, несколько сужающимися к запястью, обычно прямоугольной формы. Будничный «шушпан» украшался по подолу, краям рукавов узкой полосой плетеной тесьмы или ткани красного или малинового цвета (14, с. 186, 187, рис. 182).

Традиционная женская одежда русского населения Мордовии дополнялась ушными и шейными у к р а ш е н и я м и.

Ушные украшения представлены медными сережками с подвесками и бисерными «поднизями». В западной и юго-западной частях Мордовии, как уже отмечалось, в качестве ушных украшений широко использовались «пушки».

Наиболее широко представлены шейные украшения: бусы, ожерелья. Материал для изготовления бус был весьма разнообразен: стеклярус, бисер, янтарь. Кроме общеизвестных названий таких украшений имелись локальные варианты. Например, ожерелья из дутых стеклянных бусинок известны как «ахи» (села Берсеневка, Ст. Федоровка), бусы из разноцветного стекляруса— «шленки» (с. Ст. Федоровка), состоящие из нескольких снизок— «витейки» (с. Чел. Майдан). Иногда янтарными назывались бусы, снизанные из плоских желтых костяных бусинок (д. Подгорные Селищи). В западной части были довольно широко распространены «борки» из разноцветного мелкого бисера, а также бисерные гайтаны (с. Такушево, Ст. Федоровка). В некоторых поселениях отмечаются нашейные украшения из монет—полтинников (д. Подгорные Селищи), широко бытовавшие у мордовского населения. Среди молодых девушек были распространены бусы из спелых ягод рябины, калины, шиповника и т. д. При украшении женских головных уборов широко применялся бисер, цветные стеклянные или костяные пуговички, а также блестки.

О б у в ь ю русских крестьян были лапти с онучами. Эта обувь являлась повседневно-рабочей, а беднота носила лапти и в праздники. На исследуемой территории бытовали лапти двух типов: «московские» и «мордовские». «Московские», или русские, лапти косого плетения с тупой головкой и высокими бортами преобладали в северо-восточной части края (рис. 4). Более «нарядные» «мордовские» лапти[1] бытовали в Темниковском и Спасском уездах в качестве праздничной обуви. Они являлись компонентом материальной культуры русских (11, с. 253). В ряде селений русские носили и «татарские» лапти прямого плетения.

[1] Отличались от «московских» способом плетения и характером украшений (9, с. 149).

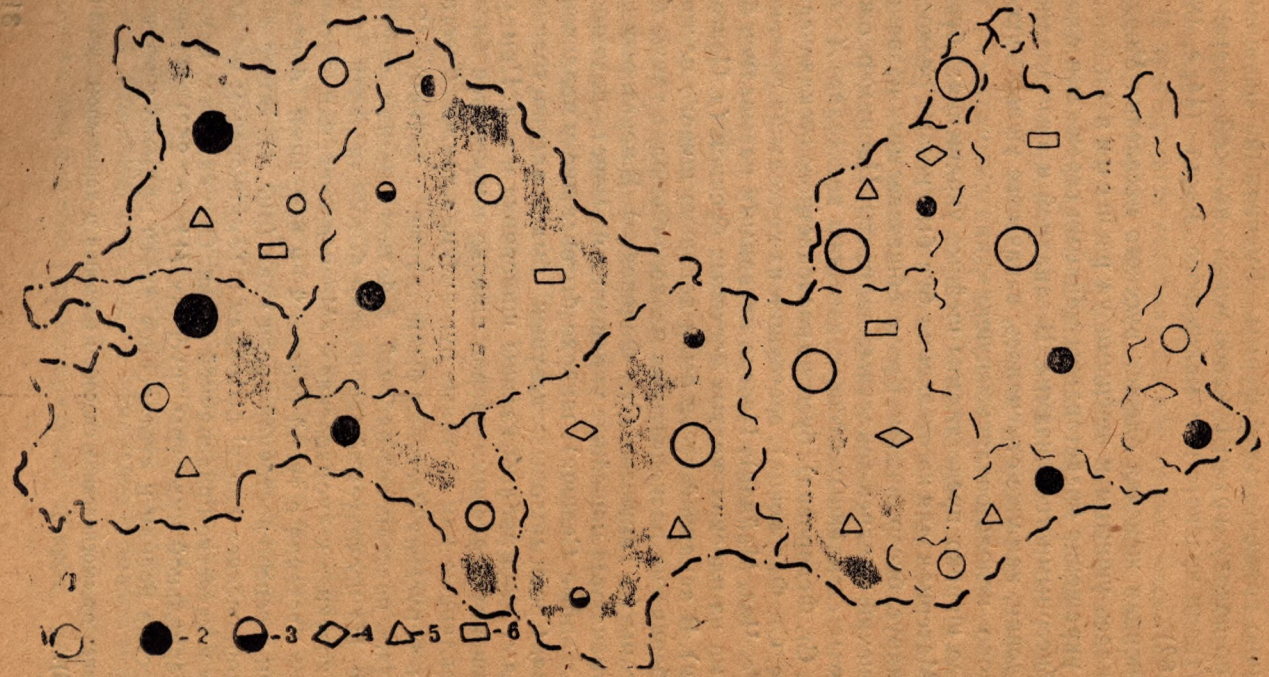

Рис. 4. Плетеная обувь (вторая половина XIX в.).

1—московские лапти, 2—мордовские лапти, 3—татарские лапти, 4—«ступни», 5—сапоги, плетенные из лыка, 6—сандалии из лыка (преимущественно детские).

Заимствование их, видимо, обусловливалось тем, что при износе одного лаптя не нужно было выбрасывать другой, еще годный к носке. Детской летней обувью служили плетенные из лыка сандалии. В отдельных селениях Саранского и Лукояновского уездов носили высокие плетеные сапоги, характерные для северорусских крестьян (11, с. 255).

Одним из видов плетеной обуви, изготовляемой из пеньковых веревочек, являлись «ходаки» и «чуни». Они отличались легкостью, удобством и служили летней обувью. Женской летней обувью служили суконные «баретки» и «плюнамки»—подобие галош (26, 28).

Распространенной праздничной женской обувью являлись кожаные увесистые ботинки с вязаным верхом (коты, чакчуры, гетры, вязанки, карпетки). Верх обычно вязался из хорошей цветной шерсти и нередко фигурно украшался сукном.

В качестве праздничной женской обуви во многих русских селениях использовались кожаные сапоги со сборами. Их шили из сыромятной кожи. Верх голенища часто обшивался сафьяном, а ниже шла узорная строчка. Такие сапоги, как правило, изготовлялись мордовскими сапожниками и являлись традиционной праздничной обувью мордовок (2, с 172). Наиболее нарядные сапоги украшались медными пятаками.

Кожаная обувь начинает проникать в деревню в период расслоения крестьянства. В конце XIX в. распространяется валяная обувь (рис. 5). Для основной же массы крестьян наиболее распространенным видом обуви оставались лапти.

Подводя итог анализу традиционной одежды русского населения Мордовии, укажем на ее значительное своеобразие. На части исследуемой территории (левобережье реки Мокши: Темниковский, Спасский, Наровчатский, а также Инсарский уезды) бытовал комплекс одежды, близкий к южнорусскому (поневный комплекс, сложный головной убор «сорока» с бисерным и кумачным позатыльником, косицами и пушками, рогообразный головной убор, напоминавший южнорусскую кичку и т. д.). Своеобразие традиционной русской одежды этой части исследуемой территории обусловливают многочисленные общие черты с мокшанской одеждой, а также одеждой теньгушевской мордвы-эрзи.

В междуречье Мокши и Суры (Алатырский, Ардатовский, Карсунский, Лукояновский, Саранский, Сергачский уезды) выделяется комплекс одежды, сходный с северно-и среднерусским (рубахи без поликов или же с прямыми вставками, глухой косо-

Рис. 5. Кожаная, суконная и валяная обувь (вторая половина XIX в.).

1—коты, чакчуры, гетры, карпетки, 2—мершни (из дубленой кожи), 3—бахилы, 4—женские кожаные сапоги со сборками, 5—баретки, плюнамки (женская суконная летняя обувь), 6— валяная обувь.

клинный сарафан, некоторые виды верхней женской одежды, женские головные уборы—кокошники Владимиро-Суздальского типа и т. д.).

* * *

1. **Анохина Л. А., Шмелева М. Н.** Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1978, 205 с.

2. **Белицер В. Н.** Народная одежда мордвы. М.: Наука, 1973, 215 с.

3. **Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.** Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары: Чув. гос. изд-во, 1960. 216 с.

4. **Бусыгин Е. П.** Русское сельское население Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1966. 408 с.

5. **Евсевьев М. Е.** Мордовская свадьба. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1959. 271 с.

6. **Ежова В. П.** Этнографическая характеристика одежды мордовского населения Теньгушевского района МАССР.—Уч. зап. Мордовского пединститута им. А. И. Полежаева, выпуск 4, серия—общественные науки. Саранск, 1956, с. 138—154.

7. **Клеянкин А. В.** Земля отчая. Историко-этнографический очерк. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1969, 135 с.

8. Крестьянская одежда населения Европейской России (XIX—начало XX в.). Определитель. М. Наука, 1976. 364 с.

9. **Куклин В. Н.** Изготовление плетеной обуви у мордвы в XIX—начале XX в.—В кн.: Исследования по археологии и этнографии Мордовской АССР. Тр. Мордов. научн.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики, вып. 39, Саранск, 1970, с. 142—160.

10. **Куфтин Б. А.** Материальная культура русской Мещеры.—Тр. государственного музея Центрально-промышленной области. М., 1926, ч. I, с. 3—143.

11. **Лебедева Н. И., Маслова Г. С.** Русская крестьянская одежда XIX—начала XX в.—В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, с. 193—267.

12. **Маслова Г. С.** Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX—начале XX в. Этнографический сборник.—Тр. Института этнографии. М., 1956, т. 31, с. 543—757.

13. **Маслова Г. С.** Изменение традиционного рязанского народного костюма за годы Советской власти.—Сов. этнография, 1966, № 5, с. 102—117.

14. **Мухамедова Р. Г.** Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. 248 с.

15. **Примеров А.** Одежда каменнобродских русских и мордвинов.—В кн.: Московские университетские известия, вып. 4, 1868, с. 164—173.

16. Село Ульяновка Нижегородской губернии Лукояновского уезда.—В кн.: Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом, вып. 1, СПб., 1853, с. 37—41.

17. **Фалеева В. А.** Бисерные украшения русских крестьянок XIX века. — Сб.: Сообщения Государственного Русского музея, XI. М., 1976, с. 104—110.

18. **Шабалина Л. П.** Женский костюм русского сельского населения Ульяновской области.—Сб. аспирантских работ. Казань, 1973, с. 68—72.

Материалы из фондов Русского географического общества (РГО)

19. **Вихорев С.** Этнографические сведения о жителях деревни Кортлей Инсарского уезда (Пензенская губерния). 1853, р. 28, оп. 1, д. 16.

20. **Дмитриев А.** Этнографические сведения о жителях села Огарева Инсарского уезда (Пензенская губерния). 1849, р. 28; оп. 1, № 2.
21. **Кротков З.** Этнографическое описание села Говорова Саранского уезда (Пензенская губерния). 1853, р, 28, оп. 1, № 13.
22. **Ландышев И.** Этнографические сведения о жителях села Богородское Голицино Саранского уезда (Пензенская губерния), 1854, р. 28. оп. 1, № 19.
23. **Орлов Д.** Село Большие Березники Карсунского уезда (Симбирская губерния), 1855, р. 37, оп. 1, № 27.

Материалы из фондов Краеведческого музея Мордовской АССР

24. Сарафаны из сел Ельники, Судосево, Инв. № 2622—1; 3290—1.
25. Шубейка из с. Такушева. Инв. № 4436—4.

Полевые материалы

26. Полевые записи автора, 1974, села Болтино, Резоватово, Ромодановский р-н.
27. То же, 1974, села Безводное, Силино, Ардатовский р-н.
28. То же, 1974, п. Первомайский, Ковылкинский р-н.
29. То же, 1974, д. Подгорные Селищи, Темниковский р-н.
30. То же, 1974, с. Чиберчино, Дубенский р-н.
31. То же, 1974, с. Шалы, Атюрьевский р-н.
32. То же, 1974, с. Шейн-Майдан, Атяшевский р-н.
33. То же, 1976, д. Березово, Красный Яр, Новая Качеевка, Теньгушевский р-н.
34. То же, 1976, пос. Митинский, с. Студенец, Зубово-Полянский р-н.
35. То же, 1977, села Стрелецкая Слобода, Челмодеевский Майдан, Ямщина, Инсарский р-н.
36. То же, 1977, села Веденяпино, Куликово, Такушево, Стар. Качеевка, Теньгушевский р-н.
37. То же, 1977, с. Старое Девичье, Ельниковский р-н.
38. То же, 1978, с. Дмитриев Усад, Атюрьевский р-н.
39. То же, 1978, села Жуково, Хилково, Торбеевский р-н.
40. То же, 1978, с. Берсеневка, Лямбирский р-н.

Т. П. ФЕДЯНОВИЧ

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ РУССКИХ И МОРДВЫ МОРДОВСКОЙ АССР

(сравнительная характеристика)

На территории Мордовской АССР издавна проживают по соседству русские и мордва. Контакты со славянами по данным археологии прослеживаются уже с VI — VII вв. н. э. (10, с. 16—17). В конце 1 тыс. н. э. связи мордвы с восточнославянским миром усилились. В это время отмечается значительный приток земледельческого славянского населения в районы восточнее нижнего и среднего течения Оки. Такая же картина была характерна для юго-западных и северо-западных районов расселения мордвы (8, с. 139). Приток восточнославянского населения на мордовские земли особенно усилился после присоединения этой территории к России в XVI веке. Основные направления колонизации в этот период шли с северо-запада: из центральных районов страны, с Верхней Волги. Значительное число переселенцев шло с севера и северо-востока (3, с. 62). Более поздние переселенцы—конца XIX—начала XX в. были и из южновеликорусских губерний: Курской, Орловской, Воронежской, Тульской и др. (3, с. 72). Таким образом, русское население Мордовской АССР формировалось на протяжении длительного периода. По данным переписи 1979 г. русские составляли 59,7% всего населения Мордовской АССР (591,2 тыс. чел.), мордва (мокша и эрзя) — 34,2% (338,9 тыс. чел).

В результате многовекового соседства и общения, жизни в одинаковых природных и социально-экологических условиях у русских и мордвы Мордовской АССР сложилось много общих черт в хозяйстве и культуре. Вырабатывались и общие формы духовной жизни, в частности семейной обрядности. Сходство отдельных моментов семейных обрядов русских и мордвы существует очень давно. Особенно много общего в свадебных обрядах этих двух народов. Вероятно, это вызвано тем, что свадьба занимает центральное место среди семейных событий. В ней отражаются многие стороны жизни народа: религиозные представления, формы брака и семьи, историческое прошлое, взаимоотношения с соседями. Свадебная обрядность связана с социально-экономическими условиями жизни народа, хотя изменения в них преломляются в обрядах с некоторым отставанием. Свадебная обрядность мордовского народа довольно хорошо освещена в этнографической литературе (1; 2; 5; 11; 12; 13; 14; 15; 16).

Русское население Мордовской АССР и особенно его духовная культура до недавнего времени не подвергались специальному этнографическому изучению. Не изучались и свадебные обряды русских этого региона. Поэтому при сравнительной характеристике свадебных обрядов русских и мордвы мы уделяем здесь большое внимание описанию обрядности русского населения Мордовской АССР.

В основу статьи положены материалы Мордовской этносоциологической экспедиции 1973 г., работавшей под руководством В. В. Пименова. Как известно, для полной картины межэтнических взаимодействий в республике экспедицией изучалось не только коренное население, но и представительные группы русских[1] (9). Автор этой статьи была участницей экспедиции. Сведения о свадебных обрядах русских и мордвы республики отобраны нами из материалов экспедиции и обработаны.

В Мордовском этнографическом вопроснике — основном инструментарии обследования (составитель—В. В. Пименов)— есть ряд вопросов об обычаях и обрядах, в том числе свадебных и родильных. Материалы, полученные в результате обследования, дают возможность сравнения семейных обрядов русского и мордовского населения Мордовской АССР, сопоставле-

[1] Среди русского населения Мордовской АССР было обследовано 800 горожан и 800 сельских жителей.

ния меры сохранения в них традиционных элементов. Кроме того, эти обряды могут быть рассмотрены во взаимосвязи с рядом этнодемографических, социально-экономических и других факторов, что дает возможность выявить причины, определяющие состояние семейной обрядности.

По материалам экспедиции в общих чертах можно составить представление о свадебных обрядах русских и мордвы конца XIX—нач. XX в. Знакомство молодых людей как в русских, так и в мордовских деревнях прежде часто происходило во время гуляний или посиделок . Посиделки («сиделки», «сиденки», «кельи») местами сохранялись до 1960-х годов. Девушки собирались на посиделки в свободное от сельскохозяйственных работ время (обычно в период с сентября по март) по 7—12 человек в бане или в доме, который они снимали у какой-нибудь одинокой женщины. В качестве платы за наем дома приносили дрова и керосин, который они жгли во время посиделок. Девушки также выполняли хозяйственные работы для хозяйки дома. Во время посиделок пряли, сучили пряжу, шили, вязали. На посиделки приходили и парни с гармошками, балалайками. В некоторых местах существовал своеобразный обычай знакомства молодых людей, который назывался «сенцы». Он заключался в том, что если какая-нибудь девушка нравилась парню, он садился за ее гребень и снимал пряслице и кольцо. В таком случае девушка выходила с парнем в сени, где происходило знакомство молодых людей.

Свадьбы у русских и мордвы в конце XIX—начале XX в. происходили в основном по сватовству. Вначале в дом невесты приходила мать жениха, его крестная или кто-нибудь из родственников на предварительные переговоры о сватовстве, как говорили в некоторых местах у русских, «ославиться». У мордвы родственник, ведущий предварительные переговоры о сватовстве, назывался «икельцаки» (э) или «ингольде якайсь» (м)—«вперед ходящий».

Если родители невесты не возражали против предстоящего сватовства, то со стороны жениха приходили его отец и мать, а иногда и сам жених с близкими родственниками «ладить» невесту. Однако нужно отметить, что у русских в некоторых селах, например, в Резоватове Ичалковского района сватать ходили не родственники жениха, а соседи или кумовья. Как у мордвы и русских других регионов, сваты вначале обычно садились под матицей, заводили иносказательный разговор. После этого договаривались о выкупе за невесту, который состоял из

денег, одежды (шубы, кафтана и т. п.), продуктов (мяса, крупы и др.), о подарках невесты отцу и матери и другим родственникам жениха. Назначался и день «запоя»—заручения.

На запой приходили жених и его родственники. Они приносили с собой вино, хлеб, закуски. Невеста во время прихода гостей находилась в чулане. Ее вызывали к ним и рассматривали. На запое присутствовали и подруги невесты. Они пели песни. После песни «Невеличка заря, заря ясная» жених прохаживался с невестой по горенке. Во время запоя невеста одаривала родственников жениха. Будущей свекрови она дарила рубаху, «рукава» со «станом», отцу жениха—рубаху и штаны, жениху—утирки.

У русских Мордовской АССР был распространен известный у мордвы и среди русского населения других мест обычай знакомства с хозяйством жениха—«дом оглядывать», «печурки смотреть». В некоторых местах, например, в Шимаревке Торбеевского района, когда «глядели дом», невеста дарила жениху перчатки, полотенце, а он подносил ей гостинцы. В других местах (Чел. Майдан Инсарского района) невеста не ходила с родственниками к жениху «дом глядеть». В это время он сам приходил к ней в гости. В некоторых местах, например, в Большеберезниковском районе, родня невесты ходила в дом жениха «с меркой»—мерить окна, чтобы приготовить на них занавески. Этот обычай существовал и у мордвы некоторых районов.

От сватовства до свадьбы проходило от двух недель до двух месяцев. За это время невеста должна была приготовить подарки жениху и его родственникам. В этом ей помогали подруги. Они приходили к невесте «голос слушать», т. к. русская невеста после запоя, как и мордовская, причитала—«голос отдавала». Как и у мордвы, у русских было принято причитать и в доме и во дворе, проходя по разным его местам. Если в дом невесты приходил кто-нибудь из ее родственников, она с причитаниями обращалась и к нему.

В период между сватовством и свадьбой к невесте приходили родственники жениха с гостинцами. Этот обычай был известен и у мордвы. Так же, как и у мордвы, очень насыщенным событиями был день накануне свадьбы. В доме невесты устраивался девишник. На него девушек приглашали две подруги невесты—«позыватки», которые надевали на голову волосники с «рожками», а поверх них—шелковые платки (в Темниковском районе они назывались «бадики», в Торбеевском—«позывалки»).

Институт «позыватых» был отмечен у русского населения Моршанского уезда Тамбовской губернии, а также в Орловской губернии и на Украине. Л. Я. Штернберг связывал его с древней организацией «в примитивных обществах представителей каждого пола в особые союзы, в данном случае союзы девушек» (7, с. 11, 178). Девушки-позыватки заходили и в дом жениха, где развешивали на окнах занавески невесты. Здесь для позыватых устраивали угощение.

Во время девишника подруги невесты помогали ей готовить приданое и подарки родне жениха. Невеста же в это время причитала. В Большеберезниковском районе родные жениха приносили на девишник гостинцы для невесты. После девишника подруги невесты несли в дом жениха ее подарок—брюки и рубашку, а также разукрашенный пирог-курник. Здесь собирались друзья жениха, происходило гуляние. В некоторых местах жених со своими друзьями приходил к невесте, где устраивалась вечеринка.

В этот же день для жениха и для невесты топили бани. Подруги невесты приносили для нее веник и мыло жениха. Этот же обряд был известен в ряде районов и у мордвы. Вероятно, он был заимствован мордвой у русских.

С украшенным ленточками веником, надетым на жердь, девушки проходили вначале по селу, а потом приносили его в дом невесты. Когда невеста мылась в бане, подруги хлестали ее веником, требуя, чтобы она сказала, как зовут жениха. Этот обряд был заимствован от русских мордвой некоторых районов.

В тех районах, где не было бань, невеста мылась в печи[1]. После обрядовой бани невеста проплакивала свою красу, сидя в переднем углу дома. У мордвы-эрзи в день накануне свадьбы невеста с причитаниями, в сопровождении подруг шла в дом дяди или другого родственника по отцу, где она должна была укрыться в день приезда за ней поезжан, с просьбой спрятать ее от них.

В этот день родственницы невесты собирались в ее доме. Все они приносили с собой по горшку каши, несколько лепешек, а от своих мужей—по паре лаптей. Этот обряд назывался «кашадо ярсамо» (э) («съедание каши») или «кашань кандома» (м—«приход с кашей») (5, с. 129).

В некоторых местах невеста вместе с подругами сама ходила по родне, где ее угощали селянкой (17). Эти обряды—одно

[1] Это относится, в частности, к Чамзинскому и Ромодановскому районам.

из проявлений участия родственников в проведении свадьбы. На ночь перед свадьбой девушки оставались в доме невесты или ее соседей. Это было характерно и для ряда северных районов России (7, с. 84). Утром в день свадьбы невеста вставала раньше всех и причитаниями будила своих родителей и девушек-подруг. В этот день подруги отвозили в дом жениха постель и сундук с приданым. Жених должен был дать за них выкуп. В некоторых местах, например, в Теньгушевском районе, постель невесты отвозили к жениху накануне свадьбы вместе с подарками жениху и занавесками.

За невестой приезжал свадебный поезд из 10 или более подвод, в который входила почти вся родня жениха. Сам жених не везде ездил за невестой, а встречался с ней в церкви. Такой порядок отмечался и в некоторых северных районах у русских (7, с. 89), а также в ряде мест у мордвы. У околицы деревни свадебный поезд останавливался, и сваха (Ромодановский район) или дружка (Ичалковский район) шли к невесте «с повесткой» или «оповещать»—т. е. узнать, готова ли она к встрече поезжан. Как и у мордвы и русских других местностей, перед свадебным поездом запирали двери, и приехавшие должны были выкупить их. Выкупать приходилось и невесту, которая сидела вместе с двумя-тремя подругами, закрытая. Обычно невесту выкупал жених. Там, где он не ездил за невестой, например, в Зубово-Полянском районе, это делал его родственник—дружка. Дружка должен был также «откупать» и стол, и постель невесты. В Большеберезниковском районе невесту выкупал другой участник свадебного поезда—«тысячник». Он раздавал конфеты детям, которые приговаривали: «Мы кормили невесту калачами, оделяй нас пятаками».

В некоторых местах, когда от жениха приезжали за невестой, она находилась у соседей. Ее приводили в дом родителей и ставили около печи.

Жениху и его родственникам в доме невесты делали подарки. Сестра или тетка невесты, которая отличалась веселым, общительным характером, обходила их с тарелкой в руках и оделяла дарами. Родственники жениха в ответ на подарки клали на тарелки деньги—«отдарь». В это время девушки, подруги невесты, пели песню: «Не по погребу бочоночек катается, как муж перед женой величается». Одна из девушек собирала с присутствующих деньги «за песни».

После одаривания мать и отец жениха уезжали домой. Сваха расплетала невесте косу, а ленту бросала на порог. Подруги

невесты подхватывали ее. Считали, что та девушка, которой достанется лента невесты, скоро выйдет замуж. Мать и отец невесты вместе с родственниками провожали ее хлебом-солью и иконой. После этого жених с дружкой сажали невесту в повозку вместе с ее крестной матерью, которая держала в руках икону. Жених ехал в церковь вместе со своей крестной матерью. Перед выездом свадебного поезда со двора невесты дружки или крестные родители жениха и невесты трижды обходили его с иконой, хлебом, свечой. Этот обряд был характерен и для мордвы, а также для русских других местностей (7, с. 122). В Темниковском районе вместе с невестой из дома ее родителей ехала ее родственница или подруга—«провожатка». Она собирала деньги, которые родня жениха дарила невесте.

Из церкви после венчания молодые ехали в дом родителей мужа, которые встречали их хлебом-солью, благословляли иконой, обсыпали хмелем, пшеном, овсом или пшеницей. В Теньгушевском районе у русских, как и у мордвы, мать молодого подставляла под ноги невесты сковородку. Вероятно, этот обряд был заимствован русскими переселенцами от местного мордовского населения. Когда молодых сажали за стол, открывали ее лицо (до этого оно было закрыто шалью), а она здоровалась с родственниками мужа. На колени молодой сажали ребенка, чтобы у нее родились дети. Этот обычай был широко распространен не только у русских и мордвы Мордовской АССР, но и у многих других народов. После первого стакана молодых отводили к печке (Тенишево Краснослободского района), в чулан (Елизаветинка Большеберезниковского района), в соседний дом (Кулишейка Рузаевского района, Болтино Ромодановского района) или в баню (Резоватово Ичалковского района, Новая Качеевка Теньгушевского района). В Зубово-Полянском районе (п. Митинский) дом, куда отводили молодых, называли «отхожим». В некоторых местах молодых совсем не сажали за общий стол, а сразу отправляли к соседям (Подгорные Селищи Темниковского района, Теньгушевский район). Здесь их угощали отдельно от других гостей. Отдельное кормление молодых было широко распространено у русских. У мордвы молодые также в первые дни не участвовали в свадьбе. В 1-й день свадьбы молодым делали подарки, которые собирали дружка и сваха. Этот обычай назывался «сыры метать».

У мордвы не имели широкого распространения обряды, связанные с проверкой девственности невесты. Лишь в некоторых местах на второй день свадьбы гости осматривали рубашку мо-

лодой. Если невеста была девушкой, то били горшки и плясали на них. Если же оказывалось, что невеста не сохранила свою девственность, то горшки не били. Если невеста была девушкой, то сваху благодарили, в противном случае над ней смеялись, надевали на шею хомут (17). Эти обычаи являются, по-видимому, довольно поздним заимствованием от русских.

Во второй день свадьбы было много шуток и веселья. Недаром у мордвы некоторых районов он назывался «потиха ши» (м)—«потешный день». У русских Тамбовской губернии это было «веселое утро» (7, 194). Для этого дня были характерны различные шуточные испытания молодой. Так, ее заставляли мести пол, в то время как гости тащили в избу всякий сор, всячески мешали молодой и подсмеивались над ней. Свекровь наказывала своей невестке, чтобы она не выметала большой сор, т. е. не была бы болтливой, «не выносила сор из избы». Такой момент был отмечен и в свадебных обрядах русских Ярославской губернии (7, 152). Молодую посылали за водой, а по пути разливали ее из ведер. У мордвы на второй и третий день свадьбы молодой «показывали воду», т. е. вели ее к колодцу. Раньше это было представление нового члена семьи богине воды—ведяве (м, э); ей молодая делала приношения, а позже, в конце XIX в., она одаривала тех, кто провожал ее к колодцу. У русских Новгородской губернии еще в начале XX в. также встречалось одаривание реки молодой (7, с. 156). У русских Мордовской АССР ряженые из дома молодого шли в этот день в дом родителей молодой и приглашали их к себе в гости. После этого родственники молодых гуляли вместе. У русских и мордвы был распространен обычай поисков ярки, когда ряженые родственники молодой искали в доме молодого пропавшую ярку. В некоторых местах, например, в Подгорных Селищах Темниковского района за разыскиваемую ярку выдавали наряженную молодой старуху.

На второй день свадьбы молодой делали женскую прическу (расплетали косу и заплетали волосы в две косы) и надевали женский головной убор—«навершник».

В Теньгушевском районе все гости во второй день свадьбы шли в дом родителей молодой жены, где их угощали яичницей. В это время воровали у родителей молодой кур и жарили их у себя дома. В Инсарском районе, когда гости были в доме родителей молодой, ей бросали разукрашенную курицу. Это должно было принести ей счастье. В некоторых местах на второй день свадьбы, когда гуляли в доме родителей молодой, родня ее му-

жа ловила петуха и прятала его. Молодой муж должен был найти его. Молодых угощали курицей и яйцами. Вероятно, смыслом этого кормления было пожелание им плодовитости. Обряды с курицей, которая была символом плодородия, были распространены как у русских, так и у финно-угорских народов (6).

В Инсарском районе на второй день свадьбы в доме молодого подавали кашу, прикрытую караваем хлеба, на котором укреплялась «девичья красота»—две головы, сшитые из тряпок. Когда крестные родители жениха поднимали этот хлеб, молодая с плачем бросалась за «красотой» и прятала ее. Два-три дня свадьба происходила в доме родителей молодого и молодой, а потом гостей приглашали к себе те родственники, которые участвовали в свадьбе.

В Большеигнатовском районе на третий день свадьбы гуляли «вскладчину». В Инсарском районе на третий день свадьбы гости в доме родителей молодой ловили курицу и овцу и отводили их в дом молодого в качестве приданого. Считали, что это принесет счастье молодой семье. У мордвы на второй и третий день свадьбы совершались и своеобразные обряды—«лемдема» (м, э—наречение невесткой в семье мужа) и «сюкоронь ознома» (э—моление лепешек), которые символизировали причисление молодой к новому семейству. Первый обряд заключался в том, что молодую нарекали одним из шести бытовавших у мордвы именований невестки. «Новым именем» молодую называли все остальные члены семьи, кроме свекрови, свекра и мужа, и посторонние. Свекор и свекровь называли сноху словом «урьва» (э)—«сноха», а муж обращался к жене, употребляя местоимение «ты».

Во время «моления лепешек» обращались к хранителю дома мужа с просьбой полюбить взятую в семью молодую. Как видно из этого краткого описания свадебного обряда русского населения Мордовской АССР, в нем много общего со свадебной обрядностью русских северных и среднерусских областей. Общим был весь печальный настрой свадьбы, состав и последовательность ее этапов, сам ход сватовства и другие моменты. В русской свадьбе Мордовской АССР много сходных черт со свадебной обрядностью русского населения других автономных республик Среднего Поволжья (4). Однако в свадебной обрядности русских Мордовии есть и отличительные черты, которые сформировались в результате взаимовлияний обрядов русских

переселенцев из различных областей и местного мордовского населения.

Если сравнивать русскую и мордовскую свадьбы, то в последней можно отметить ряд специфичных обрядов. Это обряд угощения невесты ее родственницами кашей накануне свадьбы («кашань кандома»—э), обряды поисков дома бегства для невесты, «сюкоронь ознома»—э («моление лепешки»), наречения невесткой в семье мужа—«лемдема» (м, э). В конце XIX—нач. XX в. у мордвы сохранялся и обряд возвращения молодой в дом своих родителей через некоторое время после свадьбы («потавтома», «потавкс» (м), «мекев потамо» (э). Эти обряды формировались и бытовали у мордвы, вероятно, еще до того, как она вступила в тесные контакты со славянским, а позднее русским населением. Они представляют более ранний пласт в мордовской свадебной обрядности.

Позднее, в результате экономических и культурных связей со все увеличивающимся на территории Мордовии русским населением у мордвы выработался свадебный цикл, очень сходный со свадебным циклом русских. Однако в свадебной обрядности мордвы сохранились и специфические, присущие только ей обряды.

Материалы названной выше экспедиции 1973 г. показывают, что у русского и мордовского населения республики традиционные элементы свадебной обрядности сохраняются не только в общественной памяти, но и в быту значительного числа представителей этих этносов. Особенно характерно это для жителей сельской местности.

Три вопроса о свадебных обрядах, содержащиеся в Мордовском этнографическом вопроснике, позволяют сопоставить уровень знания, соблюдение свадебного обряда разных типов и устойчивость традиционных элементов свадьбы у мордовского и русского населения города и села.

Материалы показывают, что уровень знания традиционных свадебных обрядов у мордвы-горожан несколько выше, чем у русского городского населения. Так, среди мордовских информаторов имеют ясное представление о традиционных свадебных обрядах или очень хорошо знают их 34,3%, среди русских — 29,0%. Число лиц, не знающих традиционной свадьбы, у русских и мордвы города различается незначительно (мордва — 35%, русские—35,5%).

По характеру исполнения свадьбы (соблюдение разных типов свадебного обряда) русские и мордва города различаются

более существенно. У мордовского городского населения довольно много свадеб происходило по современному гражданскому обряду (такие свадьбы были у 27,8% информаторов). Однако почти у половины мордовского городского населения свадьба в той или иной мере включала традиционные обряды (причем около 25% информаторов провели свадьбу по полному традиционному свадебному обряду).

В среде русских горожан традиционные свадебные обряды исполняли в той или иной мере лишь 1/3 информаторов, причем свадеб с полным традиционным обрядом было почти вдвое меньше, чем у мордвы (12,4%). У русского городского населения несколько большее, чем у мордвы, число свадеб сопровождалось современным гражданским обрядом (29,3%). Существенно больше было среди русских горожан и свадеб без обрядов—36,1%, среди мордвы—25,9%.

Представить оценку информаторами традиционного свадебного обряда, а в связи с этим в какой-то мере степень его устойчивости, перспективы изменений в нем дают возможность ответы на вопрос о желаемой форме свадьбы. Сравнение этих сведений с данными об исполнении свадебного обряда показывает, что как для русских, так и для мордвы-горожан характерна относительная устойчивость традиционного свадебного обряда или, по крайней мере, отдельных его элементов. Вместе с тем среди горожан обоих этносов заметна тенденция к увеличению числа свадеб по современному гражданскому обряду. Свадьбы без обрядов в городской среде не популярны.

В сельской местности традиция в свадебной обрядности у русских и мордвы более ощутима, чем в городе. В то же время здесь как уровень знания традиционной свадьбы, так и характер ее исполнения у этих двух народов различаются более существенно, чем у горожан обоих этносов. Так, среди сельской мордвы имели ясное представление о традиционных свадебных обрядах и очень хорошо знали их 67,9% информаторов, среди русских—56,6%. Не знали этих обрядов 8,3% мордовских информаторов, 12,0%—русских.

Традиционные формы свадебной обрядности довольно хорошо сохраняются и в быту жителей села. Так, полная традиционная свадьба была отмечена у 64,6% мордовских сельских жителей и у 46,5% русских. Около 1/4 русских информаторов отметили свое бракосочетание современным гражданским обрядом с элементами национальной свадьбы. У мордвы таких свадеб в два раза меньше (10,6%). Свадеб по современному граж-

данскому обряду в сельской местности пока еще немного (у русских—5,1%; мордвы—3,3). Несколько больше было свадеб без обрядов (у русских—16,9%; мордвы—8,8%).

В сельской местности позиции традиционного свадебного обряда более устойчивы, чем в городе. Судя по материалам, здесь представляется перспективным современный гражданский обряд с элементами традиционной свадьбы. Однако проявляется (хотя более слабо, чем в городе) и тенденция к увеличению числа свадеб по современному гражданскому обряду, особенно заметная среди русского населения.

Данные обследования 1973 г. позволяют рассмотреть состояние свадебной обрядности еще более детально, в частности, проследить связь функционирования и развития обрядов с такими существенными факторами, как социально-демографические переменные. Среди них прежде всего обратим внимание на возрастную динамику, на изменение знания традиционной свадебной обрядности и ее соблюдение в различных возрастных группах. Рассмотрим это на примере сельской местности. Здесь среди русских и мордвы четко прослеживается закономерность: чем старше возрастная группа, тем больше в ней информаторов, хорошо знающих традиционную свадебную обрядность. Материалы свидетельствуют также, что число традиционных свадеб уменьшается с понижением возраста. Доля же современного гражданского обряда (в том числе и с элементами традиционной свадьбы) возрастает в младших возрастных группах.

При рассмотрении связи обрядовой жизни с уровнем образования выявляется их тесная связь. С ростом уровня образования понижается уровень знания традиционных свадебных обрядов и уменьшается степень соблюдения традиции в свадьбе. Это характерно как для мордвы, так и для русского населения.

Интересно проследить состояние обрядовой жизни и в разных социально-классовых группах (колхозники, рабочие, служащие). Такая группировка сведений об обрядах имеет чрезвычайно важное значение: она позволяет проследить влияние макросоциальных факторов на развитие одной из ярких сторон народного быта. По уровню знания традиционной свадьбы такие группы мордовского сельского населения резко не различаются. Имеющиеся различия касаются в основном соблюдения свадебных обрядов. Более других придерживаются традиции в исполнении свадебного обряда колхозники, меньше—рабочие и еще меньше—служащие. У русских сельской местности в раз-

ных социально-классовых группах знание традиционного свадебного обряда неодинаково. Лучше других его знают колхозники. В отношении соблюдения традиции в свадебных обрядах среди русских наблюдается та же картина, что и у мордвы, с той разницей, что у русского сельского населения было больше свадеб по современному гражданскому обряду с элементами традиционной свадьбы и свадеб без обрядов.

Таким образом, знание свадебного обряда, его соблюдение, а также предпочтение того или иного вида свадьбы у русских и мордвы в целом одинаково подвержены действию таких факторов, как возрастная динамика, уровень образования, социально-классовая принадлежность. Наиболее существенное воздействие на обрядовую жизнь населения оказывают социально-экологические условия, фактор урбанизации. Можно сказать, что условия городской жизни снижают и нивелируют уровень традиционности семейных обрядов в их этнических средах.

Относительная устойчивость традиционных свадебных обрядов на территории современной Мордовской АССР определяется тем, что в прошлом это был аграрный район с замедленными темпами экономического развития. Рост промышленности, а в связи с этим увеличение числа городских жителей начинается здесь только после Великой Октябрьской социалистической революции, особенно в послевоенные годы. Однако и в настоящее время подавляющее большинство мордвы Мордовской АССР и половина всех русских—сельские жители. В селе еще сильны семейно-родственные связи, более однородное в этническом отношении население, меньше его мобильность. Этим определяется большая степень сохранности здесь традиционных черт свадебной обрядности.

Следует учитывать, что мордовское городское население стало складываться сравнительно недавно. Так, по материалам экспедиции 1973 года, 71,4% мордвы-горожан Мордовской АССР составляли приезжие по преимуществу из сельской местности. В силу этого семейная, в том числе и свадебная, обрядность мордовского городского населения сохраняет многие традиционные «сельские» черты, ибо традиция в обрядности не изменяется мгновенно вслед за социально-экономическими преобразованиями. Этим, в частности, объясняется большая по сравнению с русскими степень традиционности обрядов у мордвы. Устойчивости традиционных черт в ее семейной обрядности способствовало также длительное сохранение больших семей и тесных семейно-родственных связей. Нужно учитывать также и

то, что мордва на изучаемой территории—исконные жители, а русские были переселенцами из разных мест, имевших региональные отличия в семейной обрядности. В ближайшем будущем следует ожидать еще большего сближения семейной обрядности мордвы и русских.

* * *

1. **Борисов А. Г.** К вопросу отражения жизни дореволюционной мордовской деревни в традиционной мордовской свадьбе.— Тр. Науч.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР. Саранск, 1965, вып. 24, с. 145—155.
2. **Борисов А. Г.** Мордовская свадьба как историко-этнографический источник.—В кн.: Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965, с. 389—396.
3. **Бусыгин Е. П.** Русское население Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1966. 408 с.
4. **Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Михайличенко Е. В.** Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1973. 166 с.
5. **Евсевьев М. Е.** Избранные труды, т. 5. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. 552 с.
6. **Зеленин Д. К.** Троецыплятница. Вятка, 1906. 51 с.
7. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926.
8. **Монгайт А. Л.** Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961, 400 с.
9. **Пименов В. В.** и др. Программа этносоциологического исследования этнических процессов в Советской Мордовии. — Труды Науч.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР. Саранск, 1978, вып. 62, с. 3—15.
10. **Смирнов К. А.** Русский элемент в культуре мордвы. Ульяновск, 1957.
11. Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. 6., ч. 1. Саранск, 1972. 472 с.
12. **Федянович Т. П.** Изучение семейных обрядов мордвы.—В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 году. М., 1971.
13. **Федянович Т. П.** Мокшанская свадьба (XX век).—В кн.: Краеведение Мордовии. Саранск, 1973, с. 200—207.
14. **Федянович Т. П.** О современной семейной обрядности мордвы сельской местности.—В кн.: Вопросы финно-угроведения, вып. 6, с. 404—409. Саранск, 1975.
15. **Федянович Т. П.** Семейные обряды мордвы Темниковского и Теньгушевского районов Мордовской АССР.—В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 году. М., 1972.
16. **Федянович Т. П.** Свадебные обряды мордвы-эрзи Татарской, Чувашской и Башкирской АССР.—Тр. Науч.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР. Саранск, 1974, вып. 45, с. 110—121.
17. Экспедиционные материалы автора. Архив Института этнографии АН СССР, 1967, ф. 1, д. 106; 1969, ф. 14, д. 14.

Н. Ф. БЕЛЯЕВА

РОДИЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ МОРДВЫ-МОКШИ АТЮРЬЕВСКОГО РАЙОНА МОРДОВСКОЙ АССР

(конец XIX—начало XX в.)

Рождение ребенка является самым радостным и важным бытием в семье. Оно издавна сопровождалось разнообраз-ми обрядами, сущность которых состояла в том, чтобы обес-чить безопасность новорожденного и роженицы, благоприят-им образом повлиять на будущую судьбу новорожденного. Ро-льные обряды мордвы представляют собой яркое, самобытное ление народного быта. Изучение их имеет как научный, так практический интерес, ибо они наиболее устойчиво сохраняют ническую специфику. Однако эта проблема не служила пред-етом специального изучения. Краткие сведения по этому воп-су мы находим в сочинениях дореволюционных авторов 2, 3, 8, 9, 23).

Чаще всего материалы о родильной обрядности включались общие сведения о мордве, поэтому они отрывочны и не дают этой обрядности полного представления.

Лишь после Великой Октябрьской социалистической рево-ции начинается глубокое и всестороннее изучение быта на-дов СССР.

После создания Научно-исследовательского института язы-, литературы, истории и экономики при Совете Министров рдовской АССР изучение быта мордовского народа стало сить плановый, целенаправленный характер. Организу-ся этнографические экспедиции непосредственно Институтом,

а также совместно с Институтом этнографии Академии н СССР. В результате этих экспедиций накоплен большой ма риал об истории традиционной семейной обрядности мордвы частности о родильных обрядах.

Наиболее полное изучение мордовской родильной обр ности представлено в исследованиях Т. П. Федянович (19, 20, 22). В них использован большой архивный, полевой матери собранный за ряд лет среди мордовского сельского селения как в районах Мордовской АССР, так и за ее преде ми. Автор обобщает материалы по традиционной семейной рядности мордвы, показывает ее изменения, определяет при ны и характер этих изменений. Заслугой автора является явление связей родильной обрядности мордвы с обрядами д гих народов Поволжья как результата давних культурн взаимовлияний.

Данная статья ставит своей целью на основе анализа по вого материала, полученного этнографической экспедиц 1979 года, описать родильные обряды в западной зоне М довской АССР, где проживает мордва-мокша.

Изучение родильной обрядности данной зоны имеет на ный интерес и в том плане, что последняя долгое время нахо лась в отдалении от центральных дорог, административ центров, живущая здесь мордва в меньшей степени подвер лась влиянию других народов, поэтому семейные тради дольше сохранились не только в памяти, но и в быту.

Родильные обряды мордвы так же, как и у других наро Поволжья, сложились еще в дохристианский период. Пра христианизация изменила некоторые их формы, но в целом сохранялись вплоть до начала XX в. Это относится к обря в честь покровительниц воды (ведявы) и леса (вирявы), торые якобы способны влиять на деторождение. К ним обра лись за помощью в случае бесплодия или же смерти детей. В в Атюрьевском районе сохранилось моленье в честь покр тельницы воды. Ворожея с бездетной женщиной ночью шл реке, бросали в воду лепешки, яйца и просили взамен детей

Ведява, матушканяй,
Ведява, кормилецкяй,
Тон сембонь штасайть-нардасайть,
Простиндасайть, чистендасайть,
Максат эряф-араф сиретненди-отненди,
Мастор-земляти.
Кати арамста-сявомста, стакаста-сталмоста,
Кати ломаньцта-зиянцта, аф пара сельмоста,

Аш Марянь кядьс кундаманяц,
Тядянь-алянь мярьгиняц,
Сиредема пяли васькама вастоняц.
Чистендака, штака-нардака,
Простиндака Маря сазорьтьке,
Макст тейнза кядьс кундаманя,
Тядянь-алянь валня мярьгиня,
Сиредема пяли надияма вастоня (14).

Ведява, матушка,
Ведява, кормилица,
Ты всех моешь-очищаешь,
Вытираешь и прощаешь,
Даешь жизнь старым и молодым,
Земле-матушке.
То ли во время сватовства-свадьбы,
То ли от злого человека, от злого глаза,
Нет у Марии кого на руки взять,
Кто «мать-отец» скажет,
На кого на старости лет надеяться.
Прости Марию сестру,
Дай ей кого на руки взять,
Кто «мать-отец» скажет,
На старости лет на кого надеяться*

* Здесь и далее подстрочный перевод наш.—**Н. Б.**

Мордовская крестьянская семья не мыслилась без боль-ого количества детей, без будущих помощников и работников. В мордовском фольклоре существует много пословиц и по-оворок, где прославляется многодетность и осуждается бездет-ость: «Шаба мархтость эряй—радовай, шабафтомсь—ризнай» «Кто с детьми живет—радуется, кто без детей—горюет»), Эйкакш мархто кудось—часиянь кудо» («Дом с детьми—счаст-ивый дом»), «Эйкаштомось—ундов чувто: а пенгекс, а ленгекс» «Бездетный дом, что дуплистое дерево: ни лыка, ни дров») 18, с. 74; 76).

Стремление к многодетности ярко выражено в фольклоре и ругих народов. Например, русская пословица: «Один сын—е сын, два сына—половина, три сына—сын»; чувашская: «А апача суккус сук» («Нет детей, нет глаз») (5, с. 89).

Многодетность мордовской семьи отметил и В. Н. Майнов: Мордва смотрят на детопроизведение как на доброе подспорье о хозяйству: любезна ему жена, которая даст ему много сыно-ей, не дурна и та, что дочерей нарожает—все-таки помощни-ы будут» (8, с. 13).

На почве страстного желания иметь детей складывались азличные приметы, обычаи и обряды, якобы обеспечивающие

потомство, Так, верным средством, сулящим рождение де считалась находка пояса, ремня. Найденный пояс или рем носили при себе, а впоследствии хранили в сундуках и пере вали по наследству (14). Родители при выборе невесты учи вали, нет ли бездетных в близкой родне невесты. Магичес свадебные обряды: сажание молодым на колени ребенка, об пание их хмелем, просом, кормление кашей—призваны бы обеспечить деторождение. Такие магические приемы харак ны и для русских, чувашей, марийцев, удмуртов и других на дов Поволжья.

Несмотря на то, что деторождение считалось главным ф тором счастливой жизни, особых условий для беременной ж щины в дореволюционном прошлом не создавалось. Женщи мордовки работали до самых родов. Часто женщина рожа прямо в поле.

Во время беременности соблюдались некоторые поверь запреты: беременным женщинам нельзя было бить свинью, и че ребенок будет якобы со щетиной; нельзя перешагивать рез коромысло, оглобли, дугу, иначе ребенок в чреве мате будет расположен неправильно; есть зайчатину, так как ре нок может родиться с заячьей губой и др. (11).

В крестьянском быту, да и в среде других классов, ро представляли собой один из самых напряженных моментов жизни каждой семьи. Еще до наступления родов опасения за благополучный исход, желание заранее узнать пол и хотя отчасти судьбу младенца заставляли волноваться и беспокои ся не только беременную женщину, но и близких родствен ков. Довольно полное отображение переживаемых ими в время душевных волнений мы находим в тех обрядах, ворож и разного рода суевериях, какими сопровождались роды и кр стины.

Пол ребенка имел большое значение для материально благосостояния семьи. Рождение мальчика всегда было зна тельным событием, ибо он до конца своей жизни мог остава ся дома и работать на семью. Дочь же, по словам мордвы, хо и является помощницей, но часто думает и хлопочет о наряд мечтает скорее выйти замуж.

«Стирть кода тяк ща—сон ломанень, а цёрась—прок кор лецькя» («Дочь, как ни холи и корми, она людская, а сын вс да твой кормилец») (18, с. 62)—гласит мордовская послови Когда дети спрашивали, откуда появился в семье новый чел век, то им обычно отвечали, если родился сын: «Ведява каз

(«Богиня воды подарила»), если дочь: «Ведява яфодсь» («Богиня воды бросила») (8, с. 142). Разница между словами «подарила» и «бросила» также говорила о различной роли сына и дочери в семье.

Рождение мальчика было радостью для многих народов. Интересно, что у осетин, когда рождалась девочка, муж уходил из селения и не возвращался месяца два. Вернувшись же, он еще долго на людях не разговаривал с женой, показывая тем самым недовольство (15, с. 92).

До последнего времени у мордвы на вопрос «Кто родился?» обычно отвечали следующим образом: при рождении сына— «Солдат шачсь» («Солдат родился»); при рождении дочери — «Четверть шачсь» («Четверть родилась») (12); имеется в виду, что при сватанье дочери родителям ставилась четверть вина.

Чтобы узнать пол будущего ребенка, вели наблюдение за беременной женщиной. Существуют различного рода поверья, приметы, обряды по определению пола ребенка. Если беременная женщина полнеет, то считалось, что она родит девочку, если живот принимает форму «тычком»—будет сын. Гадали и на сон: бусы, серьги, горшки увидишь—дочь родится, а топор и нож купишь—сын родится. Интересный обряд по определению пола ребенка отмечает Т. П. Федянович: «На второй день свадьбы вверх подбрасывали кусок хлеба. Если падал коркой кверху, то родится мальчик, если мякишем—девочка» (21, с. 81).

В Атюрьевском районе существует такая примета по определению пола ребенка: беременную женщину просят показать руки. Если она покажет ладонями вверх—будет девочка, если ладонями вниз—мальчик (11). Такие обряды и приметы характерны не только для мордовского народа, но и для русских, марийцев, чувашей, татар и других.

У мордвы, как и у других народов, роды принимала повитуха («идень баба»). Обычно это была свекровь, мать или пожилая женщина, имевшая опыт в помощи роженицам. В качестве повитухи предпочитали здоровую женщину, имевшую много детей и внуков, чтобы ее свойства магическим путем передались роженице и ребенку.

Когда наступало время родов, женщину одевали в чистую рубаху и разували. У мордвы, как и у других народов, существовало поверье о магической силе узлов и их особой роли в наиболее ответственные моменты. Поэтому для облегчения родов повитуха развязывала все узлы как на одежде роженицы, так и в доме. У женщин, рожавших впервые, распускали волосы.

При тяжелых родах перед иконой зажигали венчальную свечу, которая должна была гореть все время. Наиболее сильными средствами, вызывающими скорейшее разрешение от бремени, считались чтение молитв над роженицей, опрыскивание ее «святой водой» («святой ведь»), иногда вокруг нее обводили венчальной свечой три раза.

Рожали обычно в бане и реже дома. Если женщина рожала дома, двери закрывались. Существовала примета, что если в момент родов кто-то зайдет (зайти может только человек со «злым глазом»—«стака сельме», плохой человек—«аф пара ломань»), то это плохо отразится на роженице или ребенке (12).

Муж и другие взрослые мужчины, как правило, на родах не присутствовали и входили в помещение лишь после того, как роженицу обмоют и переоденут. Однако в тех случаях, когда муж с женой живут в дружбе и согласии, любят друг друга, присутствие мужа считалось желательным, так как жене бывает легче. В таких случаях ребенка на руки принимал муж.

У мордвы существовал обычай, согласно которому после родов жены мужу давали выпить настой полыни с солью, перцем, горчицей, при этом приговаривали: «Как жене было трудно, так и ты помучайся» (14, 12).

Вера в то, что можно магическим путем передать страдания жены мужу (обычай «кувады»), существовала у многих народов. Интересный случай приводит А. Редько: «В Могилевской губернии существовал обычай: во время родов женщины муж ее стонал и очень усердно, как будто разделял муки своей жены. В деревне Рудня крестьянин Иван Лоричкин так сильно стонал, так сильно кричал во время родов жены, что его мать не знала, кого «ретовать» (спасать): сына или невестку, он бледнел, «как полотно», и чернел, «как чугун» (16, с. 54—59).

Приняв ребенка, повитуха перевязывала и перерезала пуповину. Нитки, ножницы или нож приготавливались заранее роженицей. Если у роженицы задерживался выход детского места «идь васта», то ей давали выпить гущи от браги или кваса.

Пуповину (по-мордовски «сефтема») и детское место повитуха тщательно мыла, заворачивала в тряпку и зарывала в подполье. Обычай зарывать пуповину и детское место связан с тем поверьем, что их могут украсть бездетные женщины во вред роженице.

Приняв ребенка, роженицу обмывали теплой водой и переодевали. Белье, в котором она рожала, стирала повитуха или

мать роженицы, но ни в коем случае не сама роженица. Существует поверье: если роженица сама стирает свое белье, то может заболеть она или ребенок, или ребенок не будет любить свою мать: «Эсь кядьсонза штазе иденц эздонза» («Своими руками смыла, что связывало с ребенком») —говорили при этом женщины-мордовки (12, 14).

Умыв и переодев роженицу, повитуха все внимание обращала на ребенка. Она мыла младенца теплой водой, в которую клала серебряные деньги, выражая тем самым пожелание ему в будущем богатства; соль и дубовые листья —чтобы был сильным, здоровым и долго жил. Для девочки клали березовые листья, чтобы росла красивой. Обычай класть в воду какие-то предметы характерен для многих народов. Эти предметы—мясо, сало, пшеница, вата, серебро, соль, земля,—по словам А. А. Троицкой, символизировали достаток, здоровье и счастье (17, с. 120).

У мордвы, как и у других народов, существовали обряды, связанные с пеленанием ребенка: чтобы ребенка полюбил отец, заворачивали его в отцовскую рубаху, чтобы был сильным и здоровым, долго жил—в дедову рубашку или портки, а чтобы был красивым, покрывали материей зеленого или синего цвета, цвета зелени и неба, при этом говорили: «Кода касы тишесь модать лангса, кодама мазы перофпялье, стане тонга каст и венепт, стама жа мазы ульхть! Кодама менельс чистай, стама светлай и чистай улеза эряфце» («Как растет трава на земле, как красива зелень, так же и ты расти—поднимайся! Как небо чистое и светлое, такая же жизнь будет чистая и светлая» (12, 13).

У мордвы, как и у русских, роженицу парили в бане и при этом правили ей живот. Обряд обмывания в бане объяснялся не только заботой о физической чистоте, но и идущей из глубины веков верой в «очистительную» силу воды, так как мать и ребенок после родов находятся во власти «нечистых духов». Не случайно роженицу мыли не менее чем в трех банях. За топку бани бабка-повитуха получала холст на штаны и крест. Обычай этот называется «размытием рук», он распространен также у русских, чувашей, у многих народов Сибири (10, с. 256).

Однако до сорока дней роженица все еще считалась «нечистой», ей нельзя было ходить в церковь, на кладбище, в дом с покойником, касаться икон и т. д.

В первый же день после рождения ребенка устраивали моление «кши озондома», куда приглашали всех родных и близ-

ких роженицы. На стол ставился круглый хлеб с солью, зажигалась свечка. Повитуха читала молитву, прося у бога счастья и здоровья для новорожденного. На этом моленье выбирали кума и куму. Ими могли быть как родные, так и чужие люди.

На второй день приходили кум и кума. Этот обряд назывался «содафтома» («знакомиться»). Они приносили с собой пироги, блины, яйца, мясо, в постный день—рыбу. Повторялось предыдущее моление. Родители и кумовья назначали день крещения. Время крещения зависело от разных причин; имело значение и расстояние до церкви. Нередко приходилось считаться и с непристойным поведением священников. Так, в д. Пичеполонга Атюрьевского района Панькина Ефросинья Тимофеевна, 82 лет, рассказывала, что она три раза ездила крестить ребенка и только в третий раз он был крещен, так как в предыдущие дни священник был сильно пьян. (14). Однако родители и родные старались как можно раньше совершить обряд крещения, ибо считали, что пока ребенок не крещен, ему угрожают различные «злые духи». До обряда крещения готовили блины (суронь пачат), пшеничный хлеб (тозерень копшат), варили брагу, готовили подарки. Кум и кума также готовились к этому событию. Кума готовила рубашку для ребенка, 4—5 м ткани (по-мордовски «кундама котф»), в которую кум заворачивал ребенка после крещения. В обязанность кумы входила также покупка крестов и полотенца для священника. Кум же расплачивался в церкви за обряд.

Обряд крещения ребенка у мордвы, как и у других коренных народов Поволжья и у русских, проходил торжественно. Управившись пораньше с делами, все родные и близкие приходили в дом роженицы, приносили ведро, наполненное мукой или крупой, сверху клали круглый белый хлеб, блины, мясо, яйца и др. Если женщина рожала второй, третий и т. д. раз, то ведро уже не приносили. Участники торжества в этот день празднично одевались, убирали дома. Перед отъездом в церковь в доме зажигали свечу, лампадку и молились за здоровье новорожденного и родителей, а также за то, чтобы дали ребенку хорошее имя. Провожая кума и куму крестить, повитуха приговаривала:

Шубрашиса якамс—шаямс,
Удалаза кинте—яконте,
Повода цебярь сельма ванфс,
Счастливый мазы лемня
Од шачфти—нардафти кандода (12)

Ходить вам в полном здравии,

Удачи вам в пути-дороге,
Попадите под добрый взгляд,
Счастливое имя
Новорожденному принесите.

До введения христианства наречение именем у мордвы сопровождалось различными магическими обрядами, а имя наделялось магической силой. Цель этих обрядов состояла в том, чтобы обеспечить счастливое будущее ребенка, сохранить его жизнь.

У мордвы, как и у других народов, существовали различные формы наречения именем. Часто имя давала повитуха по своему выбору, иногда это было имя первого встречного человека и даже предмета. При выборе имени учитывались события общественной жизни, место, условия рождения. До середины XIX в. у мордвы был обычай давать имена птиц, животных. Такой же обычай был у чувашей, среди которых бытовали имена Чекес—«ласточка», Каварачан—«голубь», Уйан—«снегирь», Арлеан—«лев» и др. (4, с. 61—62).

Обычай давать ребенку имя случайного человека, предмета, птиц, животных связан с верой в то, что такое обезличенное имя обеспечит ему долгую жизнь.

Для мордвы характерно особое почитание предков. Одним из проявлений этого культа является обычай давать новорожденному имя деда, умершего брата, бабушки, тети и др. Этот старинный обычай сохранился и до наших дней. Так, в д. Кишалы Атюрьевского района из 160 опрошенных семей в 140 семьях дети, особенно первенцы, носят имена своих бабушек и дедушек (13).

Изменения, происходившие в социально-экономической жизни мордвы, нашли свое отражение во многих семейных обрядах. Так, в обряде наречения именем появились новые мотивы. В поисках заработка часто мордва уходили далеко за пределы своей территории. Мигранты работали на заводах Урала, бурлачили на Волге. Здесь они часто сближались с людьми разных национальностей и в память о добром товарище давали имя своему ребенку. Поэтому среди мордвы нередко встречаются татарские, чувашские, удмуртские и особенно русские имена.

Наиболее распространенными языческими именами были женские имена Азравка, Акамка, Витова, Литова, мужские—Андямо, Дуброва, Сурай, Тюгай (7, с. 281).

С момента христианизации имя новорожденному давали по святцам. Однако из нескольких тысяч имен, канонизирован-

ных православной церковью, в употреблении было лишь несколько десятков. В д. Пичеполонга Атюрьевского района у 300 женщин в возрасте от 60 до 80 лет в употреблении было 20 имен (14). У мордвы, как и у других народов Поволжья, имена, которые давались во время крещения, переделывались, переиначивались на мордовский лад, например, Ага вместо Агата и т. д. Среди христианских по своему происхождению имен наиболее часто встречаются женские имена—Ага, Анна, Васса или Васена, Даря, Олда, Куля, Луша, Орина, Татю, Федай, мужские—Зиня, Тёре, Эрмей, Сема, Петра, Яку, Вася и др.

Нередко священники, пользуясь властью, действовали своевольно. Бывали случаи, когда плата за крещение была скудной, и священники вместо имени давали прозвище. Вероятно, с этим обстоятельством и связано пожелание удачи в пути и возвращения с добрым именем для ребенка, которое высказывалось перед отправлением в церковь. По возвращении из церкви устраивали новое моление в честь новорожденного. Теперь уже бабка, прося у бога здоровья и счастья ребенку, называла его имя.

Торжественный обряд крещения «кстеньгя» продолжался в домах родственников и заканчивался в доме новорожденного. Обряд по поводу рождения ребенка и его крещения устраивался обычно после рождения первенца и редко в честь второго или третьего ребенка. Это, вероятно, связано с материальным достатком семьи, т. к. обряд крещения требовал больших затрат.

При рождении последующих детей устраивался только небольшой «молян» по поводу крещения.

Таким образом, родильные обряды мордвы-мокши Атюрьевского района конца XIX—начала XX в., которые играли заметную роль в крестьянской семье, сохранили многие традиционные черты. Изучение их желательно потому, что эти обряды являются весьма ценными отголосками прошлого, позволяющими восстановить общее мировоззрение мордовского народа. Одновременно с существующими христианскими родильными обрядами (крещение, причащение) продолжали сохраняться и языческие обряды, хотя содержание их утрачивалось и сохранялась лишь форма. Например, вера в покровительницу деторождения «ведяву», в «дурной глаз» и т. п.

Многие черты родильных обрядов мордвы-мокши характерны и для других народов, в частности русских, марийцев, чувашей, башкир, бурят и др. Общность родильных обрядов дока-

зывает, что на одинаковой ступени развития человеческий ум создает и вырабатывает одинаковые формы выражения своего мировоззрения. Большую роль также сыграло сходство социально-экономических условий жизни этносов, их давние культурные связи и длительное соседство.

* * *

1. **Ауновский И. В.** Этнографический очерк мордвы-мокши.—В кн.: Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. Симбирск, 1869, с. 87—103.
2. **Бутузов Ф.** Из быта мордвы села Живайкина Ждановской волости Симбирской губернии.—Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, т. XI, вып. 5. Казань, 1893, с. 485—488.
3. **Голицын Ф. С.** Мордва в Хвалынском уезде.—В кн.: Саратовский сборник, т. 1. Саратов, 1881, с. 177—195.
4. **Данилов Л. В., Енжаева Т. Т.** Имена чувашей в Башкирской АССР (по материалам, собранным в д. Зиркилы Бижбулявского района).—В кн.: Ономастика Поволжья, № 4, Саранск, 1976, с. 61—64.
5. **Егоров Б. Ф.** Добролюбов Н. А—собиратель и исследователь народного творчества Нижегородской губернии. Горький, 1965.
6. **Износков И. А.** О личных инородческих именах — Тр. археологического съезда. т. 1, отд. 2, Казань, 1884, с. 149—153.
7. **Кавтаськин Л. С.** Эрзянь фольклор. Саранск: Мордгиз, 1939, 291 с.
8. **Майнов В. Н.** Очерк юридического быта мордвы. СПб, 1885. 267 с.
9. **Мельников-Печерский П. И.** Очерки мордвы.—Полн. собр. соч., т. 7. СПб—М., 1909, с. 410—486.
10. **Миненко Н. А.** Русская крестьянская семья в Западной Сибири (конца XVIII—первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, 1979, 350 с.
11. Полевые записи автора, 1979 г., Атюрьевский район, д. Арга. Информаторы: Жаткина Акулина Яковлевна, 1907 года рождения, Тестова Пелагея Федоровна, 1906 года рождения, Ерцкина Мария Васильевна, 1917 года рождения.
12. Полевые записи автора, 1979 г., Атюрьевский район д. Барашево. Информаторы: Беляева Анна Петровна, 1911 года рождения, Еремкина Мария Ивановна, 1922 года рождения, Беляева Мария Кузьминична, 1924 года рождения.
13. Полевые записи автора, 1979 г., Атюрьевский район, д. Кишалы. Информаторы: Брезгина Екатерина Григорьевна, 1909 года рождения, Сиркина Прасковья Степановна, 1910 года рождения, Сарайкина Агафья Михайловна, 1908 года рождения.
14. Полевые записи автора, 1979 г., Атюрьевский район, д. Пичеполонга. Информаторы: Панькина Мария Константиновна, 1910 года рождения, Очкова Евдокия Петровна, 1905 года рождения, Шишканова Аксинья Андреевна, 1909 года рождения.
15. **Пчелина Е. Г.** Родильные обычаи у осетин.—Сов. этнография, 1937, № 4, с. 85—103.
16. **Редько.** Нечистая сила в судьбах женщины-матери.—Этнограф. обозрение, кн. 1—2, 1899, с. 54—131.

17. **Троицкая А. Л.** Рождение и первые годы жизни ребенка у таджиков долины Зеравшана.—Сов. этнография, 1955, № 6, с. 109—135.
18. Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. 4, кн. 1. Саранск, Мордов. кн. изд-во, 1967, 376 с.
19. **Федянович Т. П.** Семейные обряды мордвы Темниковского и Теньгушевского районов Мордовской АССР.—В кн.: Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972, 190 с.
20. **Федянович Т. П.** Традиционные семейные обряды мордвы: Автореферат канд., дисс., М., 1974, с. 26.
21. **Федянович Т. П.** Мордовские народные обряды, связанные с рождением ребенка.—Сов. этнография, 1979, № 2, с. 79—89.
22. **Федянович Т. П.** Обряды при наречении имени у мордвы.—В кн.: Ономастика Поволжья. Саранск, 1976, № 4, 42—47.
23. **Шахматов А. А.** Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910, с. 848.

Н. В. АПАНИН

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ЭТНОСА КАК ЦЕЛОСТНОСТИ

В настоящее время в советской этнографии все большее распространение получает представление об этносе как о целостной динамической системе. Изучение этноса с позиций системного метода предусматривает, во-первых, выявление всей совокупности внутренних и внешних связей, во-вторых, всесторонний анализ роли и места каждой подсистемы в общей структуре этноса (26, с. 10). Такая концепция этноса базируется на марксистско-ленинской методологии, важнейшим принципом которой является системный подход к изучению сложных целостных объектов.

Идеи целостности, системности этноса появились в этнографии не случайно. С одной стороны, здесь проявилось влияние общей современной тенденции широкого распространения системного метода в науках, стыкующихся с этнографией (марксистской социологии, социолингвистике и др.). С другой—они знаменуют новый этап в развитии советской этнографии, характеризующейся более глубоким осмыслением своего объекта, стремлением к широким теоретическим обобщениям. Необходимо отметить, что проблема целостности этноса—не только этнографическая, но в основном философская и социологическая. Возможно, поэтому она не получила еще в советской этнографической литературе всестороннего специального освещения.

Однако этот факт не говорит о том, что понятие этноса как некоторой «целостности» является новым в этнографии. Для многих советских исследователей внутреннее единство народа—это само собой разумеющаяся истина. Зачастую этнографы ин-

туитивно аппелируют именно к целостности этноса, подтверждая связи его компонентов, например, культуры, языка, быта и др.

Если обратиться к истории советской этнографии, то можно заметить тенденцию ко все более глубокому и всестороннему исследованию жизни народа-этноса. В 30-е годы представление об этнографии (этнологии) как о всеобъемлющей науке о народах, имевшее место в 20-е годы, сменилось представлением о ней как о науке, задача которой сводилась к изучению пережитков прошлого методом непосредственного этнографического наблюдения. Очевидно, при таком понимании предмета этнографии вопрос о теоретической разработке проблем этноса и этнических процессов возникнуть не мог, ибо этнография превратилась по существу в «раздел истории первобытнообщинного строя» (8, с. 201).

В послевоенные годы диапазон этнографических исследований значительно расширился. Социалистическое строительство требовало изучения современной жизни народов Советского Союза. В конце 40-х—начале 50-х гг. этнографы обратились к изучению современных культурно-бытовых процессов (7, с. 21). С начала 60-х годов было начато этнографическое изучение быта рабочих, а затем и в целом городского образа жизни. Большое значение в теоретическом отношении в этот период имели исследования П. И. Кушнера, С. А. Токарева, С. П. Толстова, М. О. Косвена, И. И. Потехина, А. Д. Удальцова, М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, вырабатывалось представление о том, что главным объектом этнографии являются народы-этносы (34, с. 107). К 60-м годам в советской этнографии прочно утвердилось мнение о том, что этнографическому изучению подлежит как прошлая, так и современная жизнь народа, как сельское, так и городское население. В связи с этим с острой необходимостью встали задачи специальных теоретических исследований проблем объекта и предмета этнографии, этноса и этнических процессов, типологии этнических общностей, упорядочения этнографических терминов и др.

В исследовании этих проблем можно выделить следующие этапы. В первой половине 60-х годов работами С. А. Токарева (33), В. И. Козлова (21), С. И. Брука и В. И. Козлова (4), В. К. Гарданова, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко (13), Н. Н. Чебоксарова (36) было положено начало исследованию указанных выше проблем.

Во второй половине 60—начале 70-х годов исследовательская работа по данной тематике проходила очень интенсивно. В обсуждении основных понятий этнографии активно участвовали не только этнографы, но и историки и археологи, антропологи и географы, философы и экономисты. Высокую активность и большой вклад в теорию этнических общностей внесли Ю. В. Бромлей и В. И. Козлов, охватившие в своих исследованиях по данной проблематике очень широкий круг вопросов. В их монографиях (8; 20) суммированы и обобщены как собственные исследования, так и проанализированы взгляды большинства ученых на проблемы этноса и этнических процессов.

С середины 70-х годов число теоретических работ по данной тематике значительно уменьшилось. Видимо, этот факт позволил некоторым авторам заключить, что проблемы этноса уже решены и что имеется общепризнанное определение основного понятия этнографии (24, с. 10; 16, с. 7). В конце 70-х годов усилился интерес к проблемам типологии. Типологические изыскания были проведены в сфере культуры, быта, хозяйства, социальной жизни и этнических процессов (98). Заметным становится стремление некоторых исследователей к выработке количественных типологий этнических явлений (98, с. 115—122; 99, с. 3—13).

В итоге дискуссии по теории этнических общностей сложилось представление об этносе (в узком значении этого термина), как «исторически сложившейся на определенной территории устойчивой совокупности людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» (32, с. 11).

Очевидно, всякое фундаментальное понятие должно определять круг вопросов, подлежащих изучению соответствующей наукой. Следовательно, направление исследований конкретных этносов нетрудно указать, исходя из определения этноса. Это исследование этнотерриториальных, этноязыковых, этнокультурных, а также различных явлений и процессов, приводящих к изменению этнического самосознания (19, с. 96—97). Поскольку этнос—совокупность людей различного пола и возраста, то этнография должна изучать и его демографическую структуру. Обусловленность этнических явлений социально-экономическими, а также определенное влияние первых на вторые вызвали необходимость этносоциальных исследований, изучаются соотно-

шение этноса и государства, этноса и популяции, этноса и расы, этноса и религиозной общности, а также этнопсихологические и другие вопросы.

Таким образом, современные этнографические исследования охватывают более широкий круг вопросов, нежели тот, который следует из приведенного выше определения этноса. Можно предположить, что дальнейшее расширение тематики этнографических исследований должно привести, во-первых, к необходимости всестороннего, комплексного подхода к изучению жизни народа-этноса, во-вторых, к представлению об этносе как о целостном объекте социальной действительности.

Ю. В. Бромлей считает, что «в предметную область этнографии входят все компоненты этноса, обладающие в той или иной степени этническим своеобразием; она рассматривает их как целостную систему» (8, с. 210—211). В этой формулировке нет отрицания необходимости изучения этноса во всем его объеме. Очевидно, вся проблема заключается в наборе компонент, которыми «описывается» этнос. Единого мнения в этом вопросе до сих пор нет. Одни этнографы в качестве основных этнических компонентов (определителей) принимают территорию, язык, культуру, самосознание. Другие, признавая четырехкомпонентную структуру этноса, предпринимали попытки найти минимальное число, так сказать, существенно этнических определителей, которые позволили бы отличить его от других человеческих общностей. Например, П. И. Кушнер таковыми считал язык и культуру (22, с. 6), Н. Н. Чебоксаров — «осознанную культурно-языковую общность» (35, с. 32), Р. Ф. Итс — единство происхождения и общность культуры (включающей язык) (16, с. 7), К. В. Чистов—самосознание (37, с. 73—77), Г. В. Шелепов—общность происхождения (38, с. 73), В. Ф. Геннинг выделял «постоянное общение» членов этноса (12, с. 14—15). Ряд исследователей обращал внимание на наличие этнического своеобразия в большем числе факторов. Так, С. А. Токарев, допуская в некоторых случаях существование лишь одного этнического определителя, вместе с тем включал в определение этноса кроме упомянутых выше четырех компонент также общность происхождения, государственную принадлежность, экономические связи, религию (если последняя сохранилась—33, с. 44), В. И. Козлов, причисляя к основным компонентам особенности психического склада и социально-территориальную организацию, указывал на наличие большего многообразия действительности и необходимости, дополнений при

конкретных исследованиях этнических общностей (20, с. 56), Ю. В. Бромлей различает этнос в узком смысле (в его терминологии—этникос, включающий культуру, язык, психику, самосознание) и своеобразный «симбиоз» этникоса и социальных институтов, в результате которого возникают этносоциальные образования (ЭСО—этносоциальные организмы) (8, с. 37—39). В. В. Пименов считает, что число компонентов может быть большим (26, с. 15—16). И, наконец, М. И. Артамонов высказал предположение, что этнос вообще сам по себе аморфное явление (1, с. 76).

Большинство исследователей признает, что этнос, во-первых, исторически сложившаяся совокупность людей; во-вторых, относительно устойчив, в-третьих, способен к самовоспроизводству и развитию, в-четвертых, по своей природе социален (исключением в отношении этого пункта является позиция Л. Н. Гумилева, который считает этнос биологической популяцией) (14, с. 5) и, в-пятых, этнические явления и процессы, в конечном счете, обусловлены социально-экономическими отношениями людей.

Эти характеристики этноса как объекта, по сути дела, выражают его целостность. В общем, понятие «целого», «целостности» характеризует качественное своеобразие объектов, обусловленное присущими им специфическими закономерностями функционирования и развития (3, с. 480). О целостности этноса впервые высказался В. В. Пименов, подчеркнувший необходимость изучения этноса как некоторой целостности с ее внутренними и внешними связями, отношениями и взаимодействиями (26, с. 10).

Следует отметить, что интуитивное представление об этносе как о целостном объекте использовалось большинством упомянутых выше авторов при анализе отличия этноса от других человеческих общностей. Однако в основном выделялась та сторона целостности, которая позволяла «искать» особые этнические определители. Однако под целостностью понимается не только то, что отличает целостные объекты друг от друга, но и то, что позволяет сохранить их качественную определенность в данных условиях. По-видимому, эта сторона целостности более существенна.

Обратимся к мордовскому этносу.

В аспектах целостности мордовский этнос еще не изучался. Наиболее полным сводом знаний о мордве являются историко-этнографические очерки «Мордва» (Саранск, 1981), подготов-

ленные большим коллективом ученых и вышедшие под грифом Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Попытку рассмотреть структуру мордовского этноса сделал недавно Н. Ф. Мокшин. Анализ этносоциальной структуры мордвы, ее внутренних и внешних информационных связей позволил Н. Ф. Мокшину заключить, что «...мордовский этнос из феодальной народности в условиях России трансформировался в ассоциированную с русской буржуазной нацией буржуазную народность» (25, с. 161). В современной форме мордовского этноса Н. Ф. Мокшин отмечает двуступенчатость этнического самосознания, его расчлененность на эрзянское и мокшанское. Автор указывает на наличие двух языков и бинарность элементов духовной и материальной культуры (25, с. 248). Пространственно-географическая компонента характеризуется различными ареалами расселения мокши и эрзи (17, с. 55). Эти особенности структуры мордовского этноса привели Н. Ф. Мокшина к выводу о том, что мокша и эрзя—это «...этнические общности вторичного порядка» (25, с. 248). Однако автор не делает анализа экономической, хозяйственной жизни, демографической, этносоциальной структуры, особенностей психического склада мокши и эрзи как целостных этнических общностей вторичного порядка. В то же время Н. Ф. Мокшин считает, что существует единый мордовский народ, ассоциируемый им с этнонимом мордва (25, с. 249). Целостность мордовского этноса возникает не только на основе того, что мокшане и эрзяне осознают себя частями единого народа, как считает Н. Ф. Мокшин, но и на основе принадлежности их к единой социалистической нации.

В настоящее время, на наш взгляд, проблема сводится не к выяснению того, что такое мордва—нация или не нация, а к изучению структуры, функционирования и развития мордовского этноса как целостности, а также его компонентов в сравнении с другими социалистическими нациями и народностями нашей страны.

Таким образом, для таких сложных объектов, как этнос, обладающих многообразными свойствами (саморегуляцией, координацией и субординацией, системностью, самосознанием и т. д), их качественная определенность, функционирование, развитие, другими словами, объективная реальность определяется всей совокупностью «внутренних и внешних связей, отношений и взаимодействий».

С этих позиций позволительно оценить представление этноса типа четырехкомпонентной структуры как приближенное, описывающее лишь центральное структурное ядро (или ядра) в системе этноса. Впрочем, эти проблемы—является ли этнос целостностью, в чем она заключается и т. д. только в настоящее время получают достаточно глубокое освещение в советской этнографической литературе. Наиболее значительным шагом в этом отношении явилась монография Ю. В. Бромлея «Этнос и этнография», в которой блестяще использовались классические марксистско-ленинские принципы исследований сложных явлений: категории общего, особенного и единичного, выделение узкого и широкого смысла в явлениях действительности, принцип многообразия и единства исторического процесса, представление о двух тенденциях в общественных и национальных процессах, понятие общности, закон об определяющей для общественного развития роли производства материальных благ и др. К проблеме целостности этнических общностей относится идея Ю. В. Бромлея о трех уровнях в интенсивности этнических свойств: «Основные» (наибольшая интенсивность этнических свойств, этносы), «микро» (наименьшие части «основного», элементарные этнические единицы, семья, человек), «макро» (охватывают несколько «основных») подразделения (6, с. 61).

Большой интерес представляет отмеченное Ю. В. Бромлеем различие понятий объекта и предмета этнографии, которое он связывает с тем фактом, что «у разных наук объект исследования может оказаться одним и тем же, но предметы изучения будут различными» (8, с. 205). Основным критерием для выделения предметной области этнографии,—пишет Ю. В. Бромлей,—является «рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций прежде всего под углом этнической специфики» (8, с. 206—207). Несмотря на то, что вопрос о том, какие и когда компоненты несут этнические функции, как отмечалось выше, нельзя считать окончательно решенным, такой подход является важным методическим принципом при выделении области этнографических исследований.

Идея об этносе как о целостной динамической системе открывает принципиально новые перспективы этнографических исследований: а именно, моделирование как этноса и этнических процессов в целом, так и различных его подсистем.

Дальнейшее развитие и обобщение этой идеи предпринято В. В. Пименовым. Принцип целостности, системности этноса он использовал как теоретико-методологическую и методическую

основу для изучения конкретных современных народов и построения впервые в советской этнографии модели этноса (удмуртского). По методике В. В. Пименова строились модели также для мордовского этноса (39). Принципиальным моментом во взглядах В. В. Пименова, видимо, является утверждение целостности, системности самого этноса. Этнос рассматривается им как социальная реальность, исторически сложившаяся совокупность людей (26, с. 13—14). У Ю. В. Бромлея несколько иная позиция в этом вопросе. Он считает целостной системой все компоненты этноса, обладающие этническим своеобразием (8, с. 212).

Признание целостности некоторого объекта, вообще говоря, еще не открывает путей познания его специфики, а выступает лишь как общая идея. Дальнейшая конкретизация принципа целостности связана, как известно, с переходом к принципу системности. В нашу задачу не входит рассмотрение всей теории и методологии системного анализа. Отметим лишь несколько моментов.

Во-первых, описание строения системы вытекает из стремления построить целостную картину объекта, т. е. элементы системы описываются в связи с учетом их места в «целом». Свойства целого вытекают из свойств элементов, и наоборот, свойства элементов вытекают из характеристик целого. Во-вторых, всякая система представляет собой взаимосвязанную иерархию подсистем, выражающую определенную ее упорядоченность в структурном и функциональном отношениях. При наличии между подсистемами обратной связи она оказывается динамической. В-третьих, дальнейшее углубление принципов целостности и системности осуществляется с помощью понятия организации, которое позволяет представить целостные объекты как «организованные системы». Существенным моментом в понятии организации является то, что она выражает такое упорядочение структуры целого, которое обеспечивает его функционирование, включает внутренний механизм действия, основанный на наличии специфической статико-динамической системы регуляции (27, с. 16—17, 52, 55, 58).

Примером таких организованных систем в этнографии могут служить «социальные организмы» Ю. И. Семенова (30, с. 88—106) и «этносоциальные организмы» Ю. В. Бромлея (9). К сожалению, авторы не дали их полной характеристики с позиций теории систем. Более строгой представляется нам концепция этноса В. В. Пименова. Он выразил сущность этноса в таком понятии, которое, так сказать, имеет внутреннюю воз-

можность «наполняться» по мере углубления знаний об этнических общностях. «Этнос,—считает В. В. Пименов,—есть относительно исторически возникшая динамическая самовоспроизводящаяся и саморегулирующая сложная социальная система, компоненты которой—демографическая, пространственно-географическая, экономическая, социальная, языковая, культурная, бытовая и психологическая—связаны отношениями числа, порядка, направления, интенсивности, координации и субординации» (26, с. 13—14).

Данная формулировка, констатируя существование этноса в виде системы, выступает и как рабочая гипотеза. Лишь в ходе достаточно полных синхронных и диахронных исследований структуры и функционирования достаточно большого числа конкретных этносов будут раскрыты содержание и форма подобного типа систем, что позволит, во-первых, выявить «особенность», «отличительность» этносов от других социальных систем (и прочих систем—биологических, технических и др.), во-вторых, построить в необходимой степени адекватную типологию этносов.

Бытующие в настоящее время классификации этнических общностей (например, классическая диахронная цепь этносов: племя—народность—нация) не охватывают всего многообразия этнических форм. Попытки уточнить эту типологию, как справедливо отмечает В. И. Козлов, пока недостаточно удачны (18, с. 16). Более того, автор заключает: «...существовавшие в прошлом и существующие ныне этнические общности настолько разнообразны, что, по-видимому, даже для абстрактных схем можно подобрать какие-то типичные примеры». И далее — «При этом перед исследователями, желающими применить сложные принципы классификации этнических общностей, «разложить по полочкам» сильно размытые или вообще недостаточно определенные до сих пор этнические понятия и термины, как было показано выше, стоит еще немало трудных задач и «камней преткновения» (18, с. 21).

В настоящее время один из возможных путей в решении этой проблемы открывает, например, применение системного метода, в сочетании с интенсивно развивающимися ныне средствами сбора, стандартизации и обработки массовой информации об этносах. Достаточно полная классификационная схема должна строиться не на основе выделения одной или нескольких сторон, присущих некоторому ряду «схожих» объектов, а из анализа всей совокупности связей, всей «схожести» (формаль-

ной, генетической, структурной, корреляционной и т. д.) и «преемственности» в морфологическом и функциональном отношениях. Подобная классификация будет многомерной с «измерениями» в виде этнических компонентов. В соответствии с системным методом главным критерием выделения этнической формы в качестве элемента классификационной схемы должна служить ее объективная реальность, находящая свое выражение в определенной степени целостности, системности и организованности и характеризуемая типичностью структуры и функционирования. Необходимо учитывать роль и место каждой компоненты в общей структуре этнической формы, которые, естественно, зависят от характера закономерностей, условий и тенденций социально-исторического развития в конкретную эпоху, структурно-функционального типа этнической общности, вида данной компоненты, а также современного уровня системной изученности этнографических объектов.

Важнейшим критерием при построении типологических схем будет являться степень целостности этноса, которую целесообразно называть этнической целостностью. Это понятие должно раскрываться из анализа, достаточно полного для уровня описания системы этноса, ряда этногенетически близких этнических форм. С другой стороны, этническая целостность не может быть четко определена без «вскрытия» формы целостности ее компонент.

Рассмотрим, например, пространственно-географическую компоненту мордовского этноса. Сравнивая этнически близкие мордве народы (марийцы, удмурты, карелы и др. народы нашей страны, входящие в финно-угорскую группу), нетрудно сделать вывод о том, что мордва—один из наименее компактных этносов этой группы (40, с. 93). Это видно также на этнической карте народов СССР. По переписи 1970 г. в пределах Мордовской АССР проживало 35,4% мордвы, а удмуртов в Удмуртии—87,7% (10), Можно утверждать; что пространственно-географическая компонента удмуртского этноса более целостна, чем мордовского. Здесь целостность ассоциируется с компактностью расселения. Ряд авторов предпринял попытки наполнить это понятие большей этничностью. Интересны работы по определению индекса этнической мозаичности (23), выделению этнических сред (15), установлению сходства в расселении (31). Однако в этих работах непосредственно не ставилась задача определения формы целостности пространственно-географической компоненты и соотношения ее с этнической целостностью.

Понятие этнической целостности пространственно-географической компоненты, на наш взгляд, шире геометрической компактности, математико-статистической «этнической среды», вероятностного «сходства в расселении». Так или иначе эти термины обозначают статику расселения народов. Динамическая сторона пространственно-географической компоненты выражается в различных формах подвижности населения, а также в чисто информационных связях пространственно-географического характера. Этнический аспект подвижности населения есть ни что иное, как подвижность этнофоров (носителей и распространителей этнической информации). Причины подвижности этнофоров могут быть весьма разнообразными: производственного, общественного, рекреационного, личного и другого характера. Например, до сих пор имеет место подвижность мордвы, связанная с традиционными кустарными промыслами. По наблюдениям автора, не менее 10—15 групп по 3—4 человека каждая отправляются из сел Старое Ардатово, Жабино, Урусово Ардатовского района МАССР осенью в различные районы Мордовии, Башкирии, Кустанайской, Карагандинской и Оренбургской областей на валяние валенок. Рытье колодцев—традиционный промысел мужчин села Баева Ардатовского района МАССР. Они обслуживают не только ближайшие села, но мигрируют в Чувашию, Ульяновскую, Горьковскую и Пензенскую области. Нередко эти сезонные мигранты посещают мордовские села и становятся переносчиками этнической информации. Книги, газеты, журналы, телефон, радио и телевизионные передачи, а также распространение вестей, слухов, анекдотов и т. п. могут быть основой информационных этнических связей. Соотношение подвижности этнофоров, информационных связей с пространственно-географической компонентой этноса становится понятным, когда речь идет о ее целостности в связи с этнической целостностью. Целостность пространственно-географической компоненты определяется не только однородностью и компактностью этнической территории, но и наличием, характером и интенсивностью связей между этнофорами и их объединениями, расселенными на некоторой территории. Эти связи, возникающие как результат подвижности этнофоров и распространения этнической информации, структурируют пространство, в котором размещен этнос. Мы здесь намеренно заменяем понятие территории понятием пространства, так как, например, в условиях города этнофоры расселены не только «в горизонтальном» направлении, но и в «вертикальном». В городе возникли и стали устой-

чивыми взаимоотношения этнофоров, живущих на разной «высоте», причем они несколько отличаются от территориальных.

Таким образом, пространство, в котором размещен этнос, вместе с пространственно-организованными этническими связями представляет собой некоторую целостность. Причем, что очень важно, эта целостность является пространственным отображением этнической целостности. С другой стороны, целостность пространственно-географической компоненты обеспечивает пространственное функционирование и развитие этноса.

Вернемся к мордовскому этносу. Этническая территория, историческая динамика расселения, причины движения мордвы в различные исторические эпохи в настоящее время изучены достаточно хорошо. (17; 25; 40). На очереди стоит построение картины подвижности этнофоров и информационной сети в этническом пространстве. Рассмотрение методики решения этой задачи выходит за рамки данной статьи.

Объем статьи не позволяет рассмотреть структуру и форму целостности других компонент этноса.

На примере пространственно-географической компоненты автор пытался «вскрыть» структуру целостности компоненты и соотношение ее с этнической целостностью. При этом мы исходим из принципа системного соподчинения и субподчинения этноса и его компонентов. Другими словами, целостность этноса имеет более высокий порядок, чем целостность его компонентов. В то же время этнос не замкнут, а является частью целостности еще более высокого порядка. Так, например, мордва входит в состав многонационального советского народа. И, наконец, иерархию целостностей завершает человеческое общество — целостность высшего порядка.

Для понимания «поведения» этноса как целого, представляют большой интерес установленные В. В. Пименовым два основных концентра в системе этноса, выражающие собой «главные и решающие, узловые характеристики нормально функционирующего и развивающегося этноса». Это группа языковых факторов, сообщающая системе наиболее существенные этнические характеристики, и группа демосоциальных факторов (ДS—основание этноса), которая детерминирует поведение системы. Однако надо помнить—подчеркивает В. В. Пименов, — ДS—основание есть конечная детерминирующая группа факторов лишь в рамках данного набора переменных, что в действительности за нею стоят социально-классовая структура и динамика всего советского общества, социалистический тип произво-

дительных сил и производственных отношений, экономика развитого социализма (26, с. 226, 228). Этот факт связан с тем, что этнос как система не замкнут, а включен в более широкую метасистему (в частности, для мордовского этноса—в состав СССР). Наличие сильно выраженного влияния демосоциальных факторов на этнос не вызывает никаких сомнений. Большую роль языковой компоненты в системе этноса можно понять, если учесть, что именно язык выполняет в основном информационно-коммуникативную функцию, которая в значительной степени обеспечивает организованную целостность этноса. Структура языковой компоненты мордовского этноса проанализирована Н. С. Шаляевым (см. данный сборник).

Выделение языковых факторов в ярко выраженный концентр связей в системе этноса может служить своего рода экспериментальным подтверждением гипотезы С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова о коммуникативном механизме устойчивости этноса. Согласно их взглядам, роль объединяющей и стабилизирующей силы в этносе выполняют коммуникации, имеющие форму информационных потоков. Причем этнические общности различаются по интенсивности и плотности инфосети (2, с. 18, 26—27).

Представляет интерес и вывод В. В. Пименова о том, что в современных условиях научно-технической революции, активного межэтнического обмена и т. п. интенсивно происходит процесс обогащения, наполнения новым содержанием всех элементов этноса. Но наряду с этим продолжает сохраняться и этническая специфика. В статье П. М. Мезина (см. данный сборник), например, сделана попытка рассматривать некоторые элементы материальной и духовной культуры мордвы под углом зрения этнической специфики. Даже весьма существенные изменения не лишают систему целостности и не ведут к ее разрушению. Этот факт может служить подтверждением отмеченного выше положения о том, что этническая целостность выражается не столько в сохранении и развитии сугубо специфического, традиционного, сколько в способности этноса существовать как целое. Причем стабилизирующим началом выступает вся структура этноса, которая в своих элементах может изменяться существенным образом. Только конкретные исследования всего комплекса внутренних и внешних связей компоненты, а также «поведение» этноса в целом в составе более широкой системы позволит дать ответ, какая тенденция преобладает в данное время (26, с. 226, 228, 331). Необходимо, однако, отметить, что это

положение не отрицает наличия общих закономерностей в системе этноса, действующих в течение нескольких общественно-исторических формаций.

Говоря об общей структуре этноса как о главном стабилизирующем начале, нельзя не отметить тот факт, что некоторые подсистемы оказывают по сравнению с другими больше влияния на устойчивость и существование системы в целом в течение одной или даже нескольких формаций. Необходимо учитывать также, что сам этнос является некоторой подсистемой в более широкой метасистеме. В настоящее время метасистемы с позиций системного анализа, видимо, почти не изучались. Их анализу посвящена лишь статья С. И. Брука и Н. Н. Чебоксарова. «Метаэтнические общности,—в их формулировке,—это группы этносов (основные подразделения), которые обладают «элементами общего самосознания, основанного на этногенетической близости или на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии, а в классовом обществе и на политических связях».

Авторы к таковым причисляют как непосредственно связанные с данной формацией (этнопотестарные, этнополитические, национально-политические), так и «относительно» автономные по отношению к формации, переходящие из одной формации в следующую (этноязыковые, этнокультурные, этноконфессиональные, этнорасовые общности) (5, с. 17).

Системный подход к изучению целостных объектов автоматически выдвигает проблему элементарной структурной единицы этноса. В классификации Ю. В. Бромлея к такому микроподразделению относятся в этносоциальных организмах семья, в этникосах—человек. Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова предложили рассматривать в качестве элементарной структурной ячейки этноса этнофора—своего рода носителя этнических черт, являющегося в то же время живой человеческой личностью (11, с. 57).

Представление этноса в виде целостной совокупности этнофоров в сочетании с системным подходом открывает возможность стандартизации и математизации этнографической информации. Введение в «обиход» этнографии математизированных, количественных понятий—меры, числа, степени, интенсивности и др.—основа создания математизированных моделей этносов.

Количественный анализ, моделирование этнических явлений и процессов—логическое следствие развития взглядов на этнос как на целостную динамическую систему. Несмотря на то, что

новая методика требует дальнейшей теоретической и практической разработки, тщательного выявления области применимости, она открывает новые перспективы в этнографии. Необходимость комплексного, многостороннего подхода к изучению такого сложного социального феномена, как этнос, вытекающая из признания его целостности, внутреннего единства, сталкивается с ограниченностью традиционных методов этнографии и требует своеобразного синтеза с другими науками—с марксистской социологией, социальной психологией, математической статистикой, кибернетикой и др. На наш взгляд, именно на пути синтеза этнографии и других наук, изучающих народ, общество, опираясь на незыблемый фундамент марксистско-ленинской теории, возможно решение проблемы целостности этноса.

* * *

1. **Артамонов М. И.** Снова «герои» и «толпа».—Природа, 1971, № 2.
2. **Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.** Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества—В кн.: Расы и народы. М., 1972, вып. 2. с. 8—30.
3. БСЭ. третье издание, М., 1978, т. 28. с. 615.
4. **Брук С. И., Козлов В. И.** Процессы этнического развития и принципы классификации народов, Этностатистическая изученность стран земного шара и определение численности народов.—В кн.: Численность и расселение народов мира. М., 1962.
5. **Брук С. И., Чебоксаров Н. Н.** Метаэтнические общности.—В кн.: Расы и народы, М., 1976, вып. 6. с. 15—41.
6. **Бромлей Ю. В.** Опыт типологизации этнических общностей. — Сов. этнография, 1972, № 5, с. 61—81.
7. **Бромлей Ю. В.** Этнография в Академии наук СССР в послевоенные годы.—Сов. этнография, 1974, № 2, с. 20—41.
8. **Бромлей Ю. В.** Этнос и этнография. М., Наука, 1973. 280 с.
9. **Бромлей Ю. В.** Этнос и социальный организм. — Вестник Академии наук СССР, 1970, № 8.
10. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Том IV. М., Статистика, 1973. 648 с.
11. **Васильева Э. К., Пименов В. В., Христолюбова Л. С.** Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (программа и методика обследования).—Сов. этнография, 1970, № 2. с, 57—68.
12. **Геннинг В. Ф.** Проблемы соотношения археологической культуры и этноса.—В кн.: Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1976, с. 3—37.
13. **Гарданов В. К., Долгих Б. О., Жданко Т. А.** Основные направления этнических процессов у народов СССР.—Сов. этнография, 1961, № 4, с. 9—29.
14. **Гумилев Л. Н.** О термине «этнос».—Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. Л., 1967, вып. 3.
15. **Губогло М. Н., Кондратьев В. С., Зеленчук В. С.** Опыт выделения этнических сред и построение выборки в этносоциологическом исследо-

вании (по материалам Молдавской ССР).—Известия АН СССР, серия общественных наук, 1974, № 1.
16. **Итс Р. Ф.** Введение в этнографию. Учебное пособие. Л.: изд. Ленинград. ун-та, 1974. 160 с.
17. **Козлов В. И.** Расселение мордвы (исторический очерк).—В кн.: Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960, с. 5—62.
18. **Козлов В. И.** О классификации этнических общностей. Состояние вопроса.—В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979.—279 с.
19. **Козлов В. И.** Типы этнических процессов и особенности их исторического развития.—Вопросы истории, 1968, № 9, с. 95—109.
20. **Козлов В. И.** Динамика численности народов. М.: Наука, 1969.—407 с.
21. **Козлов В. И.** К вопросу об исследовании этнических процессов у народов СССР.—Сов. этнография; 1961, № 4, с. 58—73.
22. **Кушнер П. И.** Этнические территории и этнические границы. Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, нов. сер., т. 15.
23. **Моногарова Л. Ф.,** Комплексная типология городов Таджикской ССР в свете проблем этнической мозаичности их населения.—Сов. этнография, 1972, № 6; **Эккель Б. М.** Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР.—Сов. этнография, 1976, № 2. с. 33—39.
24. **Марков Г. Е.** Этнос, этнические процессы и проблема образа жизни. —В кн.: Расы и народы. М., 1977, вып. 7, с. 9—28.
25. **Мокшин Н. Ф.** Этническая история мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. 280 с.
26. **Пименов В. В.** Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 259 с.
27. Проблемы методологии сист. много исследования/Под ред. И. В. Блауберга, В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. М. Наука, 1979. 269 с.
28. Проблемы типологии в этнографии. М.; Наука, 1979. 269 с.
29. **Попов В. А.** Некоторые проблемы типологических исследований в этнографии.—В кн.: Проблемы этнографии и этнической антропологии М.: 1978.
30. **Семенов Ю. И.** Категория «социальный организм» и ее значение для исторической науки.—Вопросы истории, 1966, № 8, с. 88—106.
31. **Сусоколов А. А.** Влияние совместного расселения национальностей на вероятность межэтнических контактов (к методике измерения).—Сов. этнография, 1979, № 1, с. 84—91.
32 Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975. 543 с.
33. **Токарев С. А.** Проблемы типов этнических общностей (К методологическим проблемам этногенеза).—Вопросы философии, 1964, № 11.
34. **Толстов С. П.** Некоторые проблемы истории в свете данных современной этнографии.—Вопросы истории, 1961, № 11.
35. **Чебоксаров Н. Н.** Народы, расы, культура. М.: Наука, 1971. 256 с.
36. **Чебоксаров Н. Н.** Проблемы происхождения древних и современных народов.—Тр. УП МКАЭН, т. 5. 1964, М.: Наука, 1970. 830 с.
37. **Чистов К. В.** Этническая общность. Этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. Сов. этнография, 1972, № 3, с. 73—85.
38. **Шелепов Г. В.** Общность происхождения—признак этнической общности.—Сов. этнография, 1968, № 4, с. 65—74.

39. **Шаляев Н. С.** Современные этноязыковые процессы в Мордовии. Автореф. дис... канд. истор. наук. М.: 1978. 22 с. В надзагл.: Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая.
40. Этногенез мордовского народа. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1965, 440 с.

Н. С. ШАЛЯЕВ

ЯЗЫКОВАЯ КОМПОНЕНТА В СИСТЕМЕ МОРДОВСКОГО ЭТНОСА

Настоящая статья посвящена проблеме функционирования языковой компоненты в системе мордовского этноса.

Для решения этого вопроса в десяти городах и 41 сельском населенном пункте республики по специальному вопроснику в 1973—1974 гг. опрошено 4800 человек (9).

В инструментарий исследования был включен языковой блок, состоящий из девяти вопросов и предусматривающий получение сведений о родном языке, языке раннего детства, о мере знания мокшанского, эрзянского и русского языков, о распределении ролей между русским и мордовскими языками в сельской и городской местности, а также степени понимания литературных мордовских языков, которые используются в передачах местного радио и телевидения.

Прежде чем приступить к анализу языковой компоненты, следует отметить, что в ходе обследования получены данные, которые содержат сведения о том, что большинство информаторов в сельской и городской местности основным признаком, сближающим их с представителями своего этноса, считают язык (табл. 1).

Ответы могли быть неоднозначными.

Данные таблицы свидетельствуют, что в структуре этнического сознания у мордвы в сельской местности на полярных местах по значительности, т. е. прочности связей информаторов со своам этносом, находятся язык и профессиональная духовная культура, а в городской—язык и психологические стерео-

типы. Широта вариации между количественными выражениями этих полюсов очень высокая: в селе—90,4%, в городе—63,1%, что свидетельствует о доминирующем значении языка, который

Таблица 1

Связь с этносом в самооценках информаторов

Какие признаки сближают (роднят) вас с людьми мордовской национальности	Число лиц, ответивших на вопрос			
	село		город	
	абсол.	в% к числу опрошенных	абсол.	в% к числу опрошенных
Всего опрошено	1587	100	1532	100
Национальный язык	1521	95,8	1297	84,6
Национальная традиционная материальная культура.	847	53,4	526	34,3
Национальные обычаи и обряды	781	49,2	609	39,7
Народное творчество (сказки, песни, легенды)	329	20,7	541	35,3
Национальная литература и профессиональное искусство	79	4,9	331	21,6
Психологические стереотипы	155	9,7	330	21,5
Ничто не сближает	30	1,9	97	6,3

является важнейшим внутриэтническим интегратором, в среде как сельского, так и городского населения.

Следует отметить, что под влиянием современного процесса урбанизации в структуре этнического сознания происходят определенные изменения.

Так, например, в структуре этнического сознания городской мордвы вторым по значимости фактором внутриэтнической интеграции является уже не традиционная материальная культура, как у сельских жителей, а национальные обычаи и обряды.

При анализе таблицы 1 обращает на себя внимание группа мордвы, где функция этнического самосознания несколько сузилась. Стабильность последнего видна из того, что 0,6% сельских жителей и 6% горожан, назвав себя мордвой, тем не менее не выбрали ни одного из предложенных им элементов этнической идентификации, на основании которого они действительно осознают свою принадлежность к мордовской этнической общности. Есть основания полагать, что одни и те же элементы этноса могут иметь неодинаковую функциональную нагрузку в городской и сельской местности. В селе элементы эт-

носа чаще совпадают с их субъективным осознанием. В городе, наоборот, ясно выраженная сила абстракции создает между первым и вторым значительный разрыв (подробнее см. 1).

Полезно подойти к тому же вопросу с другой стороны, оценив сведения, собранные в ходе обследования, говорящие о том, на какие вопросы информаторы отвечали с наибольшим интересом, а какие вопросы вызывали затруднения. Это выяснилось посредством оценок ответов информаторов интервьюерами. Данные говорят о том, что в сельской местности информаторы с наибольшим интересом отвечали на вопросы об обрядах и обычаях, затем на вопросы о языке, материальной культуре, национальном самосознании, о фольклоре и профессиональной культуре (табл. 2).

У мордвы-горожан наибольший интерес вызвали вопросы о языке, об обрядах и обычаях, о материальной культуре, о национальном самосознании, профессиональной культуре и о фольклоре.

Таким образом, выясняется, что в сознании мордвы сложилось четкое представление о том, что язык является основным ведущим этническим признаком.

Важно установить не только тот факт, что языковое поведение информаторов в значительной мере «окрашивает» весь этнос (это в общих чертах видно и невооруженным глазом), существенно выяснить, каково внутреннее строение всей группы языковых переменных, как они относятся друг к другу и другим переменным. Здесь на помощь приходит модельное представление исходных данных, осуществляемое на основе машинного ис-

Таблица 2

Интерес к этническим проблемам в оценках интервьюеров

На какие вопросы информаторы отвечали с охотой, с интересом	Число лиц, ответивших на вопрос			
	село		город	
	абсол.	в % к числу опрошенных	абсол.	в % к числу опрошенных
Всего опрошено	1551	100	1500	100
О языке	726	46,8	565	37,6
О материальной культуре	660	42,5	394	26,2
Об обрядах и обычаях	896	57,7	515	34,3
О фольклоре	102	6,6	109	7,2
О профессиональной культуре	70	4,5	230	15,3
На вопросы, связанные с национальным самосознанием	149	9,6	369	24,6

числения коэффициентов парной взаимосвязи на информационном уровне (8).

С помощью набора факторов, включенных в инструментарий исследования, можно построить схемы (графы) их взаимосвязей и определить имеющиеся зависимости. Кроме того, необходимо количественно выразить степень этой зависимости (8). Для построения графов необходимо принять за основу некоторый уровень значений коэффициента, который обозначает число, показывающее тесноту «корреляции».

Переходя к анализу схем (графов), укажем, что выделенные их участки построены при определенном заданном критерии величины коэффициента 1 (связи, имеющие значения ниже 0,100, элиминированы).

Группа признаков, которые выражают функциональные роли мордовских и русского языков в основных сферах социальной жизни мордвы, получила на графах следующие отображения (рис. 6 и 7).

Анализ графов показывает, что на них четко выделяются две группы факторов. Первая группа, расположенная в левой стороне графа, образует основание этноса. В нее вошли преимущественно социальные, социально-экономические и демографические признаки. В их число входят: фактор 6 (образование в момент обследования), 7 (образование в начале трудовой деятельности), 5 (возраст), 11 (социальное положение в момент обследования), 12 (сфера приложения труда), 13 (социально-классовая принадлежность), 15 (социальное положение в начале трудовой деятельности), 17 (изменение социально-классовой принадлежности), 18 (изменение социального статуса), 22 (потенциальная миграция) (4), 23 (мотивы потенциальной миграции), 27 (возраст вступления в брак), 26 (семейное положение), 30 (динамический тип семьи), а также другие, которые входят в основание этноса.

Социально-экономические факторы, составляя базис всех общественных явлений, детерминируют и другие стороны этноса. В данном случае вторая группа факторов прямо и непосредственно зависима от основания этноса. Эта зависимость четко прослеживается на графах.

Вторая группа имеет весьма сложное строение и составляет сплоченную структуру (5) языковых факторов, прямо и непосредственно связанных с некоторыми неязыковыми факторами. Наше предположение о том, что языковая компонента мордовского этноса будет состоять исключительно из языковых факто-

ров (как и в других случаях) (11, с. 73—98), не подтвердилось. Однако легко заметить, что на моделях языковые факторы разместились компактно и смещены несколько в правую сторону (рис. 6 и 7). Это не дает никакого повода говорить о том, что язык не является компонентой в системе мордовского этноса. Уже сама структура этой группы факторов свидетельствует, что она есть «часть», сторона этноса и выступает как его компонента. Выявленное состояние и строение языковой компоненты в системе, по всей видимости, объясняется двойственным, бинарным составом мордовского этноса, а также обилием других характеристик этноса.

Анализируя более детально взаимные связи второй группы факторов, которую условно назовем этноязыковой компонентой, хотя, как видим, в нее входят и некоторые неязыковые факторы, и обозначим литерами E^L, можно убедиться в том, что она представляет собой устойчивую субструктуру, не нарушаемую на графах существенными внешними воздействиями. Связанность участков графов, которые образованы этноязыковыми и этнопсихологическими переменными, вполне ясно выражена как в сельском, так и в городском массивах. Данное обстоятельство можно объяснить лишь тем, что группа названных переменных в системе мордовского этноса «ведет себя» устойчиво, т. е. так, как должна «вести себя» его целостная компонента.

Этноязыковая компонента мордовского этноса, как мы убедились, имеет сложное строение. Чтобы составить о ней более полное представление, необходимо раскрыть характер взаимосвязей внутри этой компоненты, выявить как интенсивность, так и направленность взаимодействий между ними. Практически это можно сделать, использовав два метода: с одной стороны, с помощью общего знания предмета исследования, чему помогают логические рассуждения, логический анализ, с другой стороны, с помощью некоторого формального приема в ходе анализа на ЭВМ.

Как сказано ранее, основным способом изменения взаимосвязей между каждой парой факторов избран коэффициент взаимной информации. При исчислении этого коэффициента нормировка производится на значения совместной энтропии этих факторов. Между тем доказано (9), что если одновременно произвести дополнительные подсчеты и нормировать совместную информацию на энтропию каждого фактора в отдельности, то в каждом случае будут получены пары коэффициентов, сравнение которых между собой, с привлечением этногра-

фических данных, позволит формально определить, какой из двух взаимодействующих факторов преимущественно влияет на другой, а какой преимущественно испытывает влияние. Такой прием может существенно дополнить и облегчить содержательно-логический анализ моделей. В ходе реального анализа желательно сочетать оба эти метода, чем достигается более адекватное описание характера взаимосвязей. Здесь, впрочем, необходимо сделать одну существенную оговорку. Дело в том, что набор признаков (переменных факторов), с помощью которых описывается любой объект (в данном случае мордовский этнос и его EL—компоненты), по необходимости всегда остается частичным, неполным. Поэтому межфакторные связи во многих случаях не являются в действительности прямыми, как они показаны на моделях; на самом деле такие связи иногда опосредствуются «третьими» факторами (не вошедшими в инструментарий). Поэтому выявление отношений причинности не всегда возможно на уровне парных взаимозависимостей. Они раскрываются в более сложной форме системного соподчинения.

С этих позиций проанализируем два варианта модели мордовского этноса. Порядок анализа следующий: сначала рассматривается сельский массив, а затем городской. Разбор осуществляется соответственно порядковым номерам факторов и тесноте связей.

По поводу рассматриваемой компоненты можно высказать следующие соображения (см. рис. 6, сельский граф).

Фактор 47 (родной язык) имеет наиболее тесную связь с 48-м (язык раннего детства). Это естественно. Нет сомнения, что преобладающим здесь является фактор 48 — основное направление воздействия идет от 48-го к 47-му фактору. Несоменно, что язык раннего детства может быть существенным условием для появления расхождения между национальной принадлежностью и родным языком. Однако следует подчеркнуть, что возникновение глубокого интенсивного двуязычия, сопровождающегося изменением представлений о родном языке, определяется не только тем, что некоторая часть мордвы с раннего детства говорит по-русски. Необходимо учитывать, что лишь 1,1% мордвы в сельской местности в детстве говорили на русском языке, в то же время признали родным русский 1,8% опрошенных. а кроме того, еще 1,7% считает родными одновременно два языка. Следовательно, смена языка у мордвы происходит не только в младшем возрасте, но и позднее, при

более позднем приобщении к русскому языку. И здесь первостепенное значение приобретает обучение в школе на русском языке, языковое общение в семье, на производстве и т. д.

Далее, 47-й фактор имеет сильную связь с 43-м (национальность близкого друга). В данном случае взаимосвязь отражает в основном близость и пересекаемость явлений. Для подтверждения приведем следующие данные (табл. 3).

Очевидно, что высокая теснота связи между родным языком и национальностью близкого друга естественна, так как это явления одного порядка. В селе этнические группы мордвы проживают более компактно, поэтому родной язык информатора обычно совпадает с национальностью близкого друга.

Далее, сильную связь 47-й фактор имеет с 31-м (этнический аспект брака). В данном случае сложно определить характер соподчиненности этих факторов, но данные таблицы показывают, что этнический аспект брака влияет на выбор родного языка.

Очень тесная связь прослеживается на модели между 47-м и 1-м факторами (этногеографическая зона). Можно определенно сказать, что 1-й фактор (этногеографическая зона расселения различных групп мордвы—западная, южная, восточная) воздействует на 47-й фактор, а не наоборот. Об этом свидетельствует ниже приводимая таблица 4.

Значительную связь имеет 47-й фактор с 32-м (национальность несовершеннолетних детей). Здесь подчиненность 32-го фактора не подвергается сомнению. Отметим, что, по наблюдениям многих исследователей, несовершеннолетние дети в семьях с разнонациональным составом обычно причисляют себя к пре-

Таблица 3

Распределение опрошенных по родному языку и национальности близкого друга (село)

Национальность близкого друга (подруги)	Родной язык в процентах				
	эрзя-мордовский	мокша-мордовский	два мордовских языка—эрзянский и мокшанский	один из мордовских и русский	русский
Мордвин (-овка)-эрзя	95,6	2,2	0,0	16,0	10,4
Мордвин (-овка)-мокша	0,8	93,5	100	76,0	55,2
Русский (-ая)	3,2	4,0	0,0	8,0	34,4
Татарин (-ка)	0,4	0,3	0,0	0,0	0,0

Таблица 4

Распределение опрошенных по родному языку в разных этногеографических зонах (село)

Этногеографическая зона	Родной язык в процентах				
	эрзя-мордовский	мокша-мордовский	два мордовских языка — эрзянский и мокшанский	один из мордовских и русский	русский
Западная	0,7	66,3	100	51,8	65,6
Южная	0,2	32,7	0,0	33,4	17,2
Восточная	99,1	1,0	0,0	14,8	17,2

обладающей национальности (3). В данном случае дети русско-мордовских и мордовско-русских семей по национальности и родному языку в большинстве случаев причисляются родителями к русским.

Сильная связь прослеживается между 47-м и 52-м факторами (язык семейно-бытовой жизни). Такая связь демонстрирует, что эти факторы находятся на одном уровне. Но следует отметить, что чем чаще говорят на русском языке в семейно-бытовой сфере, тем быстрее происходит языковая ассимиляция. Переход в быту на инонациональный язык существенно воздействует на смену родного языка.

Тесную связь 47-й фактор имеет с 53-м фактором (язык общения на работе). Воздействие и направленность связи в этом случае не так уж сложно определить, так как регулятором языка общения на работе является этническая среда. В соответствии с этим определяется взаимодействие и направленность связи между названными факторами. Менее значительные связи 47-й фактор имеет с 54-м (язык публичных выступлений) и 93-м (субъективная оценка уровня этнической консолидации). В первом случае, очевидно, этническая среда является регулятором языка публичных выступлений. Во втором случае направление взаимодействия определить затруднительно, скорее всего здесь связь «коррелятивная». Понятно, что для мордвы (мокши и эрзи) родной язык выступает в качестве символа этнической принадлежности, изменение которого оказывает сильное влияние на изменение этнического самосознания.

Рассмотрим взаимосвязи следующего 48-го фактора (язык раннего детства). Наиболее сильную связь этот фактор имеет с 47-м (родной язык), по поводу которого уже было сказано.

Очень тесную связь 48-й фактор имеет и с 31-м (этнический аспект брака). Здесь, вероятно, через какие-то факторы действие направлено от 48-го к 31-му фактору.

В отношении связи 48-го фактора с 32-м (национальность несовершеннолетних детей) можно сказать, что она отражает опосредованное воздействие на 32-й фактор. Это воздействие зависит от ряда причин, прежде всего от социально-культурного статуса родителей и этнической среды. Далее, 48-й фактор имеет сильную связь с 43-м (национальность близкого друга). В данном случае, очевидно, взаимосвязь идет не только прямо от 48-го к 43-му, но также через посредство 47-го фактора.

На модели наиболее тесная связь выявляется между 48-м и 1-м факторами (этногеографическая зона). Здесь, без сомнения, можно сказать, что воздействие идет в направлении от 1-го к 48-му фактору, не наоборот. Другую значительную связь 48-й фактор имеет с 52-м (язык семейно-бытовой жизни). В данном случае преобладает 52-й, он прямо и непосредственно воздействует на 48-й фактор. Численно существенную связь анализируемый фактор имеет с 9-м (этническая группа). Влияние 9-го на 48-й фактор не вызывает сомнений.

Фактор 48-й имеет тесную связь с 49-м и 50-м (знание эрзя и мокша-мордовских языков). Определенно можно сказать, что знание мордовских языков закладывается в раннем детстве. Существенная связь прослеживается между 48-м и 46-м факторами (информационные потоки—письма). Взаимодействие между ними сложно определить, но предпочтительнее считать, что 48-й фактор воздействует на 46-й. Связь 48-го фактора с 53-м (язык общения на производстве) незначительна и зависит от ряда причин: этноязыковой среды, характера работы, уровня образования и т. д. На модели прослеживаются более слабые связи с другими факторами, в частности с 93-м (уровень этнической консолидации по оценкам информаторов). Связь незначительная, причем воздействие идет в направлении от 48-го к 93-му фактору.

Обратимся к взаимосвязям 49-го фактора (знание эрзянского языка). Как было показано выше, сильную связь он имеет с 48-м фактором (язык раннего детства). Здесь определенно можно сказать, что знание эрзянского языка закладывается в раннем детстве.

Следующая значительная связь—с 32-м (национальность несовершеннолетних детей). Направленность связи между этими факторами определить сложно. Но следует принять в расчет,

что на 49-й фактор оказывают воздействие 31-й (этнический аспект брака) и 1-й (этногеографическая зона). Это позволяет думать, что при такой совокупности воздействие скорее идет от 49-го к 32-му. Численно значительна связь 49-го фактора с 47-м (родной язык); направление связи здесь идет от 49-го к 47-му. Фактор 49 имеет, как сказано, сильную связь с 1-м фактором (этногеографическая зона). Воздействие 1-го фактора на 49-й не вызывает сомнений, так как основная часть мордвы-эрзи расселена обособленно в восточной зоне.

Численно значительную связь анализируемый фактор имеет с 52-м (язык семейно-бытовой жизни). Взаимосвязь 49-го фактора с 52-м имеет «корреляционный» характер, кроме того, она прослеживается и через другие факторы, как, например, через 31-й (этнический аспект брака), который оказывает непосредственное влияние на язык семейно-бытовой жизни. Существует глубокая связь между этнической средой и употреблением того или иного языка в семейно-бытовой жизни.

Менее значительные связи 49-й фактор имеет с 53-м (язык общения на производстве) и с 93-м (уровень этнической консолидации по оценкам информаторов) факторами. В первом случае в сельской местности для восточной зоны (где расселена эрзя) воздействие 49-го фактора на 53-й имеет непосредственное значение. Эрзя, как и мокша, в сельской местности территориально обособлена, поэтому на язык производственного общения большое влияние оказывает этнический состав первичного производственного коллектива. Во втором случае 49-й фактор сложным образом «коррелирует» с 93-м.

Фактор 50 (знание мокшанского языка) в основном имеет те же связи, что и 49-й. Отметим только дополнительные связи данного фактора. В отличие от 49-го, 50-й фактор имеет наиболее сильную связь с 9-м (этническая группа). В этом случае, надо думать, 9-й фактор воздействует на 50-й. Это подтверждается ниже приводимыми данными (табл. 5).

Менее значительные связи 50-го фактора прослеживаются с 51-м (знание русского языка), 54-м (язык публичных выступлений).

Фактор 51 (знание русского языка) имеет тесную связь с 9-м (этническая группа). При этом следует помнить, что знание русского языка мордвой в настоящее время прежде всего зависит от образования. На модели факторы 6-й (образование на момент обследования) и 7-й (образование на старте трудовой деятельности) прямо и непосредственно влияют на 51-й. Связь

Таблица 5

Знание мокша-мордовского языка и этнические группы опрошенных (село, %)

Знание мокша-мордовского языка	Национальность		
	мордвин (-овка), эрзя	мордвин (-овка), мокша	мордвин (-овка),
Свободно говорят, читают и пишут	0,3	59,6	52,6
Свободно говорят, но не читают и не пишут	1,0	40,6	26,3
Понимают и могут объясняться	1,0	0,7	5,3
Не владеют	97,7	0,1	15,8

51-го фактора с 59-м (отношение к национальной традиционной одежде) направлено в сторону 59-го. Очевидно, мордва, свободно владеющая русским языком, менее привержена к мордовской национальной традиционной одежде.

Проанализируем связи 52-го фактора (язык семейно-бытовой жизни), не повторяя описания связей его с ранее рассмотренными факторами: 52-й фактор тесно связан с 31-м (этнический аспект брака); в данном случае 31-й является преобладающим и воздействует на 52-й. Связь 52-го фактора с 32-м (национальность несовершеннолетних детей) осуществляется не только непосредственно, но также через 31-й фактор. На 52-й фактор (язык семейно-бытовой жизни) оказывает свое влияние 1-й (этногеографическая зона); кроме того, он имеет сильную связь с 43-м (национальность близкого друга) и 46-м (информационные потоки—письма). Используя метод определения меры зависимости, можно установить, что связь идет в направлении от 46-го к 52-му фактору. Связь между 52-м и 53-м факторами значительная, но не слишком сильная. Влияние 52-го фактора на 53-й очевидно, но регулятором языка производственного общения является прежде всего национальный состав первичного производственного коллектива.

Фактор 52 связан с 9-м (этническая группа) и 54-м (язык публичных выступлений). Как показывают материалы исследования, национальность информаторов и язык их семейно-бытового общения в большинстве случаев совпадают, поэтому 9-й фактор оказывает некоторое влияние на 52-й. Наибольшее влияние на язык публичных выступлений оказывает этническая среда.

Фактор 53 (язык общения на производстве) имеет сильную связь с 43-м фактором (национальность близкого друга) и, надо полагать, воздействует на 43-й. Это явление больше всего характерно для сельской местности, где мордва расселена более компактно, что в свою очередь во многом определяет национальность друзей среди товарищей по работе. На сельском графе 53-й фактор тесно связан с 32-м (национальность несовершеннолетних детей). Связь между ними носит не причинный, а «координированный» характер. Связь 53-го фактора с 1-м (этногеографическая зона) не требует пояснений: 1-й фактор определенно влияет на 53-й. Этногеографическая зона расселения обеих групп мордвы в сельской местности оказывает влияние на язык общения и в производственной сфере.

Язык общения на производстве (53 фактор) имеет связь с 31-м (этнический аспект брака) и, видимо, влияет на него. Связь 53-го фактора с 54-м (язык публичных выступлений) не слишком значительная: первый в большей мере влияет на второй. Этническая среда оказывает некоторое опосредствованное влияние на эти факторы, а также на иные формы речевого поведения, которое, как отмечает Е. Ф. Тарасов, на производстве и при публичных выступлениях контролируется, помимо всего прочего, этническими правилами, регламентирующими социальное поведение личности (10, с. 257).

Связи 54-го фактора (язык публичных выступлений) в основном рассмотрены нами выше. Следует только добавить, что его связи с 1-м (этногеографическая зона) и 43-м факторами (национальность близкого друга)—слабые. В первом случае этногеографическая зона влияет на язык публичных выступлений информатора, когда общение совершается на мордовских языках. Во втором случае—связь преимущественно косвенная и идет через какие-то другие факторы. Видимо, на эти связи, которые в данном наборе не раскрываются, влияют какие-то психологические мотивы.

Структуру этноязыковой компоненты в городском массиве можно проанализировать с помощью другого графа (рис. 7). Отметим, что отдельные факторы, а именно: 51-й и 54-й, при построении модели оказались за ее пределами. Это легко объяснимо: мордовское население в городах вообще хорошо владеет русским языком, пользуется им для выступлений на собраниях и в других случаях.

По поводу остальных факторов можно сказать следующее.

Фактор 47-й (родной язык) имеет тесную связь с 48-м (язык раннего детства). Определенно, 48-й фактор оказывает влияние на 47-й. Язык раннего детства и родной в большинстве случаев совпадают. Фактор 47-й имеет значительную связь с 9-м (этническая группа). В городском массиве, как и в сельской местности, родной язык оказывает влияние на выбор национальности.

Связь 47-го фактора с 31-м наиболее значительная. На наш взгляд, 31-й фактор оказывает влияние на 47-й, хотя трудно сказать, является ли он преобладающим.

Связи 47-го с 49-м (знание эрзянского языка) и 50-м (знание мокшанского языка) в обоих случаях направлены от 49-го и 50-го к 47-му фактору.

Связь 47-го фактора с 32-м (национальность несовершеннолетних детей) незначительная. Выбор национальности несовершеннолетних детей зависит от национального самосознания родителей.

Фактор 47 имеет незначительную связь с 43-м (национальность близкого друга) и 46-м (информационные потоки—письма). Что касается первого случая, то, видимо, в городских условиях двуязычие не оказывает серьезного влияния на установление дружеских отношений с лицами другой национальности. В городской местности «дружеские пары» внутри мордовского этноса и пары из представителей разных этносов (в основном мордовско-русские) составляют почти одинаковое количество лиц. Правда, прослеживается некоторое преобладание однонациональных «дружеских пар». Во втором случае связь 47-го с 46-м фактором свидетельствует о том, что дистанционное общение (2) между представителями мордовского этноса совершается как внутри республики, так и за пределами республики. Родной язык в таких случаях является связующим звеном. Воздействие в этом случае направлено от 47-го к 46-му фактору.

На городском графе 48-й фактор тесно связан с 9-м. Основное воздействие, очевидно, идет от 9-го к 48-му фактору. Сильная связь 48-го фактора с 31-м говорит о влиянии 48-го на 31-й. В данном случае ранее возникшее явление (язык детства) в некоторой мере может определить более поздние ориентации и способствовать избранию соответствующего партнера.

Значительную связь 48-й фактор имеет с 49-м и 50-м факторами. Нет сомнений, что здесь 48-й фактор воздействует на 49-й и 50-й.

Связь между 48-м и 32-м факторами свидетельствует о воздействии 32-го фактора на 48-й. Незначительную связь 48-й фак-

тор имеет с 46-м. Связь эта свидетельствует о том, что люди, проживающие в городской местности, поддерживают отношения с представителями своего этноса, отдавая некоторое предпочтение (незначительное) языку, на котором они говорили в раннем детстве.

Факторы 49-й и 50-й тесно связаны с 9-м. Влияние 9-го фактора на 49-й и 50-й очевидно и, полагаем, не нуждается в комментариях. Незначительная связь прослеживается между 49, 50 и 31-м факторами (этнический аспект брака). Думается, что в городской среде направление воздействия идет от 31-го фактора к 49-му и 50-му, а не наоборот, как в сельской местности. Очевидно, что в городе, где много этнически-смешанных семей, этнический аспект брака определенным образом влияет на знание мордовских языков, тогда как в сельской местности, где этнические группы мордвы живут более компактно, это обстоятельство почти не воздействует на знание мордовских языков, так как брачные пары в большинстве случаев однонациональные.

Связи 49-го и 50-го факторов с 46-м (информационные потоки—письма) не слишком значительны. Оба фактора в определенном аспекте влияют на 46-й, а это свидетельствует о наличии, кроме прямого контактного, еще и дистанционного общения среди представителей обеих групп. Фактор 50-й имеет незначительную связь с 1-м (этногеографическая зона). Несомненно, здесь воздействие направлено от первого фактора к 50-му. Этногеографическая зона расселения мордвы имеет прямое отношение к знанию мокшанского языка.

Фактор 52-й имеет незначительные связи с 31-м и 32-м. В первом случае 31-й фактор воздействует на 52-й. В отношении второй связи необходимо отметить, что здесь влияние идет в направлении от 52 к 32-му фактору.

Рассмотрение причинно-следственных, функциональных и «коррелятивных» связей внутри языковой компоненты и вне ее в различных массивах информации показывает, что этноязыковые процессы в сельской и городской местности протекают неодинаково. Это подтверждается и структурой моделей (рис. 6 и 7). Таким образом, структура языковой компоненты подвижна, она формируется применительно к условиям функционирования факторов, ее составляющих. Связи между факторами лежат как внутри EL—компоненты, так и вне ее—в целостной системе этноса. Эти связи гибкие, изменяющиеся в процессе функционирования системы. Сплоченные группы факторов вме-

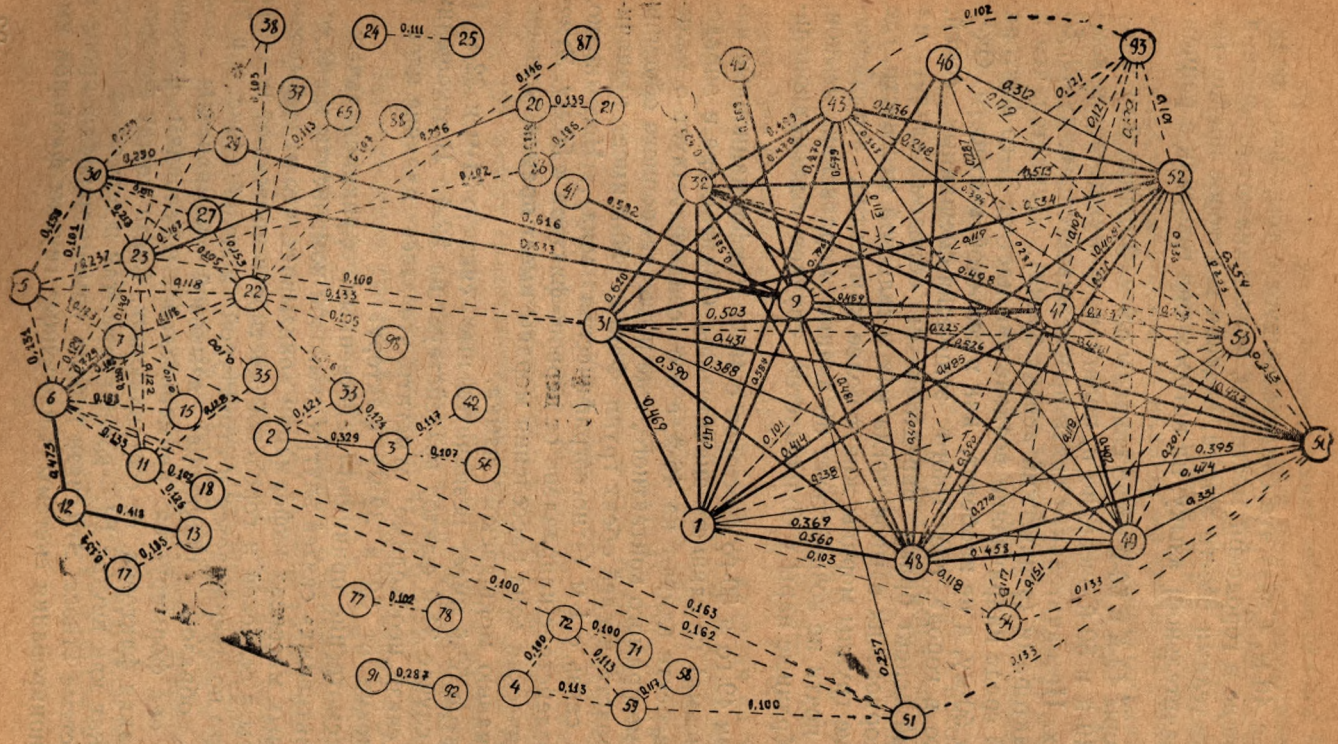

Рис. 6. Модель взаимодействия факторов по данным сельского массива информации

Примечание. Здесь и далее на графах кружки с цифрами означают номера факторов, содержащихся в инструментарии исследования. Линии, с помощью которых соединены факторы, изображают взаимосвязи между факторами. Сплошными жирными линиями обозначены очень сильные связи (I 0.400), сплошными тонкими—сильные (I 0.300), пунктиром—относительно слабые (I 0.100). Цифры, стоящие над линиями, означают точную величину тесноты связи.

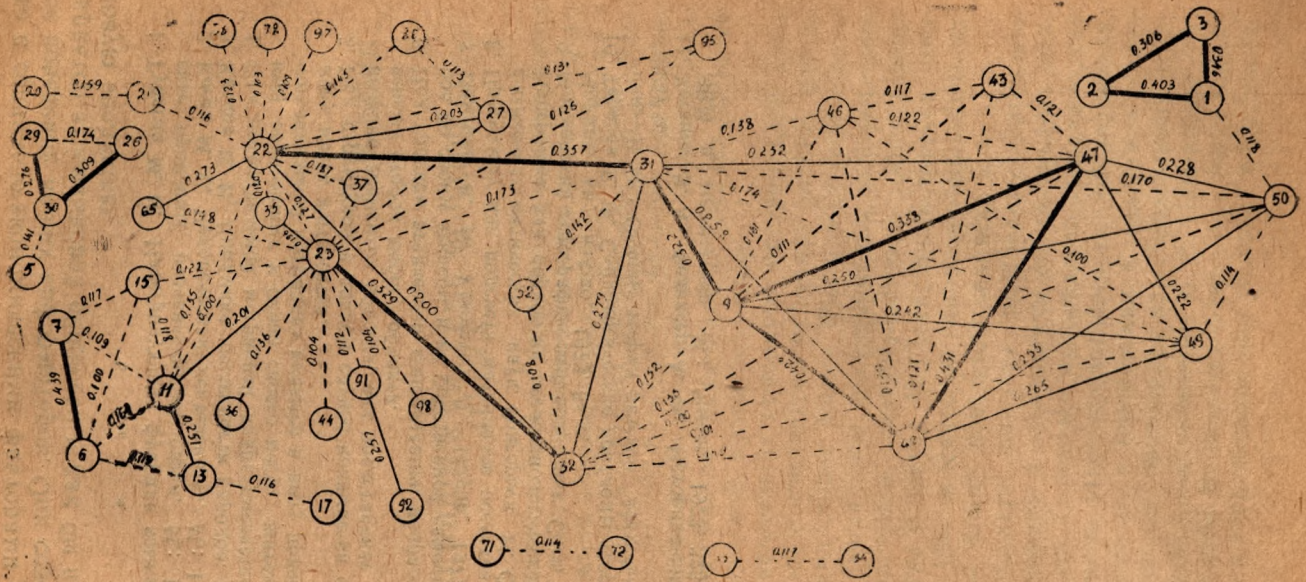

Рис. 7. Модель взаимодействия факторов по данным городского массива информации.

сте с социально-экономическими факторами влияли на языковое поведение наших информаторов. Они совокупно определяют характер этноязыковой общности и как бы планируют их языковую эволюцию.

* * *

1. **Губогло М. Н.** Интегрирующая функция языка.—В кн.: Социологические проблемы развивающихся стран. М.: Наука, 1975.
2. **Коган М. С.** Человеческая деятельность. М.: Наука, 1974. 88 с.
3. **Козлов В. И.** Динамика численности народов. М.: Наука, 1969. 407 с.
4. Под потенциальной миграцией подразумевается стремление (намерение) опрошенных к смене своего места жительства. Под «мотивами потенциальной миграции» имеются в виду причины, вызывающие перемену места жительства.
5. Под структурой в данном случае понимается способ внутренней организации элементов объекта, она представляет собой одну из существенных сторон любого объекта.
6. Под уровнем этнической консолидации подразумевается связь этнофоров со своим этносом в их собственной самооценке.
7. **Пименов В. В.** Удмурты. Л.: Наука, 1977. 259 с.
8. Программу для подсчета материалов исследования составил кандидат физико-математических наук Григорьев И. С. (см. **Григорьев И. С.** Программа для обработки этносоциологической информации ИН-122).
9. Мордовский этнографический вопросник. Сост. Пименов В. В. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. 54 с.
10. **Тарасов Е. Ф.** Социологические проблемы теории речевой коммуникации.—В кн.: Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974. 257 с.
11. **Устинов В. А., Фелингер А. Ф.** Историко-социальные исследования: ЭВМ и математика. М.: Мысль, 1973. 325 с.

П. М. МЕЗИН

РОЛЬ И МЕСТО ПИЩИ В СИСТЕМЕ МОРДОВСКОГО ЭТНОСА

Рассмотрение вопроса о роли и месте пищи в системе этноса представляет значительную сложность. При исследовании его мы опираемся на целостность системы этноса. В последнее время в этнографической литературе активно разрабатывается системный анализ (1, 3, 4, 5, 6). Он находит все большее применение не только в компонентном анализе этноса, но и в изучении быта, образа жизни. В нашей работе такая попытка сделана на одном из элементов материальной культуры—пище.

Пища—один из важнейших признаков материальной культуры этноса, связанный с комплексом народных знаний, касающихся самых различных сторон жизни. Она может исследоваться в географическом, социальном, экономическом, историческом, социологическом, культурном, семейно-бытовом, общественно-поведенческом и других аспектах. Изучение пищи требует многогранного подхода с учетом факторов социально-экономического развития, духовной жизни, поведения человека и т. д.

В данной статье сделана попытка проследить бытование традиционной пищи мордвы в зависимости от социальных факторов и духовной жизни. Основным материалом для написания статьи послужили данные этносоциологического обследования, проведенного в 1973—74 гг. в мокшанских и эрзянских селах республики. Сбор материала проводился по «Мордовскому этнографическому вопроснику», составленному В. В. Пименовым (3). Вопросник включал в себя 99 вопросов-факторов, расположенных по блокам. Нами в исследовании они условно подразделя-

ются на две группы факторов: социальные и духовной жизни. Социальные факторы в вопроснике следующие: пол (4), возраст (5), образование в момент обследования (6) и в начале трудовой жизни (7), социальное положение (11), сфера приложения труда (12), социально-классовая принадлежность (13), социальное положение в начале трудовой деятельности (15), социальное положение главы семьи (16), изменение социально-классовой принадлежности (17), изменение социально-профессионального статуса (18), семейное положение (26), состав (29) и тип (30) семьи, зарплата (35), сумма дохода на члена семьи. Факторы духовной жизни: язык родной (47) и раннего детства (48), степень владения эрзянским (49), мокшанским (50) и русским языками (51), язык общения дома (52), на работе (53), публичных выступлений (54), знание народных кушаний (63), знание свадебного обряда (64), тип свадьбы (65), знание обряда рождения ребенка (69) и используемый обряд при рождении ребенка (70), религиозность личности и семьи (72, 71) и т. д.

Статистическая процедура сбора информации и получения достоверных данных была разработана Э. К. Васильевой (5). Операция по переработке и предварительному анализу собранной информации была выполнена И. С. Григорьевым (1) и В. В. Пименовым (5, 6) в Вычислительном центре АН СССР. В основу переработки материалов на ЭВМ положены методы и программа В. А. Устинова, впервые примененная для анализа этнографического материала на данных исследования 1969 г. в Удмуртии (8, 4).

Дополнительный обсчет данных этносоциологического обследования с выделением мокшанского и эрзянского массивов из мордовского сельского массива был сделан в Вычислительном центре Мордовского госуниверситета им. Н. П. Огарева вычислителем В. Д. Ширяевым при участии автора. Во время первой обработки были получены три вида данных: безусловные (простые), условные распределения вероятностей ответов и информационный коэффициент взаимной связи (1). Безусловные распределения сообщают данные о количественном составе обследуемого признака и о величине составных его частей. Они дают возможность для сравнения генеральной совокупности с выборочной (4, с. 29).

Условные распределения (абсолютное число и процент) — это зависимые переменные от одного какого-либо признака. Они выступают в виде серий, связывающих между собой две или более (4) величины. В наших подсчетах они прослеживаются со всеми признаками всех факторов.

Информационный коэффициент связи (I = 0+1) показывает, в какой мере факторы взаимно отражены друг в друге, взаимосвязаны на информационном уровне (4, с. 32). Коэффициент I был использован нами для построения модели бытования национальной пищи среди мордовского населения. Данные информационного коэффициента связи были заложены в матрицу, составленную в соответствии с факторами «Мордовского этнографического вопросника». Полученная матрица в сущности и явилась в целом моделью мордовского сельского населения. Здесь имеется весь набор связей пищи с другими факторами (см. граф «Бытование мордовских кушаний»), но численные значения их невелики (I = 0,003—0,104). В матрице имеются довольно сильные связи (I = 0,688; 0,569; 0,777 и т. д.). Однако в целом бытование национальных кушаний в ней несколько расплывчатое. Поэтому важно было учесть это положение и посмотреть, в какой степени оказывают те и другие связи свое влияние на бытование народных кушаний. Для анализа информации предпочтительнее было бы строить модель в виде графа или цепей связи. Этот метод, на наш взгляд, не только наглядно показывает связи, но и дает возможность логического анализа происходящих процессов. При построении модели по условному критерию производили отбор значимых связей. В данном случае нами использован эмпирико-аналитический подход (4, с. 33). На первом этапе по графу был просмотрен набор всех связей 63-го фактора со всеми другими (табл. 1).

Таблица 1

Ранжированная интенсивность связей фактора 63 в системе этноса (по данным обследования мордовского сельского массива)

I = 0,002—0,010	0,011—0,040	0,041—0,10	более 0,1
2, 22, 76, 4, 17, 26, 29, 73, 87, 92, 18, 21, 33, 39, 42, 74, 75, 81, 88, 7, 10, 16, 19, 20, 23, 28, 30, 35, 41, 51, 56, 77, 79, 80, 84, 24, 25, 36, 61, 76, 5, 8, 13, 14, 72, 37, 55, 57, 83, 85, 90, 96, 34, 59, 64, 66, 68, 45, 65, 67, 69, 95,	11, 70, 99, 12, 40, 71, 44, 82, 3, 86, 98, 91, 94, 97, 60, 54, 89, 32, 31, 62, 53	28, 50, 49, 43, 1, 47, 48, 52, 9	93

Наименование факторов см. Прил. с. 169—171.

В модель вошли следующие факторы: 1 (этногеографическая зона), 9 (национальность опрашиваемого), 12 (сфера приложения труда), 30 (этнический аспект брака), 47 (родной язык),

48 (язык раннего детства), 49, 50 (степень владения эрзянским и мокшанским языками), 52 (язык домашнего общения), 58, 60 (бытование национального костюма, утвари), 65 (тип свадьбы), 72 (религиозность личности), 93 (мнение о единстве мордвы) и др. Выделенные нами факторы в модели образовали так называемую первую линию связей. Продолжая построение модели, мы дополнительно отбирали из матрицы для каждого фактора первой линии один или несколько тесно связанных с ним или определяющих его факторов. Они образовали вторую линию связей. Можно было бы продолжить построение, выделив по тому же принципу третью и четвертую линии, но для нашего исследования достаточно и двух (см. модель структурных взаимосвязей бытования национальной пищи среди сельского населения: в дальнейшем в тексте модель 63—рис. 8). В построенной модели получила отражение взаимосвязь факторов и их роль в бытовании национальных кушаний. Однако следует оговориться, что в данном случае мы исходим из набора признаков, который обусловлен инструментарием (анкетой) и имеет определенное численное значение (I), характерное лишь для сельского массива.

По данным этносоциологического обследования, среди мордовских сельских жителей пища представляет собой синтез традиционных и городских кушаний. Традиционные кушанья—блюда мордовской кухни, приготовляемые по народным рецептам и считаемые народом своими национальными. Традиционные блюда еще бытуют ежедневно или почти ежедневно у 33,0% жителей села. Кроме того, они бывают регулярно 2—4 раза в месяц у 38,2% и по праздникам—27,4%. Лишь незначительная часть мордовского сельского населения не готовит национальных кушаний (1,4%), а пользуется только «городскими» блюдами.

Назовем основные разновидности традиционных кушаний. Среди первых блюд повсеместно распространен суп «лям» (м), «ям» (э), пшенный суп—«шонгарям» (м), молочный суп «ловцонь шонгарям» (м), постный суп «постнай лям» (м), «постноям» (э), «веца ям» (э), уха «калхт лям» (м), «кал ям» (э), щи «капста лям» (м), «капста ям» (э), пельмени «покольхты» (м); «демкат» (э), похлебка с мясом «валдостама мархта лям» (м) и и похлебка постная, суп-лапша, салма (м, э), клецки и т. д. К числу сезонных летних кушаний относится суп из щавеля «умбравоньлям» (м), окрошка из кислого молока, квас «поза сылведь» (э), браги.

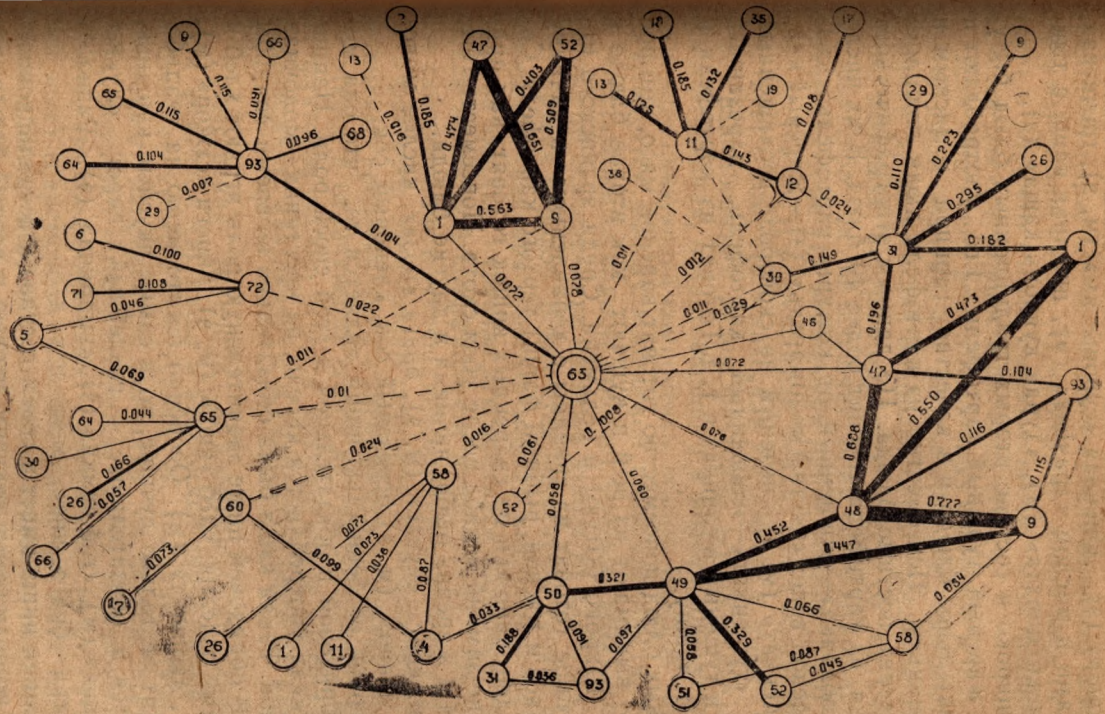

Рис. 8. Модель структурных взаимосвязей традиционной пищи в системе мордовского этноса. (Модель построена по данным сельского массива. Штриховыми линиями на модели показаны слабые связи. Сплошными линиями обозначены сильные связи. По мере увеличения численного значения коэффициента информации возрастает и толщина линий).

Из вторых блюд широко бытуют каши «снав ям» (м), «кснавонь каша» (э), пшенная «суронь ям» (м, э), гречневая, каша с яйцами и маслом «драчена» (м), пшенная каша с тыквой «ям донцкятмархта» (м), «дурак куяронь каша» (э).

Очень широко в составе вторых традиционных блюд бытует вареный, жареный, тушеный картофель. Его употребляют и как самостоятельное блюдо и в качестве гарнира к мясным и рыбным кушаньям. Повсеместно из картофеля люди пожилого возраста готовят постные блюда. По данным этнографического обследования, из картофеля готовят более 40 блюд. В их число входят: «скобленка»—очищенный от кожуры картофель, сваренный в соленой воде; «рястаф модомархть» (э)—жареный картофель, «неценкат» (м, э)—печеный на сковороде неочищенный картофель, «тушенкат»—очищенный картофель, нарезанный «слойками» и тушеный в сливках и т. д. Готовят из картофеля и крахмальную лапшу.

Из мясных блюд повсеместно готовят вареное мясо, которое обыкновенно вынимают из щей и кушают как второе блюдо с картофелем. Широко бытуют и пельмени. Среди эрзянского населения их чаще готовят из свинины с добавлением в начинку (рубленое мясо и мясной, рыбный фарш) тертого картофеля. Солянку, холодец, пирожки из сваренных кишок готовят, как правило, в осенне-зимний период после убоя скота. Повсеместно бытует вареная и жареная рыба, яичница и другие блюда.

Напитки: квас—«кувас» (м, э), брага «поза», кислое молоко «шапамо ловцо», (м, э) березовый сок, кленовый сок.

Характерной особенностью пищи является то, что она может стать обрядовой и обязательной в этой своей роли. Например, на родинах употребляется кисель, на крестинах—молочная пшенная каша. Такая каша была обязательна во время свадьбы и поминок. В обрядовой пище значительную роль играют хлеб и хлебобулочные изделия: хлеб «кши» (м, э), пироги «сюкор» (м), «пряка» (э), «копшат» (м). Особенно богато меню на свадьбе. В него входят не только лучшие, но и самые вкусные кушанья. Здесь имеются и обязательные — свадебный пирог «лукш» (м, э), «курник» (м), «той пряка» (э), «умарина» (э). Разнообразны напитки—брага, квас, вино и т. д.

Современная пища имеет в своем составе и нетрадиционные блюда. Это всевозможные закуски, первые и вторые блюда, напитки и хлебобулочные изделия. Они, как правило, приготавливаются по промышленной технологии, как на предприятиях общественного питания, так иногда и в семейном быту.

Итак, по своему содержанию пища имеет этнические и интернациональные черты. Незначительная величина коэффициента информационной связи (I) на первой линии модели свидетельствует о том, что «чисто национальное», или традиционное, не является доминирующим в питании этноса.

Для выяснения роли социальных факторов в бытовании народной пищи обратимся к модели. Весьма любопытно то, что на линии вторых связей наиболее четко прослеживаются этнические признаки, которые образуют вместе со связями социальных факторов как бы оболочку. К их числу относятся этногеографическая зона (1), этническая принадлежность (9), язык раннего детства (47), родной язык, семья. Такое положение свидетельствует о том, что этническая специфика в пище сохраняется во взаимосвязи с рядом факторов. Существенна роль этнического сознания, представленного в модели множеством факторов в виде связующей компоненты этноса. Важное место среди них отводится выбору этнической принадлежности. Как правило, показателем ее служит этноним (мокша, эрзя), свидетельствующий об осознанности членами этноса их единства и отличия их от других народов. В качестве показателя уровня консолидированности сознания этноса в модели выступает фактор 93 о единстве мордвы. Именно эти признаки наиболее выражены в модели величиной коэффициента информации. Однако этническое самосознание и степень консолидированности его—это лишь часть факторов этнического сознания. Основное содержание его составляют представления о специфических чертах, характерных для этноса и отличающих его от других общностей. К числу таких факторов можно отнести мокшанский и эрзянский языки, традиционную праздничную и свадебную одежду, народные обряды.

Существенна величина информационного коэффициента связи факторов (1) пищи с этнической территорией и типом населенного пункта. Естественно, что питание этноса зависит от основного направления хозяйства на данной территории, и графы довольно четко подтверждают это. В дополнение можно сказать, что среди эрзянского населения (в IV этнографической зоне) современное сельское хозяйство, имея зерновое животноводческое направление, способствовало сохранности традиционного. Поэтому не случайно, что здесь значительно выше доля этнического.

Моделирование позволяет выявить и некоторые зависимости бытования традиционной пищи от социально-экономических факторов. Из числа всевозможных характеристик обра-

щает на себя внимание компактная группа факторов, объединенных между собой (см. рис. 8 факторы 6, 11, 12, 13, 17, 18, 35, 36). Из экономических характеристик на первый план выступает зарплата (35) и сумма дохода на члена семьи, а из факторов социальной структуры—социально-классовая (13) и профессиональная принадлежность (11), сфера приложения труда (12), изменение классовой и профессиональной принадлежности. Важным фактором социального развития этноса является образование. Оно способствует социальному продвижению, изменению социально-классовой и профессиональной принадлежности. Известно, что названная выше группа факторов оказывает свое влияние на уровень материальной обеспеченности семьи, и в том числе на питание. По мере повышения социального статуса сокращается число традиционных блюд и заметно увеличивается доля городских кушаний. Аналогичная тенденция наблюдается и по мере повышения зарплаты и суммы денежного дохода на члена семьи. Это явление свидетельствует о том, что социально-экономические факторы являются ведущими и в конечном счете они определяют этнические процессы.

Это четко прослеживается на примере социально-профессиональных групп мордовского сельского населения (11). Так, в группе неквалифицированных работников физического труда наиболее сохранились традиционные народные кушанья. Это объясняется тем, что этой группы менее всего коснулись те социальные изменения, которые произошли в стране в связи с ростом уровня образования, квалификации, различные социальные перемещения, т. е. она более инертна. В ней устойчиво сохраняются этнические традиции в питании, да и в возрастном отношении это в основном группа лиц старшего поколения. Поэтому не случайно, что здесь среди мокшанского населения лишь 1,1% имеют чисто городские кушанья. Иная картина наблюдается по мере роста квалификации. Так, у высококвалифицированных специалистов физического труда заметно увеличивается доля «городского»: она составила уже основу питания у 50,5% среди мокши и 30,7%—среди эрзи.

Социальное положение связано со сферой приложения труда. Стабильно сохраняются традиции пищи у колхозников (у эрзи в повседневном и праздничном бытовании—75,5%, у мокши—47,9%). Попутно заметим, что среди эрзянских сельских рабочих доля повседневного бытования традиционных кушаний также довольно велика (58%). Это свидетельствует о том, что социальные перемещения не сразу отражаются в питании. Несколько иную картину мы видим среди работников

аппарата управления, работников просвещения, медицины и культуры. Основные изменения у этих групп связаны с ростом доли «чисто городских» кушаний.

В модели 11-й и 12-й факторы коррелируют с факторами изменения социально-классовой принадлежности и профессионального статуса, отражая связь социалистического преобразования сельского хозяйства Мордовской АССР с ростом образования и числа квалифицированных специалистов на селе. А это способствует мобильности. И как уже было сказано выше, в пище высококвалифицированных специалистов физического труда значительно сокращается доля традиционных блюд. Поэтому не случайно, что у лиц, изменивших свой социальный статус и профессию, меняется и доля повседневного и праздничного потребления традиционных кушаний. Так, в пище служащих, выходцев из рабочих, традиционные кушанья сохраняются у эрзи лишь изредка (2—4 раза в месяц), а у мокши—по праздникам (58,4%), т. е. в этой группе доминируют «городские» кушанья.

В этнографической литературе имеется мнение, что на бытование национальных кушаний оказывают влияние пол и возраст—важнейшие факторы демографической структуры этноса. Основная роль в приготовлении пищи для нужд сельской семьи принадлежит женщинам. Они значительно лучше знают традиционные, повседневные, и обрядовые блюда и готовят их. Но ведущая роль женщины проявляется нечетко, так как вопросы питания решаются на уровне семьи. Возраст также оказывает свое влияние. Лица старшего поколения являются носителями информации о народной кулинарии. Именно они передают ее молодежи. Правда, даже в семье отдельные лица пожилого возраста готовят себе специальные блюда, связанные с соблюдением религиозных постов. Этот факт нашел отражение в модели во взаимосвязях 5-го и 72-го факторов, т. е. возраста и уровня религиозности.

Через семью как микросреду этноса преломляются все изменения, происходящие в этнической общности. Она отображает основные свойства системы существующих отношений и связей. В семье создается определенная атмосфера духовной жизни.

В модели семья характеризуется взаимосвязями этнического аспекта брака с семейным положением, с составом и типом семьи. И это соответствует действительности, так как брак—предпосылка создания семьи, и от аспекта брака зачастую зависит состав и тип семьи. Этнический аспект брака включает в себя одноэтнический (мокшанский, эрзянский, русский) и двух-

этнический (мокшанско-эрзянский, мокшанско-русский и эрзянско-русский). Наиболее стабильно сохраняются традиционные кушанья в повседневном бытовании среди лиц с эрзянским браком (78,2%) и менее всего—среди лиц с мокшанско-русским (7,1%). В праздничной сфере их бытование более характерно для лиц с мокшанским браком (39,7%). Межнациональные браки способствуют проникновению интернациональных «городских» блюд.

Взаимообусловленность факторов 31 и 26 (этнический аспект брака, семейное положение) указывает на то, что основная доля повседневно бытующих традиционных кушаний приходится на лиц, состоящих в браке (у мокши—54%, а у эрзи—52%). Но наиболее устойчиво сохраняются традиционные яства в составе фактора «семейное положение» у вдов. Это женщины-одиночки пожилого возраста, мужья которых погибли в годы Великой Отечественной войны, а дети выехали на работу или учебу в города. Эта группа, по данным обследования, незначительна, но у них постоянно бывают на праздничном и будничном столе традиционные яства.

Посмотрим, в какой степени и в какой мере бытование традиционных кушаний определяется характеристиками типов семьи. Наибольшая доля традиционных кушаний наличествует в эрзянской сложной семье, которая состоит из двух брачных пар со взрослыми детьми. В целом это семья из семи и более человек. У мокши аналогичное отмечается в семьях с двумя (и более) брачными парами (родители и их семейные дети, родственники). В этих семьях городские кушанья встречаются лишь в сочетании с национальными, где последние употребляются довольно редко, 2—4 раза в месяц (у мокши—59%, у эрзи—15%). В семьях, состоящих из брачной пары с неженатыми (незамужними) детьми, ежедневно бывают народные кушанья у 12% мокшанских и 59% эрзянских семей. Здесь заметно возрастает число чисто городских кушаний (до 3%) и их роль в сочетании с народными, встречающимися, правда, лишь изредка.

Существенна роль семьи в трансформации народной пищи. В этом процессе выделяются следующие ситуации: замещение традиционных блюд городскими, взаимосочетание народных и городских, преемственность традиционных. Процесс перехода к городским кушаньям более характерен для малых мордовских семей, состоящих из брачных пар с незамужними детьми. В составе более крупных семей городские кушанья отмечаются у

мокши лишь в «прочих» семьях, а у эрзи в двух типах: «брачная пара с неженатыми детьми и один из родителей» и «семья с двумя брачными парами». Как в простой, так и в двухпоколенной и (более) семье наблюдается замена народных кушаний городскими. Не случайно поэтому, что у мокши во всех типах семьи доминирует сочетание городских и традиционных блюд, где основу питания составляют городские кушанья, а национальные бывают редко, 2—4 раза в месяц.

Интенсивность замены традиционных кушаний городскими зависит от их преемственности в современном быту. По данным исследования, преемственность национальных блюд наблюдается в пяти типах семей из семи (см. табл. 2). Среди мокши преемственность народных традиций сильнее выражена в семье с двумя брачными парами и незамужними детьми. В основном «наследуются» праздничные мокшанские кушанья. Влияние старших особенно четко наблюдается в семьях с двумя и более поколениями,примером может служить семья «брачная пара с неженатыми детьми и один из родителей». Здесь в повседневном и праздничном бытовании доля традиционных кушаний составила 64,3% и 20,9%, в прочих сложных семьях—соответственно 75% и 16%. Приведенные данные свидетельствуют о том, что среди сложных или многопоколенных семей этническая преемственность пищи более выражена.

На преемственность традиционной пищи в семье накладывают свой отпечаток экономические факторы (35, 36—сумма дохода на члена семьи и зарплата). В исследовании они представлены в виде сплоченной группы социальных факторов и обусловливаются социальным положением отдельных членов семьи. Наиболее сильное влияние на степень сохранности национального в питании мордовского народа оказывает сумма дохода на члена семьи. Так, по мере повышения суммы дохода с 20 до 140 рублей заметно понижается доля традиционных кушаний у эрзи (с 66% до 33%), при этом потребление городских кушаний увеличивается с 20 до 40% с частичным (2—4 раза в месяц) сохранением традиционных. В целом при повышении суммы дохода на члена семьи традиционные блюда все больше бытуют в сочетаниях с городскими, и последние составляют в этом случае основу питания. Эта тенденция сохраняется и у мокши.

Анализ положения языковых факторов в модели был уже упомянут в данной статье. Прослеживается сильная связь меж-

Таблица 2

Бытование традиционной пищи в различных типах семей и у одиночек

Этнические группы	Мокша									Эрзя								
Тип семьи	одиночки (жен. до 40 лет, мужчины до 45 лет)	одиночки, не имеющие детей	молодая бездетная пара	брачная пара с несовершеннолетними детьми	разведенные с несовершеннолетними детьми	один из родителей живет со взрослыми детьми	родитель живет с семейными детьми и др. родственниками	одиночки старше 40 лет, живут с родственниками	одиночки старше 40 лет	одиночки (жен. до 40 лет, мужчины до 45 лет)	одиночки, не имеющие детей	молодая бездетная брачная пара	брачная пара с несовершеннолетними детьми	разведенные с несовершеннолетними детьми	один из родителей живет со взрослыми детьми	родитель живет с семейными детьми и др. родственниками	одиночки старше 40 лет, живут с родственниками	одиночки старше 40 лет
Пища мордвы																		
Городские кушанья	0	3	17	2	2	2	1	0	1	0	2	38	1	3	0	1	1	0
Сочетание городских и традиционных блюд, где последние употребляются по большим праздникам	25	39	33	34	34	53	42	37	39	25	11	12	12	10	8		3	12
Сочетание городских и традиционных блюд, где последние употребляются 2—4 раза в месяц	75	48	33	51	52	33	45	46	48	50	31	7	27	37	22	26	64	21
Традиционные кушания бытуют постоянно	0	10	17	13	12	12	12	17	12	25	56	43	60	50	70	58	32	67

ду этнической спецификой пищи и языковой ситуацией, характеризующейся рядом признаков—степенью знания родного и русского языков, языком общения на работе, в коллективе, а также двуязычием. С ростом уровня образования существенно меняются функциональные нагрузки родного языка. Среди основной массы мордовского населения широко распространено двуязычие. В этой связи справедлив вопрос: какова же роль родного и русского языков в функционировании пищи? Их роль различна: родной язык как бы способствует цементации традиций, активно участвуя в создании микроклимата семьи. С другой стороны, проникновение русского языка способствует приобщению к интернациональной культуре, в данном случае—к городским кушаньям. Поэтому не случайно высокий процент среди употребляющих только городские кушанья приходится даже у эрзи на лиц, которые говорят на русском языке на собраниях и на работе (24,8%).

Обрядовая сфера жизни также накладывает свой отпечаток на бытование традиционной пищи. Как уже было сказано выше, обряд требует обязательных блюд, органически включая пищу в ритуал. Вместе с тем почти во всех обрядах можно выделить этнические, религиозные и общегражданские черты. Существенную роль в обрядовой пище мордвы играет этническое сознание: оно во многом определяет выбор того или иного типа обряда. Так, например, в модели фактор 63 «выбор свадебного обряда» обусловливается рядом факторов. Они следующие: 66—ориентация на тип свадьбы, 26—семейное положение, 30—тип семьи, 62—знание народных кушаний и 4—возраст. В модели фактор возраста связан с религиозностью. Это справедливо. Как указывалось выше, многие лица пожилого возраста соблюдают религиозные обряды. Это в свою очередь способствует сохранности не только обрядовых, но и общехристианских блюд в быту.

В модели наиболее сильно выражена связь фактора 63 с этническим сознанием. Судя по величине коэффициента информационных связей, это один из наиболее весомых факторов. Однако о прямой зависимости вряд ли можно говорить. Скорее она проявляется опосредствованно через языковые факторы, этническую принадлежность, семью, обряды и т. д. Поэтому не случайно, что это явление представлено в модели сплоченной группой связей вокруг 93 фактора.

Итак, моделирование позволило нам показать место пищи в системе этноса и проследить, как она обусловливается

социальными факторами и духовной жизнью. Они детерминируют функционирование пищи в системе этноса. По характеру воздействия социальные факторы располагаются двумя группами, концентрируясь вокруг сферы приложения труда и семьи. Факторы духовной жизни фокусируются в этническом сознании.

Хотя функционирование пищи во многом определяется социальными факторами и этническим сознанием, она сама выполняет важную роль этнического интерпретатора. Тесно контактируя со всеми компонентами этноса, она несет на себе их печать.

Трансформация пищи во многом зависит от социально-экономических и культурных преобразований, происходящих в стране. Эти преобразования намечают основную тенденцию дальнейшего развития пищи и связаны они с общеэтническим процессом—интернационализацией жизненного уклада социалистического общества.

1. **Григорьев И. С.** Программа для обработки этносоциологической информации Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. ИК-122, ед. хр. И-870.
2. **Динес Е. И.** Традиционная пища и домашняя утварь мордвы.—В кн.: Исследования по материальной культуре мордовского народа. Тр. ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1963, т. 86, с. 104—126.
3. **Пименов В. В.** (сост.) Мордовский этнографический вопросник. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. 54 с.
4. **Пименов В. В.** Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 263 с.
5. **Пименов В. В., Васильева Э. К., Мартьянов В. Н., Христолюбова Л. С., Шаляев Н. С.** Программа этносоциологического исследования этнических процессов в Советской Мордовии.—Тр. науч.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики. Саранск. 1978, вып. 62. с. 3—15.
6. Рабочая книга социолога/Под ред. Г. В. Осипова и др. М.: Наука, 1976. 512 с.
7. Современные этнические процессы в СССР /Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Т. А. Жданко и др. Изд. 2-е. М.: Наука. 1975. 544 с.
8. **Устинов В. А., Фелингер А. Ф.** Историко-социальные исследования: ЭВМ и математика. М.: Мысль, 1973. 325 с.

А. С. ЛУЗГИН

СОВРЕМЕННОЕ ЖИЛИЩЕ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МОРДОВСКОЙ АССР

Важной проблемой изучения современной материальной культуры села является исследование общих закономерностей и тенденций в развитии традиционного жилища, использования опыта народного зодчества в социалистическом переустройстве современных сельских поселений.

Статья написана с учетом сложившегося в этнографической науке мнения о том, что этническую специфику жилища можно выявить путем изучения его конструктивных особенностей в сравнении их с постройками этнических партнеров. Исследование проведено с помощью статистического анализа, основанного на системно-структурном подходе к этносу.

Особенность исследования явления как системы сводится к установлению характера взаимодействия между всеми ее элементами и выявлению наиболее важных причинно-следственных отношений, являющихся основой функционирования и развития всей системы (подробнее см. 1, 11, 12, 16). Наиболее действенным способом выражения характера взаимодействия между элементами системы является метод структурного моделирования. С помощью данных о силе взаимосвязи между элементами системы, в данном случае—жилища, представленных в графической форме, становится возможным постичь композицию взаимодействий этих элементов, способ их организации в систему, т. е. выявить структуру объекта. В процессе содержа-

тельного анализа структурной модели объекта достигается более глубокое и объективное познание причинно-следственных отношений, лежащих в основе функционирования и развития изучаемого явления (7, 8, 17).

С этих позиций произведен анализ современного жилища русского сельского населения Мордовской АССР, массовое выборочное этносоциологическое исследование которого, наряду с мордовским населением, было проведено сектором археологии и этнографии Мордовского НИИЯЛИЭ в 1974 году под руководством В. Ф. Вавилина (3, 4, 5)[1]. Было обследовано 600 комплексов сельских жилищ в 20 поселениях различного функционального типа. Материалы обследования были обработаны на электронно-вычислительной машине БЭСМ-4м[2].

По результатам машинной обработки информации была построена модель жилища, представляющая собой сложный комплекс связей структурных элементов жилища с социально-экономическими, географическими и прочими характеристиками. Примечательно, что одни структурные элементы жилища характерны для определенного типа личности и семьи; другие — для социально-профессиональных групп населения; третьи—для поселений различного функционального типа и т. д. Используя значение коэффициента взаимной связи как отражение силы связи между факторами, можно определить и направленность связи между подразделениями признаков, входящих в структуру модели.

Из анализа модели можно заключить, что наиболее активными выступают четыре признака: **конструктивная схема, тип внутренней планировки, состав жилища и тип застройки усадьбы**[3]. Они выделяются из всех признаков как по силе взаимосвязи (табл. 1), так и по количеству связанных с ними факторов. При этом конструктивная схема в структуре жилища выступает

---

[1] Автор принимал участие в этой экспедиции в качестве начальника одного из отрядов.

[2] Результаты машинной обработки представлены в виде таблиц (безусловных и условных распределений) и коэффициентов парной взаимосвязи каждого признака со всеми остальными.

[3] В этнографической литературе еще нет единого мнения относительно того, какие признаки жилища считать основными, специфическими, а какие — второстепенными; не решен вопрос и о том, какие факторы способствуют интернационализации современного жилища (10, 15).

как фактор, детерминирующий конструктивное содержание всей постройки. Конкретная разновидность этого признака в определенной мере обусловливает как состав жилища, тип внутренней планировки избы, так и в целом внешнюю характери-

Таблица 1

Типологическое значение признаков современного сельского жилища русских

№ п. п.	№ факторов	Признаки жилища	R
1	54	Конструктивная схема	0,181
2	83	Тип застройки усадьбы	0,170
3	61	Состав жилища	0,162
4	57	Тип внутренней планировки	0,145
5	72	Форма крыши жилого дома	0,096
6	69	Высота фундамента	0,095
7	62	Высота жилища (от пола до потолка)	0,080
8	70	Высота подклети	0,081
9	78	Расположение входа в жилище	0,080
10	63	Количество окон, выходящих на улицу	0,089
11	60	Обстановка жилища	0,073
12	71	Материал кровли жилого дома	0,068
13	66	Внешняя отделка стен	0,065
14	82	Хозяйственные постройки, находящиеся в личном пользовании	0,065
15	67	Материал стен жилого дома	0,063
16	77	Окраска наличников	0,062
17	51	Национальность строителей	0,060
18	75	Форма наличников	0,060
19	80	Связь входной пристройки с жилищем	0,059
20	56	Жилая площадь, приходящаяся на одного члена семьи	0,058
21	58	Виды отопления	0,055
22	76	Техника исполнения наличников	0,054
23	81	Наличие палисадника	0,051
24	59	Расположение жилого дома в уличной застройке	0,048

стику всего комплекса посредством связи с признаком типа застройки усадьбы. При этом зависимость состава жилища от конструктивной схемы оказывается значительной по сравнению с другими признаками модели (рис. 9). Менее активны в структуре жилища форма крыши, высота фундамента, высота жилого помещения, высота подклети, обстановка жилища и некоторые другие факторы. Анализ модели мордовского жилища характеризуется несколько другим набором типологических признаков:

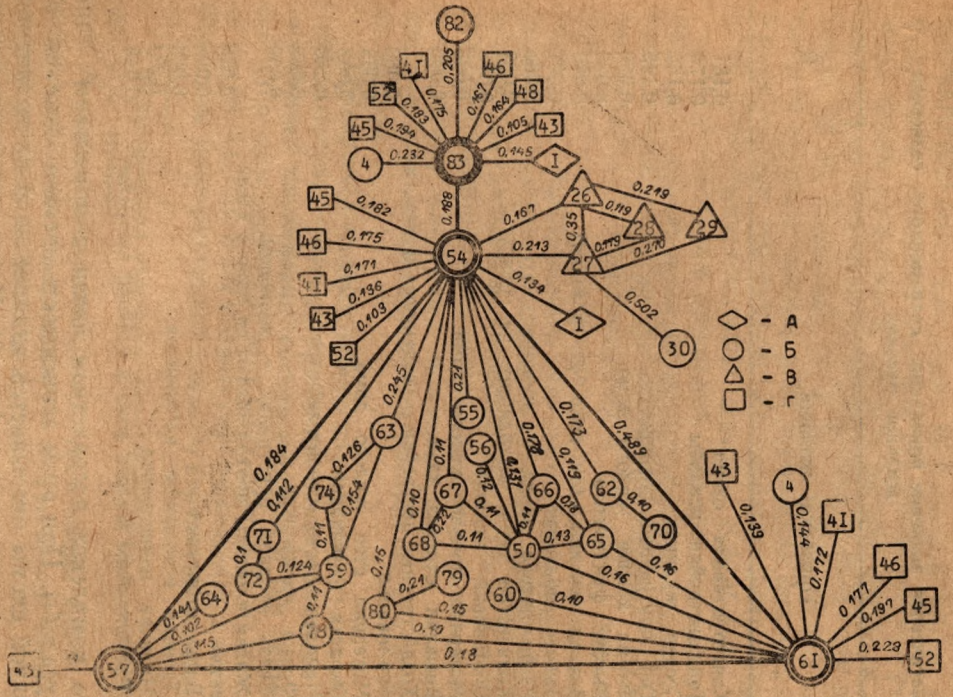

Рис. 9. Современное русское сельское жилище. Модель структурных взаимосвязей.

А—этногеографические зоны; Б—признаки жилища; В—признаки поселений, 4—функциональный тип населенного пункта, 26—тип заселения, 27—форма поселения, 28—планировочная структура населенного пункта, 29—преобладающий тип жилой застройки; Г—социально-классовые, социально-демографические характеристики личности и семьи (41—социальное положение в настоящее время, 43—социально-классовая принадлежность, 45—состав семьи, 46—количество членов семьи в настоящее время, 48—сумма дохода, приходящегося в среднем на члена семьи в месяц, 52—количество членов семьи в момент постройки (покупки) жилого дома.

мокшанское—внутренней отделкой, формой крыши, составом жилища, материалом кровли; эрзянское—составом жилища, формой крыши, типом застройки усадьбы. Можно предположить, что этническая специфика современного жилища определяется комплексом наиболее устойчивых признаков (54, 57, 61, 83). На модели четко видно (в этом одно из преимуществ моделирования), что основной признак жилища—конструктивная схема—имеет наиболее широкий спектр связей не только с элементами жилища, но и с некоторыми признаками поселений (типом заселения, формой поселения, планировочной структурой населенного пункта); социально-классовыми, социально-демографическими характеристиками личности и семьи.

Современное сельское жилище русских Мордовской АССР подразделяется на три основные конструктивно-плановые схемы: изба—сени (И—С)—35,5%, изба—сени—изба (И—С—И)—18%, изба—изба—сени (И—И—С)—30%. Чуть более 16% составляют прочие типы жилища.

Четырехстенки распространены у сельских жителей старших возрастных групп с невысоким социально-профессиональным положением, в простых однопоколенных семьях из 1—2 человек. Наибольший процент четырехстенок в серединной этногеографической зоне[1]. Наибольший процент домов типа И—С—И отмечен в западной зоне (28%).

Пятистенки бытуют у квалифицированных работников преимущественно физического труда, а также у служащих и сельской интеллигенции. Наиболее высок процент пятистенных домов в восточной зоне (33,7%).

В постройках последних лет увеличивается процент более сложных жилищ (крестовиков и полукрестовиков), характерных для трехпоколенных семей, состоящих из 5—7 человек. В основном они распространены в пригородных селениях. Так, в селе Берсеневка из домов, построенных после 1956 г., жилища указанных конструкций составляют 23%.

Значительный процент застройки несельскохозяйственных поселений в сельской местности составляют дома квартирного и барачного типов.

---

[1] С учетом этнического состава населения, направления экономического развития региона (в том числе меры его урбанизированности) территория Мордовии весьма четко делится на четыре зоны: западную, южную, серединную и восточную (13, с. 12).

Примечательно, что конструктивная схема определяет состав жилища. Так, для жилищ конструктивной схемы И—С наиболее характерно выделение кроме передней комнаты кухни (52,2%). Высок процент четырехстенок без деления на комнаты. Для жилищ развитых конструктивных схем характерно более сложное деление (табл. 2).

Таблица 2

Зависимость состава жилища от конструктивной схемы, %

Конструктивная схема жилища	Состав жилища						
	передняя	передняя-кухня	передняя-горница	передняя-кухня-спальня	передняя-кухня-зал (горница)	передняя-кухня-зал (горница) спальня	Более сложное деление
И—С	28,4	52,2	—	19,4	—	—	—
И—С—И	—	5,0	40	13,5	12,4	29,1	—
И—И—С	—	2,3	48,7	1,7	22,8	24,5	—
Прочие	—	—	—	—	7,6	15,4	77,0

Конструктивная схема жилища имеет тесную связь и с количеством окон, выходящих на улицу ($R=0,245$). Она же существенным образом определяет высоту этажа, подклети и фундамента, которая значительно варьирует по территории. Так, если по всему региону у 82% жилищ высота подклети не превышает 40 см, то в западной части этот показатель значительно выше среднего. В большей степени это относится к жилищам Теньгушевского, Зубово-Полянского и Темниковского районов. Например, у 44% обследованных жилищ д. Новая Качеевка Теньгушевского района высота подклети составляет от 80 см до 1 м, у 24% — более метра. В южной части республики преобладает жилище с подклетью высотой до 20 см (61%), т. е. тенденция уменьшения высоты подклети с северо-запада на юго-восток очевидна. Конструктивная схема жилища имеет сильную прямую связь с внешней отделкой стен (тесовая обшивка, штукатурка и т. д.). Например, наиболее характерны полная обшивка стен для жилища И—С—И, И—И и И—И—С (соответственно 48,2; 46,1 и 45,8%) и в меньшей степени — для двухкамерных жилищ (28%). Из других видов отделки выделяется сплошная обмазка (штукатурка) стен, более характерная для жилищ типа И—С (12%).

Внешняя отделка стен коррелирует с внутренней отделкой дома и зависит как от конструктивной схемы жилища, так и от некоторых других факторов.

На характер отделки существенное влияние оказывает время возведения жилища. Закономерно, что последний фактор оказывает воздействие и на конструктивный тип жилища. Причем анализ жилищ по годам постройки выявляет тенденцию увеличения процента пятистенных домов при сокращении числа четырехстенок. Так, 34% домов постройки после 1956 года составляют жилища типа И—И—С, 20%—И—С—И и 25%—И—С.

Конструктивная схема определяет и жилую площадь (табл. 3).

Таблица 3

Зависимость жилой площади от конструктивной схемы дома, %

№ п. п.	Конструктивная схема	Суммарная жилая площадь (кв. м)					
		до 20	21—25	26—35	36—45	46—55	более 56
1	И—С	20,3	25,1	32,7	18,6	0,90	2,4
2	И—С—И	0,93	3,6	24,5	43,8	18,6	9,3
3	И—И—С	1,1	3,3	30,0	36,1	20,9	8,6
4	И—И И—С	—	—	—	—	15,4	84,6

Как видно из таблицы, по мере усложнения конструктивной схемы жилища увеличивается и его суммарная площадь.

Характерно, что развитие современного сельского дома происходит не только за счет возведения прирубов к однокамерным жилищам и строительства пятистенок, крестовиков и полукрестовиков, но и путем включения холодных пристроек в дополнительную жилую площадь на летний период. Если раньше открытое крыльцо и сени служили в основном лишь для связи жилых помещений с двором, то сейчас можно встретить дома с застекленными верандами и открытыми террасами, которые летом служат местом для отдыха и сна, а зимой используются в качестве дополнительной кладовой. Количество жилой площади связано с конструктивным решением жилища и временем постройки дома.

Жилая площадь современного сельского жилища определяется также социально-классовой принадлежностью, профессиональным статусом, составом и величиной семьи и имеет тенденцию к увеличению. Например, у 60% сельских жилищ полезная

площадь колеблется от 21 до 40 кв. м, у 20% жилищ — более 41 кв. м.

У одиночек пожилых возрастных групп, а также в малых семьях преобладают дома площадью 21—25 кв. м.

Некоторые различия в величине жилой площади наблюдаются по этногеографическим зонам. Так, 39% домов в южной этногеографической зоне имеют полезную площадь от 26 до 35 кв. м, в западной части республики 36% жилищ имеют площадь от 36 до 45 кв. м, а в серединной зоне высок процент домов, жилая площадь которых составляет более 56 кв. м. Для возведения современных жилищ используются ранее не применявшиеся строительные материалы: бетон, шлак, кирпич и природный камень; в связи с этим строительная техника обогащается новыми конструктивно-технологическими приемами.

Для современного сельского жилища характерны три формы крыши: четырехскатная, трехскатная, двухскатная. Наиболее распространенной является двухскатная—под шифер и железо. В западной части республики, где в качестве кровельного материала используется тес, драньи особенно щепа (24%), наряду с двухскатными бытуют и четырехскатные крыши (соответственно 49 и 46%). Конструкция абсолютного большинства крыш—стропильная (98%). Построение динамических рядов по методу отнесения формы крыш к годам постройки жилищ показывает устойчивую тенденцию вытеснения четырхскатных крыш двухскатными. Основными кровельными материалами сельских жилищ являются шифер, железо и дерево (табл. 4).

Таблица 4

Этногеографические зоны	Материал кровли, %					
	Шифер	Железо	Толь, рубероид	Тес, дрань, щепа	Солома	Черепица
Западная	30,6	39,7	1,4	24,2	4,1	—
Южная	57,0	24,4	5,7	7,3	4,1	1,5
Серединная	41,7	47,3	4,4	—	6,6	—
Восточная	54,0	38,0	1,2	5,6	1,2	—

Выбор материала кровли современного жилища в значительной степени обусловливается уровнем урбанизации и направленностью социально-экономического развития региона.

Другой определяющий фактор в структуре современного дома—состав жилища—имеет также довольно разнообразные взаимообусловленные связи. С увеличением жилой площади, прихо-

дящейся на члена сельской семьи, с повышением общей культуры сельских жителей претерпевает изменения и состав жилища, наблюдается тенденция к более рациональному использованию жилой площади за счет сооружения перегородок. Усложнение состава жилища позволяет отделить кухню от жилой части помещения, где в свою очередь выделяется несколько изолированных комнат. Например, в 51,5% двухкамерных жилищ, как мы видели в табл. 2, выделяется кухня, а также передняя, кухня и спальня. Деление четырехстенка на три комнаты наиболее характерно для крупных населенных пунктов, поселений, прилегающих к городам, в жилищах рабочих, служащих и в меньшей степени—колхозников. Современная сельская семья стремится выделить отдельные спальни для детей и родителей.

Существенно важна связь состава жилища с одним из устойчивых этнических элементов жилища—его обстановкой. По материалам обследования, почти в 27% домов сельских жителей отмечаются предметы традиционной обстановки: полати, самодельная мебель, неподвижные полки, посуда и т. д. Уместно отметить, что уровень традиционной обстановки в жилищах мордвы значительно выше. В эрзянских, например, она составляет 52% (6, с. 20). При этом традиционные черты быта более характерны для семей колхозников, проживающих в жилищах традиционного сельского типа (И—С, И—С—И), для сложных семей, а также для пожилых женщин-одиночек. Характер традиционности обстановки в некоторой степени зависит от бюджета семьи, но в большей—от времени возведения жилых построек. Например, элементы традиционного быта характерны для домов довоенной постройки и четко видна тенденция к их замене городской обстановкой. Отдельные предметы традиционного быта отмечаются и в домах, возведенных в последнее десятилетие. Характерно, что традиционная мебель перемещается сейчас в заднюю половину дома, а иногда выносится в сени или на веранду. Большая часть таких предметов уже не выполняет своей функциональной нагрузки, а сохраняется лишь по традиции, что в какой-то мере отражает степень инертности крестьянского быта.

В целом меблировка сельского жилища претерпела значительные изменения и в настоящее время приближается к обстановке городских квартир. Развитие современных форм интерьера происходит посредством внутренней отделки дома. Наиболее характерным является окраска пола, обшивка потолка, окраска его белилами, штукатурка, чаще оклейка обоями стен.

Отмечаются и другие виды внутренней отделки жилищ (табл. 5).

Все это в значительной степени отражает возвосший уровень эстетических потребностей сельских жителей.

Таблица 5

Внутреняя отделка домов, %

Окраска пола, окраска (побелка) стен, потолка	Окраска пола, штукатурка (оклейка обоями) стен	Окраска пола, потолка	Окраска стен пола,	Окраска (оклейка обоями, штукатурка) стен	Окраска пола	Без отделки
37,8	45,6	3,4	3,9	4,4	1,7	3,2

Связь входной пристройки с жилищем взаимообусловливается конструктивной схемой дома и определяется ее конструкцией. Как видно из таблицы 6, для более развитого состава жилища характерна более сложная связь.

Таблица 6

Взаимосвязь состава жилища с конструкцией входной пристройки, %

Состав жилища		Связь входной пристройки с жилищем			
		1	2	3	4
И—С	Передняя	3,2	66,1	22,7	8
	Передняя—кухня	—	69,2	25,7	5,1
	Передняя—кухня—спальня	—	46,8	48,8	4,4
И—С—И	Передняя—зал (горница)	1,9	24,2	72,7	1,2
И—И—С	Передняя—кухня—зал (горница)	—	16,6	77,6	5.6
	Передняя—кухня—зал (горница)—спальня	1,3	19,2	70,5	9

1. Входная пристройка—жилая изба
2. Входная пристройка—сени—жилая изба
3. Входная пристройка—коридор—жилая изба
4. Входная пристройка—коридор—сени—жилая изба

Наиболее распространенными конструкциями входа в современном сельском жилище являются крыльцо, крыльцо-веранда, крытый навес и простые ступеньки перед дверью. Кон-

струкция входа в виде ступенек преобладает в южной этнографической зоне, на остальной территории подобный тип конструкции является бытующим. Конструкция в виде крыльца характерна для восточной зоны и составляет значительный процент (43%) в западной зоне, где наиболее высокий процент конструкций типа крыльцо-веранда (15%).

Системный анализ позволяет установить зависимость конструкции входной пристройки от высоты фундамента, подклети, типа жилища, расположения жилища в уличной застройке.

Например, ступеньки, наиболее распространенные в южной зоне, характерны для четырехстенных жилищ на низком фундаменте и подклети, расположенных параллельно улице. Крыльцо-веранда более типичны для двухкамерных жилищ. В домах более развитых конструктивных решений построек последних лет четко наблюдается тенденция вытеснения ступенек конструкциями в виде крыльца, а также крыльца-веранды. Сени заменяются удлиненным коридором.

Для современного русского жилища характерна среднерусская планировка (72,2%), отмечается также западнорусская (22,8%), южнорусская встречается значительно реже (5%).

Важно отметить, что характер внутренней планировки обладает слабыми связями с типологическими признаками сельского жилища. Наиболее сильная связь отмечается с конструктивным решением и составом жилища, более слабая—с такими признаками, как социально-классовая принадлежность семьи, расположение дома и входа в жилище по отношению к улице.

Так, среднерусская планировка наиболее распространена в избах типа И—С—И (70%), западнорусская и южнорусская—в избах более сложной конструкции (крестовиках—30,7%). Среднерусская планировка в большей степени отмечается в жилищах, расположенных параллельно уличной застройке (72%), а западнорусская—перпендикулярно ей.

Определенная зависимость отмечается между внутренней планировкой и расположением входа в жилище. Так, жилища, в которых вход устраивается с задней стороны, имеют среднерусскую планировку; если вход в одной из боковых стен—западнорусскую. Имеется сильная связь планировки жилища с количеством окон, направленных к устью печи. Среднерусская планировка в большей степени сохраняется в домах колхозников, западнорусская—в жилищах рабочих, служащих и в меньшей степени—колхозников (преимущественно в пригородных зонах). Так, в п. Первомайском, где преобладающее население—рабо-

чие мясокомбината, западнорусская планировка жилищ составляет 36%, а в с. Берсеневка—46%. Широко распространенная в традиционном жилище среднерусская планировка довольно устойчива в жилищах колхозников. В целом же отмечается некоторое сокращение процента жилищ со среднерусской планировкой и замена ее западнорусской, особенно в жилищах сложной конструкции последних лет застройки.

Значительные изменения претерпела система отопления жилища. Для обогрева жилых комнат служат голландки, подтопки. В настоящее время под городским влиянием во многих семьях сельской интеллигенции, а также рабочих устраивается водяное отопление жилой избы. Котел для подогрева воды вмазывается в русскую печь и вода под создавшимся давлением циркулирует по трубам и батареям, равномерно обогревая комнаты. Подобный вид отопления наиболее распространен в серединной зоне, где составляет более 15%.

Расположение различных по конструктивным схемам жилищ относительно улицы определяют количество окон в фасадной стене, поэтому у жилищ типа И—С и И—С—И, обращенных фронтоном к улице, плоскость декоративного оформления больше. Украшаются не только наличники, но и карниз и его тимпан. Для пятистенных жилищ более характерно украшение наличников резьбой, а также резьба карниза. Встречаются два взаимоисключающих друг друга фактора: либо постановка дома параллельно уличной застройке, либо постановка его перпендикулярно—в этом случае появляется больше возможностей его декоративного оформления.

Внешний декор зависит от внешней отделки жилища, образуя единую декоративную композицию дома. Так, украшения наличников, карниза, фронтона дополняет тесовая фигурная обшивка стен дома, а также плоскости фронтона.

Для жилищ, построенных в последние 10—15 лет, характерна окраска наличников и обшивка стен дома. Для накладных украшений в сочетании с пропиловкой более характерна полихромная окраска (2—3 цвета). Накладные украшения обычно имеют монохромную окраску. Пропиловочная резьба, как и глухая, в основном бытует без окраски.

Наиболее богатый внешний декор жилищ в серединной зоне. Это достигается сочетанием украшений наличников, карниза, фронтона и т. д., пропиловкой и накладной резьбой в сочетании с внешней отделкой стен, где сплошная тесовая, простая или фигурная обшивка стен дома составляет 45%. Здесь более

половины домов имеют полихромную окраску. Это, на наш взгляд, объясняется близостью города, возросшими эстетическими запросами и материальными возможностями людей, а также учетом их практических целей. Такой процесс отмечается с различной интенсивностью по всей территории республики. Анализ характера надомных украшений по годам постройки жилищ обнаруживает довольно устойчивую тенденцию замены глухой и накладной резьбы пропиловкой в сочетании с накладной резьбой. При этом центр украшений переносится на фронтон, который становится основой всей композиции. Мотивами пропильной резьбы являются растительные и геометрические узоры, стилизованные изображения фигурок людей, животных. Современная тематика—серп и молот, пятиконечная звезда, ракеты, спутники, силуэты башен Московского Кремля—исполняются в основном в виде накладной резьбы.

Наиболее широкое распространение пропильная резьба получила в северо-западной части республики с ядром в Теньгушевском районе, примыкающем к богатым художественными традициями Горьковской и Рязанской областям. Здесь используются большие возможности пропиловки, позволяющие шире воплощать богатство орнаментальных мотивов. Неистощимая фантазия теньгушевских, качеевских, виндреевских, старогородских плотников позволяет создавать множество оригинальных рисунков, фантастических и реальных образов, в богатстве которых отражаются непосредственные наблюдения над окружающей действительностью и природой, быт, поэтические стремления и творческая фантазия народа.

В восточной части республики (особенно в Ардатовском районе) значительное место во внешнем декоре занимают украшения, изготовленные на токарных станках: кронштейны, колонки, шары. Часто точеные украшения встречаются в сочетании с другими видами резьбы. Нужно сказать, что такие украшения не локализуются здесь, а распространены и в юго-западной части Чувашской АССР (9, с. 148).

Одним из новых элементов декора русского сельского жилища республики является просечное железо. Наиболее широко украшаются им печные и водосточные трубы, реже—гребни фронтона и крыльца.

Воронки водосточных труб и гребни фронтонов украшаются ажурным просечным орнаментом из одинаковых по размеру, симметрично расположенных прорезей.

В целом следует сказать, что дома постройки 60—70-х годов украшены традиционной резьбой значительно богаче, чем построенные в 30—50-е годы, что указывает на возрождение традиций декоративного оформления сельского жилища и введение новых мотивов, получающих в дальнейшем традиционное воплощение. Этот процесс отмечается также по другим сопредельным территориям (2, с. 96—103; 14, с. 10—19).

Анализ взаимодействия признаков, вошедших в модель, раскрывает интересный характер взаимосвязей типа застройки двора с составом хозяйственных построек. Социально-экономические пребразования, происшедшие в деревне, значительно изменили планировку усадьбы, обусловили развитие нового ее типа, более соответствующего хозяйственно-бытовому укладу современной сельской семьи. В то же время значительно сократилось количество хозяйственных построек, изменилось их расположение. Отпала необходимость в постройках, характерных для натурального типа хозяйства, исчезли постройки для сушки и переработки зерна, отошли в прошлое кустарные и ремесленные мастерские, помещения для хранения инвентаря и содержания лошадей. Другие постройки утратили свое традиционное значение, например, на усадьбе имеются конюшни, но они выполняют другую функцию—служат для содержания коров, молодняка; амбары выполняют функции кладовок и почти не используются для хранения зерна и т. д. Причем, как справедливо отметила Н. В. Шлыгина, изменение количества и назначения надворных построек связано с изменением функций основного жилого помещения (18, с. 147).

Для комплексов современного русского жилища характерны открытые, сомкнутые, замкнутые и полусвободные типы застройки усадьбы.

Открытая застройка усадьбы встречается в южной этногеографической зоне (33%), бытует в серединной и восточной зонах. Наибольший процент сомкнутых застроек составляют однорядный, двурядный и глаголеобразный типы связей. Сомкнутые застройки отмечены в серединной и восточных зонах (соответственно 29 и 26%). Замкнутые типы застроек широко бытуют в западной зоне (22%). Широко распространенная в конце XIX в. покоебразная крытая застройка в современной деревне составляет всего 1,5%. Но при замкнутых типах застроек отмечается функционирование покоеобразных связей с открытым двором (15%).

Почти 19% составляет полузамкнутая двурядная связь, вероятно, более полно воплотившая в себе традиционные двурядные и покоеобразные типы.

Сокращение дворовых построек привело к образованию двурядной усеченной формы связи. Широко распространился вариант глаголеобразной застройки, который можно назвать ложноглаголеобразным, образовавшимся из покоеобразной связи, утратившей часть хозяйственных построек в боковой части двора. В целом наиболее распространенным типом связи является глаголеобразный, составляющий в современной застройке более 26%. На наш взгляд, глаголеобразный тип застройки двора наиболее перспективен, так как отвечает запросам жителей современной деревни: при значительном сокращении дворовых построек обеспечивает максимально удобное их использование. Системный анализ показывает, что тип застройки усадьбы находится в зависимости от типа жилища, его расположения в уличной застройке, состава хозяйственных построек.

В зависимости от количества строений выделяются полный (комплекс № 1), средний (комплекс № 2) и неполный (комплекс № 3) составы хозяйственных построек (5, с. 12). Полный состав наиболее распространен в западной этногеографической зоне (30%), в мелких сельскохозяйственных пунктах (46%), характерных для жилых домов типа И—С—И (35%)—32%, при замкнутых застройках усадьбы и покоеобразной связи. Он распространен у колхозников (70%) и характерен для 2—3-поколенных семей. Например, в д. Новая Качеевка 36% всех дворов колхозников имеют полный состав хозяйственных построек —сараи, вышки для сена, конюшни (тепляк для коровы), амбары, бани и т. д.

Средний состав хозяйственных построек, распространенный в равной мере в западной и восточной зонах, характерен для четырехстенок и пятистенок (соответственно 35 и 36%), при замкнутых и полусвободных типах застроек. Данный состав встречается у колхозников (54%) и сельских рабочих (36%) с высоким социально-профессинальным и образовательным уровнем (как правило, сельские механизаторы и прочие квалифцированные работники преимущественно физического труда) и распространен в двухпоколенных семьях, при величине семьи 4—5 человек. Неполный состав хозяйственных построек широко отмечен в серединной зоне (50%); в восточной и южной зонах он составляет по 45%; такой состав характерен для четырехстенных жилищ и домов квартирного типа.

Таким образом, тип застройки усадьбы в значительной степени сохраняет традиционные черты. Состав хозяйственных построек и характер их связи с жилищем обусловливается уровнем экономического развития региона, социально-классовой принадлежностью, социально-профессиональным статусом, величиной и составом семьи, а также конструктивной схемой дома.

В советское время с коренным преобразованием социально-экономических отношений произошли изменения в сельском жилище. С помощью метода моделирования стало возможным рассмотреть жилище исследуемого региона под новым углом зрения—как определенного вида целостность, единство которой конкретизируется через установление упорядоченных связей между ее элементами, и определить существенные тенденции, лежащие в основе ее функционирования как целостного объекта. Данный анализ позволяет выявить наиболее стойкие типологические признаки сельского жилища (в нашем случае это конструктивная схема, тип внутренней планировки, состав жилища и тип застройки усадьбы) и определить факторы, существенно влияющие на их бытование. Наиболее четко прослеживается взаимосвязь выделенных признаков с этнической территорией, типом населенного пункта, важную роль играют социально-профессиональные и социально-демографические характеристики семьи.

Значительный интерес представляют внутриструктурные связи, позволяющие сделать вывод о том, что, сохраняя ряд традиционных элементов, современный сельский дом коренным образом отличается от старой крестьянской избы. Он как по форме, так и по содержанию отвечает новым социально-экономическим условиям, более высокому культурному уровню сельских жителей.

* * *

1. **Бессмертный Ю. Л.** Некоторые вопросы применения математических методов в исследованиях советских историков.—В кн.: Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972, с. 3—14.
2. **Бусыгин Е. П., Зорин Н. В.** Декоративное оформление русского сельского жилища в Чувашской и Татарской АССР.—Сов. этнография, 1974, № 3, с. 96—103.
3. **Вавилин В. Ф.** Этносоциологическое исследование сельского поселения. Вопросник-1. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974. 22 с.
4. **Вавилин В. Ф.** Этносоциологическое исследование сельского жилища. Вопросник-2. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974. 42 с.
5. **Вавилин В. Ф.** Инструкция по заполнению «Вопросников» для этносоциологического исследования сельского поселния и жилища. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1974. 28 с.

6. **Вавилин В. Ф.** Сельские поселения и жилище мордвы на территории Мордовской АССР (опыт комплексного типологического анализа). Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1977. 25 с. В надзагл.: Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.
7. **Етоева З. И.** К проблеме этнического своеобразия традиционного жилища вепсов, карелов и русских Межозерья.— Сов. этнография, 1977, № 1, с. 85—93.
8. **Етоева З. И.** Жилище вепсов (1900—1960 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1978. 28 с. В надзагл.: Ин-т этнографии им Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР.
9. **Зорин Н. В.** Декоративное оформление сельского жилища у русского населения Чувашской АССР. Географ. сб. Казан. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1967, вып. 2, с. 140—149.
10. **Липинская В. А.** Типы застройки усадьбы русского населения Западной Сибири. Сов. этнография, 1975, № 5, с. 31—41.
11. **Мамчур Е. А.** Некоторые аспекты системного исследования.—В кн.: Кибернетика и современное научное познание. М.. 1967, с. 130—149.
12. **Пименов В. В.** Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977. 250 с.
13. **Пименов В. В., Васильева Э. К., Мартьянов В. Н., Христолюбова Л. С., Шаляев Н. С.** Программа этносоциологического исследования этнических процессов в Советской Мордовии.—Труды Мордов. научн.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики. Саранск, 1978, вып. 54, с. 3—15.
14. **Рождественская С. Б.** Украшения народного жилища Пензенской и Ульяновской областей.—В кн.: Полевые исследования Института этнографии. М., 1975, с. 10—19.
15. **Чижикова Л. Н.** Изучение сельского жилища восточных славян. Итоги и задачи классификации.—Сов. этнография, 1976, № 4. с. 27—41.
16. **Устинов В. А., Фелингер А. Ф.** Историко-социальные исследования: ЭВМ и математика. М.: Мысль. 1973. 325 с.
17. **Шкляев Г. К.** К характеристике современных сельских поселений Удмуртской АССР.—В кн.: Этнокультурные процессы в Удмуртии. Ижевск, 1978, с. 20—36.
18. **Шлыгина Н. В.** О принципах классификации построек в историко-этнографическом атласе народов Прибалтики.—В кн.: Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976—1977 гг.: Тезисы докладов. Ереван, 1978, с. 146—147.

В. Ф. ВАВИЛИН

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ МОРДОВСКОЙ АССР

Современный этап развития народного хозяйства характеризуется значительными сдвигами в структуре расселения Мордовской АССР. Идет процесс роста городов и городского населения при сокращении числа сел и сельского населения. Поэтому вопросы управления расселением представляются чрезвычайно актуальными.

В настоящее время заметен растущий интерес к решению этой проблемы со стороны целого ряда научных дисциплин — экономики и социологии, географии и этнографии, демографии, архитектуры и др. Каждая из этих наук связана с традиционно свойственным ей кругом знаний, со своим подходом и методами исследования. Потребность системного анализа широкого круга областей научных знаний, начиная от социальных основ регионального расселения и кончая архитектурой сельского жилища, становится все более необходимой.

Теоретическое обоснование иерархии систем расселения предполагает формирование определенного ряда специфических задач с конкретными искомыми характеристиками и составом исходной информации. Сельское расселение включает пространственную организацию объектов низшего, среднего и высшего уровня, отличающихся по своим масштабам и структуре.

В первом приближении модели иерархии системы расселения могут быть представлены следующим образом:

1. Подсистему микроуровня образуют первичные жилые ячейки сельского расселения—жилые дома, непосредственно связанные с реальными формами жизнедеятельности человека и подверженные изменениям на сравнительно коротких отрезках времени. Мобильность этой подсистемы определяется сравнительно небольшими капитальными затратами и временем ее формирования, что позволяет оперативно учитывать в управлении постоянно меняющиеся социально-классовые, демографические и бытовые характеристики сельских семей. Конкретные социологические исследования изменений в их структуре являются важным фактором в управлении сельским расселением на этом уровне.

2. Подсистему среднего уровня образуют отдельные сельские поселения, которые имеют совершенно иную хронологию взаимосвязи социальных и пространственных элементов. Сельское поселение как элемент расселения характеризует определенный этап развития и отражает социальные процессы и явления, складывающиеся в течение многих десятилетий. В силу большей инерции эта подсистема достаточно медленно реагирует на изменения социальных и производственных структур.

3. Подсистему макроуровня образуют групповые системы сельских поселений, рабочих поселков и городов различного ранга и статуса, циклы развития которых соответствуют масштабам становления новой структуры производственных сил и смены общественно-экономических формаций. В них отражаются социальные процессы и явления, складывающиеся в течение столетий. Пространственные системы макроуровня в силу своей капитальности формирования менее динамичны и гораздо медленнее реагируют на изменения социально-экономических условий.

Разумеется, что для решения методических задач управления сельским расселением необходим комплексный подход с привлечением таких отраслей науки, как региональная социология, экономика и организация сельскохозяйственного производства, география, этнография и архитектура, районная планировка и гигиена населенных мест.

Для выполнения этих сложных научных задач необходимо располагать детальными сведениями о существующем жилом и производственном фонде исследуемого региона, об общих показателях и типичных чертах сельских поселений, их территориальной группировке, составе, структуре и движении населения; национальных и местных традициях в планировке и за-

стройке населенных пунктов и др. Наиболее подходящим в данном случае представляется стандартизированный метод сбора информации при помощи приводимого ниже рабочего инструментария «Сельское расселение Мордовской АССР», составленного с целью исследования региональных различий в современном сельском расселении ресбублики. Он заполняется по данным колхозно-совхозной отчетности, производственных книг сельских советов (форма № 1 похозяйственного учета), по материалам инспектуры государственной статистики сельских районов и Всесоюзных переписей населения, а также путем непосредственного наблюдения.

Вопросы-признаки в инструментарии исследования имеют однозначный ответ «да» или «нет» и фиксируются путем подчеркивания шифра соответствующего подразделения признака. Собранная и закодированная информация может быть обработана на ЭВМ.

Массовое исследование современного сельского расселения Мордовской АССР можно провести выборочно, путем отбора сельских районов и отдельных поселений посредством районированной механической выборки. Выборочный метод исследования, основанный на математической теории вероятности, позволяет получить не только представительные данные о генеральной совокупности, но и заранее произвести как расчет необходимого объема выборки, так и определить величину ожидаемой ошибки репрезентативности исходя из конкретных условий выборки.

Сельское расселение представляет собой сложный объект исследования, находящийся в процессе непрерывного изменения и развития. Достаточно сложны и многообразны связи элементов расселения с социально-экономическими, историческими, хозяйственными, физико-географическими и прочими характеристиками. Понять эту сложную систему взаимосвязанных явлений, разобраться в условиях и закономерностях развития позволит системный анализ полученной информации, обработанной методами математической статистики на различных уровнях изучения эмпирических данных—условных и безусловных распределениях признаков, корреляции признаков—по значениям коэффициентов информации, корреляции подразделений признаков—по значениям коэффициентов ассоциации и др.

Системный анализ информации позволит выяснить особенности функционирования современного сельского расселения Мордовской АССР как целостной системы. Это в свою очередь

даст возможность произвести его аналоговое моделирование, то есть представить расселение в виде знаковых моделей—табличных, матричных или графических, анализ которых позволит определить совокупность параметров, определяющих состояние, строение и динамику сельского расселения республики.

Теоретическая сторона исследования заключается в установлении закономерностей развития сельского расселения, выявления причин, создающих его региональные различия. Принципиально важными представляются оценки его состояния, соответствия современным и перспективным требованиям хозяйства; выявление его положительных и отрицательных сторон, жизненных и устаревших форм. Анализ, на наш взгляд, позволит понять, какие явления в области расселения целиком относятся к историческим наслоениям, существующим в силу инерции. В современном сельском строительстве, планировке сельских поселений, в формировании перспективных типов сельского расселения должны быть учтены прогрессивные народные традиции. Небезинтересно выявить и влияние особенностей расселения на современные этнические и культурно-бытовые процессы в регионе.

Все это вместе взятое даст возможность отработать методику определения перспективности сельских населенных мест; обосновать наиболее рациональные функции, размеры, число и конкретный выбор поселков, предназначенных для перспективного развития, с учетом их места и роли в системе расселения; произвести комплексное районирование сельского расселения с отработкой типов и форм внутрихозяйственного расселения; выявить наиболее оптимальные связи сельских поселений с городами при всестороннем учете региональных особенностей и конкретных местных условий—социальных, экономических, природно-климатических, национально-бытовых и др.

При разработке инструментария исследования использован методический опыт, накопленный в Институте этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, а также учитывались научно-теоретические разработки советских этнографов и этносоциологов—Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромлея, С. И. Брука, Е. П. Бусыгина, М. В. Витова, И. В. Власовой, В. И. Козлова, В. В. Пименова, Л. Н. Терентьевой, Н. В. Шлыгиной и др.; географов—В. С. Валова, В. Г. Давидовича, С. А. Ковалева, Н. И. Ляликова, В. В. Покшишевского, В. И. Сухова, Б. С. Хорева; архитекторов и искусствоведов—А. В. Иконникова, В. С. Рязанова, С. Хан-Магомедова, Ю. С. Яралова и других исследователей.

СОВРЕМЕННОЕ СЕЛЬСКОЕ РАССЕЛЕНИЕ МОРДОВСКОЙ АССР

ИНСТРУМЕНТАРИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сельский район

Населенный пункт

I. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПОСЕЛЕНИЯ

ОБЩИЕ ДАННЫЕ

(История возникновения, происхождение названия поселения и т. п.)

1. ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП

Село	01
Сельцо	02
Деревня	03
Выселок	04
Починок	05
Кордон, хутор	06
Колхозный, совхозный поселок	07
Лесопромышленный, пристанционный поселок	10
Иной тип поселения (указать)	11

2. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП

Административный центр района	01
Центральная усадьба	02
Отделение	03
Бригадный поселок, не имеющий «собственной» обособленной производственной базы	04
Агроиндустриальный поселок, соединяющий сельскохозяйственное и промышленное производство	05
Сельский несельскохозяйственный населенный пункт (лесопромышленный, пристанционный поселок и т. п.)	06
Поселение учреждений здравоохранения, просвещения, отдыха и т. п.	07
Сезоннообитаемый населенный пункт, вахтенный поселок и т. п.	10

3. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ХОЗЯЙСТВА

Колхоз 01
Совхоз 02
Государственное лесное хозяйство, предприятие и т. п. 03

4. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ К ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ФУНКЦИИ ПОСЕЛЕНИЯ

Административно-управленческие (советские, государственные органы управления, планирования, партийного руководства и т. д.) 01
Обслуживающие (учреждения, обслуживающие во многих отношениях население окрестных населенных пунктов) 02
Производственные (РТС, МСО, ПМК, маслозавод, заготпункт и т. п.) 03
Транспортно-распределительные (автостанция, автовокзал, автозаправочная станция и т. п.) 04
Административно-управленческие и обслуживающие 05
Обслуживающие и производственные 06
Перечисленные функции в совокупности 07
Поселение дополнительных к хозяйственным функций не выполняет 10

5. ЛЮДНОСТЬ

(Количество постоянного населения, чел.)
До 10 01
11—100 02
101—200 03
201—500 04
501—1000 05
1001—2000 06
Более 2000 07

6. ВЕЛИЧИНА

(Количество жилых построек)
1—5 01
6—50 02
51—200 03
201—500 04
Более 500 05

7. ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ В ЛАНДШАФТЕ

(Относительно элементов рельефа, речной, овражно-балочной сети и т. п.)

Нарисовать схематический план

Приречное (на берегу реки)	01
Долинное (в долине реки, на ровной, более или менее широкой надпойменной террасе)	02
Придолинное (на высоком борту речной долины, на яру)	03
Овражно-балочное (вдоль оврагов, на склонах, днище, отвершках крупных балок)	04
Приводораздельное (на водоразделе бассейнов рек, на местных повышениях, сухих хорошо дренированных участках)	05

8. ФОРМА, ПЛАНИРОВКА

Нарисовать схематический план

Подчеркнуть подтип, вариант

Беспорядочная (кучевая, гнездовая)	01
Рядовая (изогнутая, прерывистая)	02
Уличная (изогнутая, подковообразная, линейная)	03
Замкнутая (центрическая, эксцентрическая)	04

Концевая (линейно-лучевая, радиальная, диагональная) 05
Квартально-уличная (полуквартальная, квартальная) 06
Плановая, проектная 07
Смешанная, переходная 10

9. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ФОРМЕ ПОСЕЛЕНИЯ. НАПРАВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Нарисовать схематический план

Развитие поселения в длину 01
Развитие поселения в ширину 02
Развитие поселения в длину и ширину 03
Развитие поселения «концами» 04
Развитие поселения «кварталами» 05
Иное территориальное развитие (указать) 06

10. ЗАСТРОЙКА ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА

Нарисовать схематический план

Общественный центр ярко выражен 01
Общественный центр не ярко выражен 02
Неполный состав общественных, административных и культурно-бытовых учреждений, расположенных в разных концах поселения 03
Общественный центр отсутствует 04

11. РАСПОЛОЖЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК

Нарисовать схематический план

На территории поселения 01
На территории поселения и вне ее 02
Вне территории поселения 03
Иное расположение (указать) 04
Производственные постройки отсутствуют 05

12. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЖИЛЫХ ДОМОВ
Жилые дома традиционного сельского типа 01
Преобладают жилые дома традиционного сельского типа, бытуют типовые жилые дома квартирного типа 02
Преобладают типовые жилые дома квартирного типа, бытуют жилые дома традиционного сельского типа 03
Одноквартирные типовые жилые дома 04
Многоквартирные типовые жилые дома 05
Одноквартирные и многоквартирные типовые жилые дома 06

13. ЛОКАЛИЗАЦИЯ НОВОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В пределах существующей жилой застройки 01
За пределами существующей жилой застройки 02
Как в пределах, так и за пределами существующей жилой застройки 03
Новое строительство не ведется 04

14. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОСЕЛЕНИЯ
Предусматривается административно-культурное, производственное и жилищное строительство 01
Предусматривается производственное строительство с консервацией административно-культурного и жилищного строительства 02
Предусматривается консервация всех видов строительства 03

15. АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ КОМПОЗИЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЛОЩАДИ ПОСЕЛЕНИЯ
Нарисовать схематический план

Замкнутая 01
Полузамкнутая 02
Полураскрытая 03
Раскрытая 04
Иная (указать) 05
Площадь отсутствует 06

16. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕСТНЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ
(шифруется преобладающий строительный материал)
Дерево 01
Природный камень 02
Саман, глинобетон 03
Кирпич 04
Бетон 05

II. СОСТАВ, СТРУКТУРА И ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

17. НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ
Однонациональный 01
Двухнациональный 02
Трехнациональный 03
Четырех-и более национальный 04

18. ПРЕОБЛАДАЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОСТЬ
(Шифруется на уровне 60% и более)
Указать процент каждой национальности
Мордва-мокша 01
Мордва-эрзя 02
Русские 03
Татары 04
Прочие 05

19. ТРУДОСПОСОБНОЕ НАСЕЛЕНИЕ, ЗАНЯТОЕ В СФЕРЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА, ПРОСВЕЩЕНИЯ, КУЛЬТУРЫ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, ТОРГОВЛИ, ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ, БЫТА И Т. Д.
(% от общего количества постоянного населения)
До 10 01
11—20 02
21—30 03
31—40 04
41—50 05

51—60	06
Более 60	07

20. «ПОСЕЛКООБРАЗУЮЩЕЕ» НАСЕЛЕНИЕ, ЗАНЯТОЕ В СФЕРЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

(% от общего количества постоянного населения)

До 10	01
11—20	02
21—30	03
31—40	04
41—50	05
51—60	06
Более 60	07

21. ОБСЛУЖИВАЮЩЕЕ НАСЕЛЕНИЕ, ЗАНЯТОЕ В СФЕРЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ, КУЛЬТУРЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

(% от общего количества постоянного населения)

До 10	01
1,1—2,0	02
2,1—3,0	03
3,1—4,0	04
4,1—5,0	05
Более 5,0	06

22. ОБСЛУЖИВАЮЩЕЕ НАСЕЛЕНИЕ, ЗАНЯТОЕ В СФЕРЕ БЫТА, ТОРГОВЛИ, ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ И Т. П.

(% от общего количества постоянного населения)

До 1,0	01
1,1—2,0	02
2,1—3,0	03
3,1—4,0	04
4,1—5,0	05
Более 5,0	06

23. ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ

(шифруется возрастная группа с наибольшим удельным весом мужчин и женщин)

Возрастные группы (гг.)	Численность, чел.		Удельный вес, %		Шифр
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	
16—19					01
20—24					02
25—29					03
30—34					04
35—39					05
40—44					06
45—49					07
50—54					10
55—59					11
Более 60					12
Итого					

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ (1970—1980 гг.)

Постоянное население	1. I. 70 г.	1. I. 71 г.	1. I. 80 г.	1. I. 81 г.

Средняя численность населения	1970 г.	1980 г.
Родилось		
Умерло		
Естественный прирост, чел.		
Коэффициент естественного прироста		
Прибыло		
Убыло		
Сальдо миграции (+, —)		
Интенсивность миграции		

24. ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ
Увеличился 01
Стабилен 02
Уменьшился 03
25. МЕХАНИЧЕСКИЙ ПРИРОСТ
Увеличился 01
Стабилен 02
Уменьшился 03
26. ОТТОК В ПРЕДЕЛЫ РЕГИОНА
В город 01
В поселок (рабочий, городского типа) 02
В село, деревню 03
Нет оттока 04
27. ОТТОК ЗА ПРЕДЕЛЫ РЕГИОНА
В город 01
В поселок (рабочий, городского типа) 02
В село, деревню 03
Нет оттока 04
28. ПРИТОК ИЗ ДРУГИХ МЕСТ РЕГИОНА
Из города 01
Из поселка (рабочего, городского типа) 02
Из села, деревни 03
Нет притока 04
29. ПРИТОК ИЗ-ЗА ПРЕДЕЛОВ РЕГИОНА
Из города 01
Из поселка (рабочего, городского типа) 02
Из села, деревни 03
Нет притока 04

III. КУЛЬТУРА, ЗДРАВООХРАНЕНИЕ, БЫТ И БЛАГОУСТРОЙСТВО

30. УЧРЕЖДЕНИЯ ПРОСВЕЩЕНИЯ, КУЛЬТУРЫ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

(Записать)

Комплекс № 1—десятилетняя общеобразовательная школа, Дом культуры, детские ясли-сад, больница, аптека 01

Комплекс № 2—восьмилетняя общеобразовательная школа, клуб, библиотека, медпункт 02
Комплекс № 3—начальная школа, клуб 03
Отсутствуют 04

31. УЧРЕЖДЕНИЯ ТОРГОВЛИ, ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ И БЫТА

(Записать)

Комплекс № 1—универмаг, специализированные магазины, ателье, ремонтные мастерские, кафе-ресторан, баня-прачечная, гостиница, почта 01
Комплекс № 2—продовольственные и промтоварные магазины, столовая, дом приезжих, баня, отделение связи, приемный пункт КБО 02
Комплекс № 3—магазин смешанной торговли 03
Отсутствуют 04

32. РАСПОЛОЖЕНИЕ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРНО-БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

В новых, современных типовых зданиях 01
Преимущественно в современных типовых зданиях, частично—в старых приспособленных зданиях 02
Преимущественно в старых приспособленных зданиях, частично—в современных зданиях 03
В старых приспособленных зданиях 04
Учреждения культурно-бытового обслуживания отсутствуют 05

33. ВОДОСНАБЖЕНИЕ

Централизованное, с подачей воды в жилые дома 01
Централизованное, с водоснабжением через водоразборные колонки 02
Централизованное, с подачей воды как в жилые дома, так и с водоснабжением через водоразборные колонки 03

Преимущественно централизованное, с частичным водоснабжением через колодцы 04
Преобладает водоснабжение через колодцы, с частичным централизованным водоснабжением 05
Водооснабжение через колодцы 06

34. ГАЗОСНАБЖЕНИЕ
Централизованное 01
Централизованное, при наличии автономного снабжения газовыми баллонами 02
Автономное снабжение газовыми баллонами, при наличии негазифицированных жилых домов 03
Негазифицированные жилые дома, при наличии автономного снабжения газовыми баллонами 04
Негазифицированные жилые дома 05

35. ОТОПЛЕНИЕ
Центральное 01
Центральное, при наличии автономного отопления котлами, расположенными в жилых домах 02
Автономное отопление котлами, расположенными в жилых домах, при наличии печного отопления 03
Печное, при наличии автономного отопления котлами, расположенными в жилых домах 04
Печное отопление 05

36. ПОКРЫТИЕ ДОРОГ, СВЯЗЫВАЮЩИХ ПОСЕЛЕНИЕ С БЛИЖАЙШИМ ГОРОДОМ
Грунтовое 01
Грунтовое, щебенчатое 02
Грунтовое, щебенчатое и асфальтобетонное 03
Щебенчатое и асфальтобетонное 04
Асфальтобетонное 05

37. РАССТОЯНИЕ ДО БЛИЖАЙШЕГО ГОРОДА (км)
До 10 01
11—20 02
21—30 04
31—40 03
41—50 05
Более 50 06

38. РАССТОЯНИЕ ДО БЛИЖАЙШЕЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ (км)
До 10 01
11—20 02

21—30	03
31—40	04
41—50	05
Более 50	06

39. СТАТУС БЛИЖАЙШЕГО ГОРОДА

Столица области, республики, края	01
Город республиканского, областного подчинения	02
Город районного подчинения	03

40. РАССТОЯНИЕ ДО РАЙОННОГО ЦЕНТРА (км)

До 10	01
11—20	02
21—30	03
31—40	04
41—50	05
Более 50	06

41. СТАТУС РАЙОННОГО ЦЕНТРА

Город республиканского, областного подчинения	01
Город районного подчинения	02
Поселок (рабочий, городского типа)	03
Село	04

42. РАССТОЯНИЕ ДО ТРАНСПОРТНОЙ МАГИСТРАЛИ С РЕГУЛЯРНЫМ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫМ ИЛИ АВТОБУСНЫМ СООБЩЕНИЕМ, СВЯЗЫВАЮЩЕЙ ПОСЕЛЕНИЕ С БЛИЖАЙШИМ ГОРОДОМ

До 5,0	01
6,0—10	02
11—15	03
16—20	04
Более 20	05

43. СУТОЧНОЕ КОЛИЧЕСТВО РЕЙСОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ИЛИ СООБЩЕНИЙ С БЛИЖАЙШИМ ГОРОДОМ

1—2	01
3—4	02
5—6	03
7—8	04
9—10	05
11 и более	06

IV. ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ РАССЕЛЕНИЯ

44. РАССЕЛЕНИЕ КРОВНЫХ РОДСТВЕННИКОВ ПО ТЕРРИТОРИИ ПОСЕЛЕНИЯ

Дисперсное (разобщенное расселение в разных местах поселения) 01
Преимущественно дисперсное, при наличии локальных форм расселения (по соседству, отдельными «концами», гнездами и т. п.) 02
Дисперсное и локальное 03
Преимущественно локальное, при наличии дисперсных форм расселения 04
Локальное 05

45. ЭТНОГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВНУТРИПОСЕЛКОВОГО РАССЕЛЕНИЯ

Жители различных национальностей расселены локально, образуя обособленные однонациональные «концы», «гнезда», «кварталы» 01
Жители различных национальностей расселены дисперсно, образуя смешанные формы расселения 02
Жители различных национальностей расселены как локально, так и дисперсно 03
Жители различных национальностей расселены преимущественно локально, хотя имеются и дисперсные формы расселения 04
Жители различных национальностей расселены преимущественно дисперсно, хотя имеются и локальные формы расселения 05
Однонациональное расселение 06

46. ЧИСЛО ПОСЕЛЕНИЙ В ХОЗЯЙСТВЕ (КОЛХОЗЕ, СОВХОЗЕ и др.), В КОТОРОЕ ВХОДИТ ИССЛЕДУЕМЫЙ НАСЕЛЕННЫЙ ПУНКТ

Одно 01
Два 02
Три 03
Четыре 04
Пять и более 05

47. СТРУКТУРА ВНУТРИХОЗЯЙСТВЕННОГО РАССЕЛЕНИЯ

Центральный поселок колхоза, совхоза 01
Центральный поселок колхоза, совхоза—поселки отделений 02
Центральный поселок колхоза, совхоза—поселки отделений—поселки бригад, ферм 03

Центральный поселок колхоза, совхоза—поселки отделений—поселки бригад—вахтенные поселки 04
Структуры сельского несельскохозяйственного расселения (указать) 05

48. ВНЕШНЯЯ ФОРМА ВНУТРИХОЗЯЙСТВЕННОГО РАССЕЛЕНИЯ
(Нарисовать схематическую карту расселения. Указать расстояние между поселениями и основные направления межселенных связей)

Очаговая (расстояние между поселениями более 6 км) 01
Гнездовая (расстояние между поселениями от 2 до 6 км) 02
Кучевая (расстояние между поселениями до 2 км.) 03

49. ВНЕШНИЕ СВЯЗИ ПОСЕЛЕНИЯ С ДРУГИМИ НАСЕЛЕННЫМИ ПУНКТАМИ ХОЗЯЙСТВА
Производственные 01
Административные 02
Культурные 03
Бытовые 04
Административно-производственные 05
Культурно-бытовые 06
Административно-производственные и культурно-бытовые 07
Иные (указать) 10
Внешние связи отсутствуют 11

50. ЭТНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВНУТРИХОЗЯЙСТВЕННОГО РАССЕЛЕНИЯ
(Нарисовать схематическую карту расселения. Указать национальный состав населения поселений).

Жители различных национальностей расселены локально в обособленных однонациональных поселениях 01

Жители различных национальностей расселены в этнически смешанных поселениях 02

Жители различных национальностей расселены как в однонациональных, так и этнически смешанных поселениях 03

Жители различных национальностей расселены преимущественно в однонациональных поселениях, хотя имеются и этнически смешанные поселения 04

Жители различных национальностей расселены преимущественно в этнически смешанных поселениях, хотя имеются и однонациональные поселения 05

Однонациональное расселение 06

ЗАМЕТКИ ЭТНОГРАФА

В. П. ТУМАЙКИН

СВЕДЕНИЯ ПО МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ МОРДВЫ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 70-х годах Научно - исследовательским институтом языка, литературы истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР проведен ряд комплексных экспедиций по изучению мордовского населения, проживающего за пределами Мордовии.

В сентябре 1970—1976 гг. изучалась мордва Куйбышевской области. Следует отметить, что это не первая экспедиция на данную территорию. В 1970—1971 гг. были организованы научные поездки в Исаклинский (с Исаклы, с. Старое Вечканово, п. Новое Вечканово), Шенталинский (с. Старые Шенталы, с. Лесная Богиня, п. Кузьминовка, п. Родина), Похвистневский (с. Старомансуркино, д. Нефедкино, п. Заря), Кошкинский (с. Степная Шентала), Красноярский (с. Новосемейкино) и Челно-Вершинский (с. Сиделькино, п. Редкая Береза) районы.

Во время экспедиции 1976 г. были обследованы с. Виловатое Богатовского района, с. Коноваловка, п. Немчанка, п. Захаровка и ст. Немчанка Борского района, села Малый Толкай и Большой Толкай Похвистневского района. Основным занятием мордовских крестьян обследованных районов в прошлом было земледелие. Ведущими сельскохозяйственными культурами являлись рожь, пшеница, овес, полба, ячмень, лен и конопля.

В Богатовском и Борском районах землю пахали деревянным сабаном, запряженном 3—4 парами быков или 4 лошадьми.

Им поднимали пар на тяжелых почвах и приготовляли землю под посев пшеницы. В Похвистневском районе пахали сохой. Пахали обычно осенью, а весной сеяли на невспаханной земле, после чего ее бороновали.

В старину бороновали ветками дуба или вершиной дерева—«чувто прясо». В первом случае сухие дубовые ветки с толстыми заостренными сучками связывали в виде веника, а во втором—срезали верхушки дерева, удаляли мелкие ветки, а более толстые—заостряли. Позднее для этого стали использовать деревянные бороны «чувтонь изамот». В пяти колодках сверлили по три дырочки в каждой. В них вбивали дубовые зубья—«тулынсто» или железные костыли.

Сеяли руками. Зерно разбрасывали из сеятельной рубахи—«видьме торбасто», «видьме руця».

Убирали урожай серпами—«тарваз». В начале XX в. использовались косы, к которым приделывались грабли. Нижние зубья были длиннее, чем верхние. В одних местах (п. Захаровка) они назывались «крюк», в других—(с. М. Толкай) «грабушка». Зажиточные крестьяне пользовались жнейками, самовязками. Косы с граблями применялись для уборки гороха, гречихи, овса и чечевицы и очень редко ржи. Рожь жали в основном серпами. Если же она была плохая, то скашивали косой, а иногда выдергивали руками. Во время уборки крестьяне редко возвращались домой, ночевали в поле. Мужчины обычно косили, а женщины вязали снопы. Связанные за день снопы после ужина укладывали в «крестцы», причем двенадцать снопов ставили, а тринадцатым накрывали сверху.

После завершения уборки в специальных повозках (рыдванах) снопы свозили на гумно, находившееся за хозяйственными постройками. Там их складывали прямо на землю в скирды. В одну скирду обычно шло два воза снопов.

Рожь молотили в основном цепами—«пивсымасо», «пивцемасо». Они были идентичны русским цепам. Дубовое било прикреплялся к ручке из липы кожаным ремнем. Снопы перед молотьбой складывались в два ряда колосьями в середину.

Пшеницу молотили лошадьми. В поселке Захаровка снопы укладывали в круг колосьями к центру, а в селе М. Толкай ставили и водили по ним лошадей.

Солому переворачивали двурогими вилами. Мякину от зерна отделяли специальными широкими деревянными лопатами.

Очищенное зерно засыпали в амбары, а солому складывали в одонья «пире куншкас»—«посреди огорода». В п. Захаровка обмолоченную солому с помощью носилок складывил в кучи—«штеметь».

При зимней молотьбе снопы сушили в овинах—«авнясо». А. Леопольдов так описывает их устройство: «...—яма гораздо больше, чем в шише. Над ямой устраивается квадратное деревянное строение из бревен, без потолка, но с крышею на стропилах. Стены обмазываются в пазах и сплошь толстым слоем глины; пол глиняный и хорошо утрамбованный, ровный. Впереди делается квадратное, аршина в два, окно вместо двери. С трех сторон у стен делаются продолговатые отверстия для прохода из ямы теплоты и дыма в овин. Когда сушат накладенный в него хлеб, то все это строение дымится. Овин лучше шиша по устройству, обширнее, реже загорается, потому что огонь, горящий в яме, дальше от хлеба» (4, с. 104).

Хотя А. Леопольдов и отмечал, что при сушке в овинах пожары возникали реже, но, как утверждают старожилы исследуемых нами сел, во время сушки снопов в каждую ночь то в одном, то в другом конце села возникали пожары.

Мололи зерно на мельницах местных богачей. В поселке Захаровка было несколько ветряных мельниц, в с. Виловатое была одна мельница, принадлежащая общине, но многие крестьяне мололи свой хлеб на мельницах местного богача.

Землей наделялись только мужчины. Переделы происходили через 12 лет (с. Коноваловка и п. Захаровка) или через 5—6 лет (с. Виловатое). На одну мужскую душу в п. Захаровке приходился участок размером 5х100 сажен, который «отрезался» в 4—5 местах, а в Коноваловке—более 4-х гектаров. Луга и бахчи делились ежегодно.

Вся общинная земля нарезалась на сотни, «ряд пе», которые делились на «паи»—10 душ. При переделах составлялся специальный участок—«велень мода» (дословно «сельская земля»), который продавался с торгов своим односельчанам. В с. Виловатое пахотная земля делилась на жребьи, в которые входило по 20 душ.

Уровень развития животноводства в регионе был невысоким. Скот у мордовских крестьян был беспородный и низкопродуктивный. «Их овцы,—отмечал Паллас,—столь худы, что их шерсть, кажется, по большей части смешана с козьею. Да и действительно видел я выродков от смешания козлов с овцами» (5, с. 123). В 1885 г. в селах М. Толкай и Б. Толкай Бугу-

русланского уезда было соответственно 74 и 422 головы овец. В среднем на один двор приходилось 7—8 голов, но были хозяйства, в которых содержалось по 20—40 овец. Разводились преимущественно овцы простой русской породы.

Гораздо меньше было свиней, которых держали исключительно для собственного потребления. Так, в селе М. Толкай, где было 476 домохозяев, содержалось всего лишь 14 свиней (6). Признаком устойчивости хозяйства служило наличие определенного количества рабочего скота. Представления об имущественном положении крестьян сел М. Толкай и Б. Толкай в конце XIX в. дает приводимая ниже таблица.

Села	В них дворов				
	без рабочего скота	с одной гол. раб. скота	с 2—3	с 4	с четырьмя и более головами
М. Толкай	33	80	160	62	103
Б. Толкай	26	81	157	50	94

Из приведенных данных видно, что дворов без рабочего скота было соответственно 7,5% и 6,4%, с одной головой рабочего скота—18,2% и 19,8%, с 2-3—36,5% и 38,5%, с 4 — 14,2% и 12,2% и более 4 голов—23,6% и 23,1%. Эти цифры свидетельствуют о более полном обеспечении рабочим скотом крестьян Самарской губернии по сравнению с мордвой, проживающей в других губерниях. Так, например, в Темниковском уезде Тамбовской губернии (данные за 1882 год—В. Т.) количество дворов без рабочего скота составляло 21,6%, с 1 — 42,9%, с 2-3—31,3%, с четырьмя и более—всего лишь 4,2% (2, с. 21).

Для пастьбы скота каждая община нанимала пастухов. Собирались домохозяева, договаривались о плате с каждой головы пасущегося в стаде скота. Для коров, а также лошадей нанимали отдельных пастухов. Кормили их всем селом по очереди, в зависимости от количества скота в каждом хозяйстве. Если пастуха нанимали из другого села, то ему предоставляли ночлег. Ночевал он в том же доме, где и ел. Для пастухов всегда готовили самую лучшую пищу.

В первый день выгона скота в церкви служили молебен. Выгоняли со двора вербами. Пастухи в этот день вели за собой запряженных лошадей, каждая хозяйка давала каравай свежеиспеченного хлеба и несколько яиц.

В зимнее помещение животных ставили глубокой осенью, когда окончательно выпадал снег. Иногда же и в зимнюю стужу скот «гулял на просторе по двору и поочередно приводился в избу обогреваться и покормиться; молодой же скот (телята, и поросята) и птица на всю зиму водворялись в избу вместе с людьми» (2, с. 32).

Для кормления скота использовали грубые и малопитательные соломистые корма, траву и корни из-под бороны, высевки из-под просеваемой решетом мякины и т. п. Солому давали в виде сечки, иногда к ней добавляли муку, отруби и замешивали на теплой воде. Сено берегли для лошадей и овец, особенно к концу зимы, коровам давали его только при отелах. В дни особо напряженных работ лошадей кормили овсом. Во многих хозяйствах к концу зимы не хватало и этих кормов. Тогда скот кормили полугнилой соломой с крыш домов.

За зиму от плохого содержания и корма животные обычно так истощались, что часто не могли держаться на ногах и их веревками вытаскивали на зеленеющий пар.

Охота и рыболовство в этих районах не имели большого промыслового значения. Охотой занимались после полевых работ. Пользовались шомпольными ружьями, капканами. В с. Коноваловка на дерево вешали курицу, а вокруг расставляли несколько капканов. Лиса подходила к дереву, пыталась достать курицу и обязательно попадала в один из них.

Рыбу ловили как в реках, так и в озерах, которые с торгов сдавались в аренду. Арендатор являлся полноправным хозяином, и только с его разрешения другие могли ловить рыбу бреднями или удочками. Сам же он ловил «вентерями». Если озера соединялись с речками, то на этих местах ставились «запоры» —высокие длинные бредни, которые проверялись по утрам и вечерам. Зимой ловили «мордой» и «кошелем». Выловленную рыбу продавали в своем селе по 3—5 коп. за фунт, иногда возили на базары.

Традиционной мордовской одежды в исследуемых нами районах не обнаружено. Она исчезла здесь, видимо, в конце XIX—начале XX в. (7 с. 128). Переход к современному городскому костюму произошел через русский народный костюм. Женщины носили длинные широкие юбки из самотканного холста и кофты. Никаких вышивок на них не было. Юбки назывались по цвету материала—малиновый, жандаровый, кашемировый, небесный и т. д. По праздникам надевали белую кофту «коцтонь рукава» и юбку «станка». Кофты шились из молескина, плюша,

шерстяной материи. Они плотно облегали тело и были расклешенными с пояса. На праздничных кофтах около шеи пришивался в два ряда бисер, а на груди—два ряда блестящих полосок с зубчатыми краями «раужо рюшат». Их надевали только в церковь.

Спереди подвязывали фартук из холста «коцтонь за пунт». Он имел очень длинные завязки, которые свисали почти до пят. Передник завязывался на поясе под кофтой, т. к. нагрудная часть у него отсутствовала. К нижней части фартука пришивались до 10 разноцветных ленточек. На бедрах носили «пулякш», украшенный «плискесо», «чихрасо», «рисьмесэ». Они были праздничные и будничные.

Распростаненным видом женского головного убора в этом районе был «шлыган». Он шился из сурового холста и был похож на сороку—«шлыган», которую носила саратовская мордва (1, с. 145—155).

В Богатовском и Борском районах женщины на голову повязывали шелковый платок. Под платок спереди подвязывался волосник, на который надевался «шлык»—полоска материи, сшитая в несколько рядов шириной 10—15 см и длиной 35—40 см, или же такого размера полоска картона.

Наиболее распространенным видом обуви являлись лапти—«карть». Они плелись из липового, а иногда и вязового лыка.

Плетением лаптей занимались в основном мужчины. Орудия, которые употреблялись при их плетении, были простыми: деревянная колодка «карь колодка», нож «пеель» и кочедык «цекань сюро». Рабочие лапти плелись из пяти, а праздничные—из семи или десяти лык.

Ноги обертывались белыми портянками («пракстасо»). Чулки вязались без пяток из толстых шестяных ниток. Доходили они до колен. Наверху, из ниток другого цвета, делались три полоски. Зажиточные крестьяне по праздникам обували «романовские валенки» с красными полосками на верхней части голенища.

В качестве первых блюд были распространены щи, различные похлебки и супы, из вторых блюд—пшенная каша. Разнообразные блюда готовились из картошки. Ее ели с капустным или огуречным рассолом, варили в молоке, готовили жаркое в чугуне и т. д.

Значительное место из продуктов питания занимала тыква. Ее разрезали на кусочки, очищали и парили в печке. Иногда ее там держали по два—три дня.

В отличие от мордвы, проживающей на территории современной Мордовской АССР, исследуемая мордва в большом количестве употребляла арбузы. Осенью их ели свежими, а на зиму готовили моченые. Мочили их следующим образом: вымытые арбузы укладывали в кадушку, доверху заливали холодной водой, а наверх , в мешочках, клали соль. Если арбузы были толстокожие, то на ведро воды клали три стакана соли, а если тонкокожие—два стакана.

Распространенным блюдом у куйбышевской мордвы было «сухаря ведь», которое готовили обычно на завтрак. В кипяченую подсоленную воду крошили сухари, добавляли немного сметаны и ложку или две сливочного масла.

Во время уборки урожая в поле готовили «пакся ям» (досл. —«полевой суп»). Он служил и первым и вторым блюдом. Варили его из пшена, картошки и прошлогоднего внутреннего сала. Сначала с хлебом съедали жидкое—«ям» (суп), а затем оставшуюся «кашу».

Большое место в питании занимало молоко и молочные продукты. Кислое молоко готовили из снятого топленого молока, которое охлаждали до температуры парного и смешивали с закваской—старым кислым молоком. Когда оно делалось густым, его выносили в погреб и ставлии на снег. Во время постов кислое молоко собирали в кадушки. Для более длительного хранения из кислого молока делали «кольцягат»—молоко выливали в полотняный мешок, и когда стекала вода, клали под пресс (доска с камнем). При употреблении в пишу полученную массу разбавляли водой или свежим молоком. Иногда в кадушку с кислым молоком в холщовом мешочке опускали остатки от просеянной муки («лав») или золу, которая вытягивала всю влагу. Затем густую массу перекладывали в глиняные горшки и хранили в погребе на снегу.

В некоторых населенных пунктах Куйбышевской области мордовские крестьяне изготовляли сыры. Их варили из творога, который тщательно выжимали, а затем длительное время кипятили в молоке. После кипячения массу клали в мешочки, куда добавляли соду, яйца, соль, и все это ставили под пресс.

Из напитков наиболее распространенными были «брага» и «поза», а в последнее время широко употребляется чай. Брагу готовили обычно к праздничным дням. Иногда 5—7 семей варили ее совместно. В дом, где она варилась, приносили необходимые продукты, дрова.

Более подробно остановимся на праздничных и обрядовых блюдах куйбышевской мордвы, многие из которых употребляются и в настоящее время.

К праздничным дням готовили лапшовник, курник, цемарат и другие кушанья. Для приготовления «лапшовника» месили «лапша сюкор»—тесто из белой муки, которое тонко раскатывали и на противнях сушили. Затем его крошили в глиняную миску, разбивали туда пять сырых яиц, добавляли ложку сливочного масла, парное молоко и варили в печке. Для приготовления курника на сковородку мелко нарезали картошку или насыпали пшена. Месили тесто (в муку добавляли яйца и масло) и раскатывали на ширину сковородки. На тесто клали мелко нарезанные кусочки мяса, заворачивали все это и пекли в печке.

«Цемарат» приготовлялся следующим образом: из раскатанного теста нарезали длинные полоски. В них закатывали баранье или свиное сало и варили в воде до готовности. На сале жарили яичницу. Сваренные кусочки теста и яичницу накладывали в миску, заливали бульоном и забеливали сметаной.

К свадьбе пекли специальный свадебный пирог «лукш». В разных селах его готовили по-разному. Вечером, накануне свадьбы, в доме жениха для этого собиралось человек 20—30 родственников, каждый из которых приносил с собой ведро муки, пять яиц и стакан сливочного масла. Во время приготовления все пели песни и плясали.

В качестве начинки для этого пирога служит каша. Готовят его на длину стола. Сверху из лучинок делают «вете сюрот»—пять рогов, на которые нанизывают орешки или различные фигурки из теста. Иногда вместо начинки кладут курицу, по краям запекают яйца. После того как лукошко испекут в печке, его украшают ленточками.

Для матери невесты в доме жениха раньше готовился «авань ловцо» (досл. «материнское молоко»): резали курицу, обрабатывали ее, вынимали внутренности, под крылья клали яйца и запекали в тесто. В Похвистневском районе в тесто запекали только яйца.

Иногда готовили и «атянь ловцо» (досл. «молоко старика», «отца»). Он представлял собой пирог, в который вместо начинки клали три косточки.

С поезжанами давали «пештинеть»—орешки из теста. Их раздавали девушкам, чтобы те пустили поезжан в сени, а ребятишкам—за постель невесты.

В доме невесты готовился «содамань пряка»— (досл. «пирог зятя»). Для начинки использовались свекла, творог или калина. В дом жениха его привозили в первый день свадьбы, когда молодые возвращались из церкви.

С невестой давали также «якстерестэ красязь томкине»— цилиндрической формы пряник с красной полоской посередине. Его вручали ребенку, которого сажали невесте на руки перед печкой.

Разнообразна поминальная пища. Возвратившихся с кладбища участников похорон прямо на пороге встречают чашей хлебного кваса, размешанного с медом. Тут же подают рисовую кашу с изюмом. Каждый участник похорон обязательно должен выпить квас и съесть кашу. За столом подают в обычные дни мясной суп (во время постов—рыбный), курник, блины и кисель.

В некоторых районах сначала подают окрошку—«салведь», затем суп—«ям», пшенную кашу—«карикань патавкст», которую готовят следующим образом: в мятый картофель добавляют сырые яйца, сметану, раскладывают в миски и ставят в горячую печь. Напоследок всем подносится «сусло»—незаквашенная брага. В последнее время все чаще сусло заменяется компотом. Перед тем как разойтись, все отпивают из общей кружки по одному глотку кваса.

Однако следует отметить, что в последнее время значительно упрощается технология приготовления традиционных блюд, многие из них заменяются современными.

Как видно из вышеизложенного, мордва Куйбышевской области имела много общего с мордвой, проживающей в других районах. Однако в материальной культуре прослеживаются и некоторые особенности.

Так, для куйбышевской мордвы был характерен способ обмолота снопов лошадьми, который не применялся на территории современной Мордовской АССР.

Имелись некоторые отличия и в питании. Исследуемая мордва в большом количестве употребляла в пищу арбузы. В отличие от правобережной мордвы в некоторых мордовских селах Куйбышевской области занимались изготовлением сыра.

Но и эти и другие различия наблюдались не только между отдельными регионами, но и между близлежащими районами. Поэтому дальнейшее изучение поможет более полно осветить различные стороны жизни мордвы на данной территории.

1. **Белицер В. Н.** Народная одежда мордвы. М., 1973. 215 с.
2. **Горигорьев В. Н.** Земско-статистические исследования по Самарской губернии.—Русская мысль, 1885, кн. 8.
3. **Змеев А. Ф.** Медико-топографическое описание и статистический очерк народонаселения Бугульминского уезда Самарской губернии. М., 1883. 135 с.
4. **Леопольдов А.** Крестьянские сушилки хлеба.—Самарские губернские ведомости, 1854, № 15.
5. **Паллас П. С.** Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I. СПб., 1809, 773 с.
6. Сборник статистических сведений по Самарской губернии, т. IV. Бугурусланский уезд, Самара, 1886.
7. **Тумайкин В. П.** Некоторые этнографические особенности мордвы левобережья Средней Волги.—В кн.: Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Труды, вып. 45. Саранск, 1974, с. 127—137.

В. Ф. РАЗЖИВИН

К ВОПРОСУ О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МОРДОВСКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

(по материалам экспедиции 1976 года)

В нашей многонациональной стране, объединяющей более ста наций и народностей на принципах социалистического интернационализма, равным среди равных является мордовский народ. По данным переписи населения 1970 г., численность мордвы в СССР составляла 1262,7 человек (1, с. 328), из них 93,3% живут в РСФСР, в том числе в Мордовской АССР — 28,9%. Значительные группы мордвы живут в Куйбышевской (9,4%), Пензенской (8,4%), Оренбургской (7,3%), Ульяновской (5,5%), Горьковской (4,1%) и ряде других областей, краев, союзных и автономных республик. Такое территориальное рассредоточение способствует интенсивному процессу межэтнических контактов среди мордовского населения. Поэтому изучение этнических и демографических процессов мордовского народа, находящегося за пределами своей автономной республики, в настоящее время приобретает все большую актуальность. С этой целью в 1976 г. Мордовским научно-исследовательским институтом (НИИЯЛИЭ) была проведена этнографическая экспедиция под руководством старшего научного сотрудника сектора археологии и этнографии В. П. Тумайкина в пределах Куйбышевской области.

Экспедиция обследовала мордовское население сел Виловатое, Коноваловка, Малый и Большой Толкай (2). Население этих сел в своем абсолютном большинстве относится к мордве-

эрзе. В программу обследования, наряду с традиционными этнографическими вопросами, были включены вопросы для анализа современного демографического состояния.

Источниками для написания данной статьи послужили похозяйственные книги по селу Виловатое за 1939—1941 и 1976 гг., по селам Коноваловка, Малый Толкай за 1949—1951 и 1976 гг., а также отчеты о половом и возрастном составе сельского населения на 1 января 1976 г. по указанным селам и сельским советам. Эти данные позволяют провести сравнительный количественный и качественный анализ динамики их населения.

В указанных селах наблюдается тенденция сокращения общей численности населения. Наиболее интенсивный процесс уменьшения населения отмечается в селах Коноваловка и Малый Толкай. Довольно сильно снизилась численность населения сел Большой Толкай и Виловатое.

Таблица 1

Динамика численности населения сел

Название сел	Годы				1976 г. в %		
	1939—1941	1948—1951	1. I 1975	1. I 1976	1939—1941	1948 1951	1975
Виловатое	1304		1063	1038	—20,4		—2,3
Коноваловка		2914	1876	1721		—40,9	—8,2
М. Толкай		1677	1324	1258		—24,9	—4,9
Б. Толкай			2422	2345			—3,2

Следует отметить, что во всех этих селах происходит сокращение как мордовского, так и населения других национальностей. Например, только в селе Виловатое, смешанном в этническом отношении, численность мордовского населения с начала 1941 по январь 1976 г. сократилась на 54,4%, а в селах Малый Толкай и Коноваловка численность мордвы с 1951 по 1976 г. сократилась соответственно на 14,5 и 30,9%.

Снижение численности населения обусловливается многими факторами, но в послевоенный период—миграцией. Разумеется, проблема миграции населения представляет собой самостоятельную область исследования, изучению которой за последние годы уделяется большое внимание. В данной статье мы ограничиваемся только лишь выявлением направлений оттока населения за 1951 год по селам Коноваловка и Малый Толкай, который зафиксирован как внутрирайонный и внутриобластной, так

и внеобластной. Наиболее интенсивный отток населения происходит в города Куйбышевской области, а также в районы Урала, Сибири и Дальнего Востока, Средней Азии и Северо-Западного экономического района. Среди выбывших жителей указанных сел значителен удельный вес молодых людей—одиночек, бездетных брачных пар и супружеских пар с одним или двумя детьми. Процесс отлива населения характерен не только для рассматриваемых сел, но и для всего сельского населения Куйбышевской области. В этом отношении показательны данные переписей населения 1959 и 1970 гг. Так, за 11 лет между переписями численность сельского населения области сократилась на 80 тыс. человек, в том числе на 9,8 тыс. человек мордовской национальности, в то время как доля городского—возросла более чем на 572 тыс. человек, из них 12,5 тыс. человек мордвы.

Однако следует отметить, что сокращение сельского и увеличение городского населения области за этот период произошло не только за счет перемещения сельского населения в городскую местность. В некоторой степени росту городского населения способствует административное преобразование некоторых сел в поселки городского типа. Если в 1959 г. было 9 поселков городского типа с населением 60,7 тыс. человек, то в 1970 г. их насчитывалось 17 с населением 115 тыс. человек. Также одновременно происходит и укрупнение городов за счет включения в городскую черту сельских населенных пунктов, расположенных рядом с городами.

Изменения в численности населения сказались и на его половозрастной структуре. Состав населения по полу и возрасту является одной из важных его характеристик, а изменения в нем ставят актуальные проблемы современных демографических, социально-экономических и медико-санитарных исследований (см.: 3, с. 5). Соотношение мужчин и женщин в значительной степени оказывает влияние на формирование новых семейных союзов, на распределение трудовых ресурсов, на воспроизводство населения и т. п. Материалы нашей экспедиции отчетливо показывают образовавшуюся диспропорцию в половой структуре сельского населения из-за убыли мужчин. На январь 1976 г. наибольший удельный вес женщин—59,7%—отмечается в Коноваловском, 56,4%—в Виловатовском и Б. Толкайском сельских советах, меньший—54,0%—в М. Толкайском. Наибольшее несоответствие в соотношении по полу отмечается в Коноваловском сельсовете, где на 100 мужчин приходится 143 женщины, в Виловатовском и Б. Толкайском это соотношение равно 132,

в М. Толкайском—116. Преобладание женщин в данных сельских советах отмечено и в предшествующие годы.

Неблагоприятная структура по полу в рассматриваемых селах сложилась и среди мордовского населения. Разрыв удельного веса женщин и мужчин на январь 1976 г. составил в селе М. Толкай 12% (56,0% и 44,0%), соответственно в с. Коноваловка—15,2% (57,6% и 42,4%) и в с. Виловатое — 12,2% (56,1% и 43,9%).

Статистические данные показывают, что значительная диспропорция в численности мужчин и женщин мордовского населения во всех исследованных селах отмечается в течение всего рассматриваемого периода (табл. 2).

Таблица 2

Численность женщин на 100 мужчин мордовского населения

Названия сел	1939—1941 гг.		На 100 муж. прих. жен.	1949—1951 гг.		На 100 муж. прих. жен.	1976 г.		На 100 муж. прих. жен.
	муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.	
Виловатое	289	376	130	—	—	—	133	170	121
Коноваловка	—	—	—	878	1206	137	509	647	136
М. Толкай	—	—	—	561	791	141	568	771	127

Разрыв в соотношении мужчин и женщин за 1949—1951 гг. объясняется рядом причин, одной из которых является гибель многих мужчин в войне 1941—1945 гг. Только в с. Коноваловка не вернулось с фронта более 160 человек, из них свыше 130 мужчин и юношей мордовской национальности. Это отразилось на соотношении населения по полу и в послевоенные годы. «Начавшийся с войны процесс эволюции населения продолжается до настоящего времени» (3, с. 40). Более наглядно об этом свидетельствуют данные при распределении населения по полу и возрастным группам.

Для анализа половозрастной структуры населения рассматриваемых сельских советов и указанных сел все население нами было сгруппировано в четыре возрастные группы: 0—19, 20—39, 40—59, 60 лет и старше. На январь 1976 года половозрастная структура населения всех сельских советов характеризуется большим удельным весом женщин в старших возрастных группах—60 лет и старше: в Виловатовском сельском совете—76,6%, Коноваловском—75,4%, в Б. Толкайском и М. Толкайском соответственно—72,7% и 68,6%, тогда как процент муж-

ского населения в этом возрасте составил 27,4%, 24,4% и 27,3%. В возрастной группе 40—59 лет преобладание женского населения над мужским по Б. Толкайскому сельскому совету составляет более 16% (58,2% и 41,8%), соответственно в Коноваловском—14% (57,0% и 43,0%), в Виловатовском—11,8% (55,9% и 44,1%) и в М. Толкайском—11,4% (55,7% и 44,3%). Незначительное преобладание удельного веса женского населения отмечено в возрастной группе 20 — 39 лет. И только в возрастной группе 0—19 лет удельный вес мужчин выше, чем женщин; исключением является Б. Толкайский сельский совет, где на 4,2% преобладает женское население.

Таким образом, «налицо половозрастное несоответствие структуры населения (в группах 20—39 лет, 40—59, 60 лет и старше.—**примеч. автора**), — которое сложилось не только под влиянием снижения рождаемости и последствий войны, но и под влиянием несоответствия структуры мигрантов...» (4. с. 100), а это в значительной степени ведет к ухудшению условий для воспроизводства населения, осложняет распределение трудовых ресурсов села. Об этом свидетельствуют данные о распределении рабочих и служащих в указанных сельских советах, в которых основной контингент работников составляют люди в возрасте старше 35 лет.

Показатели половозрастной структуры мордовского населения и данные для всего населения сельских советов примерно одинаковы (табл. 3).

Таблица 3

Половозрастная структура мордовского населения по селам, %

Возрастные группы	Годы	Виловатое		Годы	Коноваловка		М. Толкай	
		муж.	жен.		муж.	жен.	муж.	жен.
0 — 19	1941	41,1	58,9	1951	50,6	49,4	50,7	49,3
	1976	65,6	34,4	1976	54,4	45,6	49,9	50,1
20 — 39	1941	51.3	48,7	1951	43,2	56,8	39,5	60,5
	1976	70,3	29,7	1976	45,5	54,5	53,5	46,5
40 — 59	1941	40,2	59,8	1951	32,8	67,2	32,0	68,0
	1976	43,9	56,1	1976	42,0	58,0	41,2	58,8
60 лет и старше	1941	29,2	70,8	1951	24,7	75,3	30,5	69,5
	1976	24.2	75,8	1976	25,7	74,3	30,3	69,7
Итого	1941	43,6	56,4	1951	42,1	57,9	41,5	58,5
	1976	43,9	56,1	1976	42,4	57,6	44,0	56,0

Из таблицы следует, что в двух селах (Коноваловка и М. Толкай) на начало 1951 г. в возрастной группе 0—19 лет наблюдается незначительное преобладание мужчин над женщинами. Такое преобладание на начало 1976 г. сохраняется в селах Коноваловка и Виловатое. Превышение удельного веса мужчин отмечается в группе 20—39 лет в селах Виловатое и М. Толкай. В последующих возрастных группах наличного мордовского населения доля женщин значительно выше во всех рассматриваемых селах.

Об изменении возрастной структуры мужчин и женщин мордвы в общей численности каждого из полов по селам можно судить по приводимой ниже таблице.

Таблица 4

Изменение возрастного состава мужского и женского населения мордовской национальности в селах, %

Возрастные группы	Виловатое			Коноваловка			М. Толкай		
	Годы	муж.	жен.	Годы	муж.	жен.	муж.	жен.
0 — 19	1941	40,8	44,9	1951	48,6	34,5	49,0	35,7
	1976	15,8	6,5	1976	34,3	21,1	34,5	27,2
20 — 39	1941	38.7	28,2	1951	27,8	26,7	27,8	30,2
	1976	33,9	11,2	1976	23,2	17,6	28,5	19,3
40 — 59	1941	15,6	17,2	1951	17,1	25,4	13,0	17,6
	1976	27,9	27,0	1976	25,8	26,2	17,8	22,2
60 лет и старше	1941	4,9	9,7	1951	6,5	13,4	10,2	16,5
	1976	22,4	55,3	1976	16,7	35,1	19,2	31,3
Итого	1941	100,0	100,0	1951	100,0	100,0	100,0	100,0
	1976	100,0	100,0	1976	100,0	100,0	100,0	100,0

Содержание табл. 4 свидетельствует о сокращении доли молодежи в возрастных группах 0—19 лет и 20—39 лет и увеличении групп 40—59 лет и старше. Этот процесс, на наш взгляд, и в дальнейшем будет продолжаться. При этом следует отметить устойчивую на протяжении ряда лет тенденцию к снижению рождаемости, а значит, и к уменьшению размеров семьи. Анализ состава 313 семей по хозяйственным книгам села Виловатое за 1939—1941 гг. показывает, что они состояли в среднем из 4,1 человека, а в селах Коноваловка (741 семья) и Малый Толкай (430 семей) за 1951 г.—из 3,9 человека. На начало 1976 г. величина семьи по всем указанным селам снизилась до 2,8—2,6 человека. Следует также отметить, что если в 1941 и

1951 гг. однонациональные мордовские, русские и смешанные мордовско-русские семьи нередко состояли из 4—8 и даже более человек, то уже в 1976 г. чаще всего встречаются семьи, состоящие из 2—4 человек. Заметно значительное увеличение доли одиночек, чаще всего—пенсионного возраста. Так, если в 1951 г. одиночек в селе Коноваловка было 61, в М. Толкае—49, то на начало 1976 г. их число возрастает соответственно до 192 и 117. Намного возросло число семей, состоящих из 2 человек: на 1951 г. в с. Коноваловка их было 119, в 1976 г.—146, в М. Толкае—соответственно 67 и 127. Рост количества семей из двух человек характерен не только для обследуемых сел Куйбышевской области, но и для всего Среднего Поволжья, а также в целом для РСФСР и СССР (5, с. 91). Увеличение числа малых семей отчасти объясняется распадом двух-и трехпоколенных семей, стремлением поколений к территориально-бытовому отделению от родителей при уважении последних и другими факторами и мотивами.

Объективные этнические и демографические процессы, происходящие в настоящее время в этих селах, находят свое отражение и в такой сфере, как брак и семья. На брак как основную форму формирования семьи существенное влияние оказывает и национальный фактор (6, с. 48). Для населения рассматриваемых сел характерны этнически однородные, так называемые гомогенные браки. Имеются и национально смешанные семьи, что объясняется, как отмечает В. И. Козлов, рядом причин, среди которых выделяются диспропорция полового состава той или иной этнической общности, территориальная смешанность национальностей, близость их языка и культуры, социальная мобильность, отсутствие этнорасовых предубеждений и т. п. (7, с. 228). Численность национально смешанных семей в данных селах увеличивается из года в год. Так, если в 1951 г. удельный вес смешанных семей в селах Коноваловка и М. Толкай составлял соответственно 8,0 и 6,0% от общей численности семей, то на начало 1976 года этот показатель возрос до 9,5 и 10,2%. Наибольший процент этнически смешанных семей отмечен в с. Виловатое—11,2% в 1941 г., и 21,3% в 1976 г. Следует отметить, что в своем абсолютном большинстве (от 87% до 100%) это мордовско-русские семьи; число мордовско-белорусских и прочих семей—невелико.

Рост числа национально неоднородных семей указывает на увеличение этнически смешанных браков, что подтверждается данными проведенной нами экспедиции. Только за десять меся-

лев 1976 г. из 25 заключенных браков в с. Б. Толкай 9 браков, или свыше трети, заключены между молодыми людьми мордовской и русской национальности, один—русско-чувашский брак, остальные 15 браков—однонациональные. Тенденция к росту межнациональных браков в будущем, видимо, будет усиливаться.

Распространение национально-смешанных браков и семей указывает на широко развернувшиеся в нашей многонациональной стране этнические процессы (7, с. 229), основанные на ленинских принципах национальной политики, «политики обеспечения расцвета и вместе с тем растущего сближения всех наций» (8, с. 72). Национально-смешанные браки оказывают существенное влияние на этническую ориентацию детей. Очевидно, «следует также иметь в виду, что из двух этносов, представители которых вступают в смешанные браки, обычно увеличивается тот, для которого характерно численное преобладание в соответствующем регионе» (9, с. 116; 7, с. 230; 10, с. 20—30). В данном случае при нахождении мордовского населения в окружении русских и из-за территориальной удаленности его от Мордовской АССР направление этнических процессов очевидно. Материалы, полученные в экспедиции, свидетельствуют о том, что подавляющее число детей от этнически смешанных браков записано в похозяйственных книгах «русскими».

Подобное явление можно проследить на примере сел Виловатое и Коноваловка. Из 32 национально смешанных семей с. Виловатое, где муж мордвин, а жена русская, в 29 семьях (насчитывающих на 1. X. 1976 года 53 детей) дети записаны русскими, в том числе 16 чел. в возрасте от 16 до 25 лет. Из 10 смешанных семей, где муж русский, а жена мордовка, в 5 случаях (10 детей) выбор национальности определен по отцу. Русскими записаны дети и в других брачных сочетаниях (чуваш—русская, русский—белоруска).

По существу, такая же картина отмечена и в других селах. В 3 национально-смешанных семьях дети (6 чел.) записаны дифференцированно: сыновья, как правило,—по этнической принадлежности отца, а дочери—по национальности матери. Национальная ориентация детей от всех прочих межнациональных брачных сочетаний (мордвин—украинка, татарин—мордовка, мордвин—чувашка) определяется обычно по преобладанию этнической группы в селе, в данном случае—мордовской. В каждом из указанных сел имеются случаи, когда дети от однонационального мордовского брака записаны русскими.

Тенденция к распространению записи родителями своих детей от межнациональных браков по национальной принадлежности основного этноса характеризует межличностные национальные отношения, действие которых регулируется и психологическими факторами (11, с. 51). Так как дети от мордовско-русских браков чаще всего записаны родителями русскими, то «второе поколение в таких семьях как бы обрывает этническую линию по крайней мере одного из родителей (в данном случае мордовскую.—В. Р.), исключая его тем самым из процесса воспроизводства коренной для него этнической общности» (7, с. 231). Это также приводит к снижению численности мордовского населения.

* * *

Подводя некоторые итоги, отметим еще раз характерную для всех сел тенденцию сокращения общей численности населения. В связи с этим изменяется и его половозрастной состав в сторону диспропорции половозрастной структуры. Из многих объективных и субъективных причин, оказывающих влияние на сокращение населения, основной является миграция, широко развернувшаяся в послевоенные годы. С возрастанием роли комплексного развития сельского хозяйства в селах назрела большая потребность в квалифицированных кадрах. Проводимые в жизнь решения и мероприятия партии, направленные на подъем сельского хозяйства, в значительной степени влияют на закрепление молодежи на селе. Этому способствует ориентация учащихся выпускных классов на получение массовых профессий через систему профессионально-технического обучения. Повышение уровня жизни сельского населения, улучшение условий труда и т. д. способствует закреплению на селе молодых специалистов, прибывших на работу по направлению после окончания среднетехнических и высших учебных заведений, что несомненно приведет к изменению социального состава населения этих сел.

До 1976 года убыль населения из сел и снижение рождаемости привели к количественному изменению состава семей по числу членов. За 35 лет, с 1941 по 1976 г., состав однонациональных и межнациональных семей сократился с 4,1 человека до 2,6—2,8 человека. Такое сокращение состава семей по числу членов сказалось на увеличении доли семей, состоящих из двух человек, и одиночек, преимущественно лиц престарелого (пенсионного) возраста.

Разнородный национальный состав населения сел во многом обусловливает рост числа этнически смешанных браков. Однако основную массу по-прежнему составляют однородные браки.

Данная статья не претендует на полноту раскрытия всех этнических и демографических процессов, происходящих в сельской местности Куйбышевской области. Мы констатируем факт сегодняшнего этнодемографического состояния лишь в ряде сел. Наиболее же полное изучение происходящих здесь этнических, демографических, лингвистических, социальных и других процессов требует более широкого комплексного и детального исследования, с участием широкого круга ученых всех отраслей наук, занимающихся проблемами народонаселения.

* * *

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Национальный состав населения СССР, т. IV.—М.: Статистика, 1973.—647 с.
2. Села: Виловатое Богатовского, Коноваловка Борского, Малый Толкай и Большой Толкай Похвистневского районов.
3. **Калинюк И. В.** Возрастная структура населения СССР.—М.: Статистика, 1975.—112 с.
4. **Староверов В. И.** Социально-демографические проблемы деревни.—М.: Наука, 1975.—287 с.
5. **Смирнов И. Н.** Структура марийской сельской семьи (по материалам этнографической экспедиции Мар. НИИ).—В кн.: Древние и современные этнокультурные процессы в марийском крае.—Йошкар-Ола, 1976, с. 87 — 114.
6. **Ворожейкин Е.** Правовое регулирование отношений брака и семьи и народонаселение.—В кн.: Народонаселение. Население и экономика.—М.: 1973. с. 34—51.
7. **Козлов В. И.** Национальности СССР. —М.: Статистика, 1975. —263 с.
8. **Глезерман Г. Е.** Классы и нации. —М.: Политиздат, 1974. —79 с.
9. **Бромлей Ю. В.** Этнос и этнография. —М.: Наука, 1973. —283 с.
10. **Терентьева Л. Н.** Определение своей национальной принадлежности подростками в национально-смешанных семьях. — Сов. этнография, 1972, № 3, с. 20—30.
11. **Терентьева Л. Н.** Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР. — Сов. этнография, 1972, № 6, с. 38—51.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

8 ноября 1979 года на 35-м году жизни скоропостижно скончался Виктор Петрович Тумайкин—ученый, принадлежащий к младшему поколению этнографов Мордовии.

Виктор Петрович Тумайкин родился 27 августа 1945 года в с. Сабаево Кочкуровского района Мордовской АССР в семье служащего.

После окончания семи классов Сабаевской средней школы поступил на учебу в Ичалковское педагогическое училище им. С. М. Кирова, а в 1964 году, окончив его с отличием, был направлен на работу учителем истории в Сабаевскую среднюю школу.

Через год Виктор Петрович становится студентом историко-филологического факультета Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. В студенческие годы он приобщается к научной работе, руководит студенческим научным обществом на факультете, принимает участие в V Всесоюзной студенческой этнографической конференции, проходившей в 1967 году в г. Вильнюсе, пишет свои первые научные статьи и доклады, изучает методику полевых этнографических исследований и овладевает ею.

В 1969 году после окончания университета В. П. Тумайкин снова направляется на работу учителем истории и обществоведения в Сабаевскую среднюю школу, а в декабре того же года поступает в аспирантуру Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.

Результатом научного поиска за время обучения в аспирантуре стала его диссертация «Соседская община заволжской мордвы в пореформенный период (по материалам Самарской губернии)».

После защиты диссертации (1974 г.) В. П. Тумайкин проводит большую работу по сбору полевых этнографических материалов, характеризующих культуру и быт отдельных групп мордовского населения, проживающего за пределами Мордовской АССР.

В 1975 году в составе экспедиции фольклористов, этнографов, языковедов он выезжает в Алтайский край, а затем в Армянскую ССР.

Летом 1976 года В. П. Тумайкин руководит комплексной этнографической экспедицией, целью которой было исследование культуры и быта мордовского населения Куйбышевской области. В 1977—1978 гг. занимается сбором данных для историко-этнографического атласа Мордовской АССР, а в 1979 г. собирает сведения для коллективной монографии «Формирование социалистического быта мордовского села».

Занимаясь сбором материала, Виктор Петрович обращал внимание на его качество. Простота и искренность ученого располагали к нему местных жителей, что во многом способствовало получению глубоких и достоверных этнографических данных.

Его увлекал широкий круг вопросов по традиционной этнографии. Им собирались данные, касающиеся и отдельных элементов материальной культуры, и религиозных воззрений народа.

Из материалов экспедиций Виктору Петровичу удалось опубликовать, к сожалению, лишь небольшую долю.

Всем, кому посчастливилось знать В. П. Тумайкина, хорошо известны его чуткое отношение к людям, простота, скромность, бесконечная человечность, высокая эрудированность, неутомимость в труде, преданность своему делу. Светлая память о нем сохранится в наших сердцах и в долгой жизни его работ.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ МОРДОВСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ВОПРОСНИКА

1. Этногеографическая зона
2. Тип населенного пункта
3. Национальный состав населения
4. Пол
5. Возраст
6. Образование в момент обследования
7. Образование в начале трудовой деятельности
8. В какой школе обучались
9. Национальность опрашиваемого
10. Национальность родителей
11. Социальное положение в настоящее время
12. Сфера приложения труда
13. Социально-классовая принадлежность
14. Довольны ли отношениями с сотрудниками в коллективе
15. Социальное положение в начале трудовой деятельности
16. Социальное положение главы семьи
17. Изменения социально-классовой принадлежности
18. Изменения социально-профессионального статуса
19. Как давно проживаете в данном населенном пункте
20. Из какой местности прибыли
21. Из какого населенного пункта
22. Куда бы хотели переехать
23. Причина выезда
24. Участие в общественной жизни
25. Партийность
26. Семейное положение
27. Возраст в момент вступления в брак
28. Хорошо ли сложилась жизнь в семье
29. Состав семьи
30. Тип семьи
31. Этнический аспект брака
32. Национальность несовершеннолетних детей
33. В какой школе учатся дети (национальной или русской)
34. В какую школу Вы охотнее послали бы детей учиться
35. Размер зарплаты
36. Сумма дохода на члена семьи
37. Предметы культурно-бытового назначения, имеющиеся в обиходе
38. Как проводите свободное время
39. Достигли ли Вы в жизни того, что хотели
40. Национальность товарища по работе
41. Влияет ли национальный состав на отношения в коллективе
42. Национальность соседей
43. Национальность друга
44. Где чаще всего общаетесь с людьми другой национальности
45. Как часто общаетесь с людьми другой национальности
46. Куда пишите письма и национальность адресата
47. Родной язык
48. Язык раннего детства

49. Степень владения эрзянским языком
50. Степень владения мокшанским языком
51. Степень владения русским языком
52. Язык домашнего общения
53. Язык общения на работе
54. Язык публичных выступлений
55. Насколько хорошо понимаете национальные передачи по радио и телевидению
56. Тип жилища
57. Знание национального костюма
58. Бытование национального костюма
59. Бытование национального свадебного костюма
60. Бытование предметов национальной утвари
61. Бытование современных промышленных изделий, изготовленных в национальном стиле
62. Знание национальных и обрядовых кушаний
63. Бытование мордовских кушаний
64. Знание элементов национальной свадьбы
65. Тип свадьбы опрашиваемого
66. Ориентация на тип свадьбы
67. Влияет ли национальность на брак
68. Сохраняются ли традиционные семейные обычаи по отношению к невесте
69. Знание народного обряда при рождении ребенка
70. Ориентации на обряд при рождении ребенка
71. Религиозность семьи
72. Религиозность личности
73. Знание легенд и былин
74. Знание народных сказок
75. Знанине мордовских народных песен
76. Имеются ли грамзаписи народных песен
77. Какие произведения художественной литературы прочли за последнее время (зарубежная, народов СССР)
78. Любимое произведение художественной литературы.
79. Имеются ли в домашней библиотеке книги по истории и культуре мордовского народа
80. Какие газеты и журналы читает обследуемый
81. Знание современной мордовской музыки
82. Ориентация на национальную и русскую музыку
83. Какие русские и мордовские театральные постановки Вы смотрели за последний год
84. Какие телевизионные постановки Вы смотрели за последние 2—3 месяца
85. Достаточно ли передач ведут на национальных языках Саранское радио и телевидение
86. Характер участия в художественной самодеятельности
87. Репертуар
88. Подарок гостю, связанный с национальным сознанием
89. Знание национального героя в прошлом и настоящем
90. Имеет ли национальность какое-либо значение в выборе друга

91. Какие национальные признаки (язык, одежда, жилище, пища, обычаи, обряды, песни, литература, искусство) сближают и роднят Вас с людьми Вашей национальности
92. Какое количество из указанных признаков (91) наиболее способствует сближению людей одной национальности
93. Мнение опрашиваемых о единстве мордвы
94. Какое название вместе для мокши и эрзи наиболее удачно
95. Как бы ответил опрашиваемый о своей национальности за границей, в другой республике и дома.

СОДЕРЖАНИЕ

Мезин П. М. Архаические черты в обрядовой пище мордвы 3
Лузгин А. С. Одежда русского сельского населения Мордовии (середина XIX—начало XX в.) 19
Федянович Т. П. Свадебные обряды русских и мордвы Мордовской АССР (сравнительная характеристика) 37
Беляева Н. Ф. Родильные обряды мордвы-мокши Атюрьевского района Мордовской АССР (конец XIX—начало XX в.) 51
Апанин Н. В. К вопросу об изучении этноса как целостности 63
Шаляев Н. С. Языковая компонента в системе мордовского этноса 80
Мезин П. М. Роль и место пищи в системе мордовского этноса 97
Лузгин А. С. Современное жилище русского сельского населения Мордовской АССР 111
Вавилин В. Ф. Этнографические аспекты современного сельского расселения Мордовской АССР 128

Заметки этнографа

Тумайкин В. П. Сведения по материальной культуре мордвы Куйбышевской области 148
Разживин В. Ф. К вопросу о демографической структуре мордовского сельского населения Куйбышевской области (по материалам экспедиции 1976 года) 158

Памяти товарища 168

Приложение 1. Основные факторы Мордовского этнографического вопросника 169

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРДОВИИ

Редактор В. А. Кижняев
Технический редактор Е. И. Синяева
Корректор С. П. Федотова

Сдано в набор 9.VIII—82 г. Подписано к печати 01. 12.82. Ю 05764. Формат 60x841/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.-печ. л. 9,98 Уч.-изд. л. 9,52. Тираж 500 экз. Заказ № 3533 Цена 60 коп.
Мордовское книжное издательство Государственного комитета Мордовской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 430000, г. Саранск, Советская, 55
Ковылкинская типография Государственного комитета МАССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли